

В. Самсон

Партизанское
движение
в Северной Латвии



В. П. САМСОН

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В
СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(исторический очерк)

ЛАТГОСИЗДАТ РИГА 1951

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ.....	7
1. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ОККУПАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ	7
2. О ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ.....	8
3. КОРОТКО О СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ	10
I ПЕРИОД ОТСТУПЛЕНИЯ И ПЕРЕГРУППИРОВКИ СИЛ.....	13
1. ЗАРОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ	13
2. РОСТ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЗИМОЙ И ВЕСНОЙ 1942 ГОДА.....	24
II БОРЬБА ЗА ПЕРВЫЕ ЦЕНТРЫ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЛАТВИИ.....	36
1. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ	36
2. СОЗДАНИЕ РУКОВОДЯЩЕГО ЦЕНТРА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ОККУПИРОВАННОЙ ЛАТВИИ	51
III ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ	65
1. ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ	65
2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВШИРЬ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ И ПЕРВЫЙ ЭТАП ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РУКОВОДСТВА ИМ.....	77
3. БЫСТРЫЙ РОСТ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ И АКТИВИЗАЦИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИИ ПАРТИЗАН	83
4. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ.....	98
IV МАССОВАЯ АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА	114
1. ВОВЛЕЧЕНИЕ МАСС В ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ И ПОДГОТОВКА ИХ К ВООРУЖЁННОЙ БОРЬБЕ	114
2. ВООРУЖЁННАЯ БОРЬБА НАРОДА.....	125
3. ИЗГНАНИЕ ОККУПАНТОВ ИЗ СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 1944 года героическая Советская Армия освободила от ига немецкой оккупации последнюю волость Северной Латвии.

Объединённые в Первую латвийскую партизанскую бригаду отряды красных партизан, оперировавшие в Северной Латвии, после тяжёлых и кровопролитных боёв против ненавистных банд гитлеровских убийц и грабителей соединились с победоносными частями Советской Армии II и III Прибалтийских фронтов.

В борьбе за освобождение Советской Родины это партизанское формирование, действовавшее в Северной Латвии и являвшееся составной частью латышской партизанской армии, имеет известные заслуги. Удары, нанесённые Первой латвийской партизанской бригадой по вражеским коммуникациям, оккупационным учреждениям и живой силе противника, ощутимо ослабляли силы врага и тем самым содействовали частям Советской Армии громить на фронте военную машину гитлеровской Германии, помогли приблизить час победы.

Ответственную задачу возложили Родина и товарищ Сталин на миллионную армию советских патриотов, действовавших в тылу врага. В приказе Народного Комиссара Обороны от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения» подчеркнута, что разгром немецкой армии возможен только при совместных военных действиях Красной Армии на фронте и мощных непрерывных ударах партизанских отрядов в тылу. Это указывает на значение и место партизанского движения в Великой Отечественной войне советского народа против фашистских поработителей.

Советские партизаны с честью выполнили возложенные на них задачи, показав всему миру беспредельную любовь к своей социалистической Родине, преданность великой партии Ленина—Сталина — вдохновителю и организатору борьбы против фашизма.

История партизанского движения в Северной Латвии свидетельствует о том, что латышские партизаны шли нога в ногу со всеми советскими партизанами и в меру своих сил помогали ковать победу над врагом.

* * *

Цель автора этой брошюры — коротко охарактеризовать партизанское движение в Северной Латвии, показать трудящимся Советской Латвии — строителям коммунистического общества, как сыны и дочери латышского народа помогали завоевать право на строительство новой, Советской Латвии, как партизаны Северной Латвии под руководством коммунистов в тяжёлых боях против сильного и коварного врага с честью хранили и множили славные революционные традиции латышского народа.

Написать настоящую брошюру¹ автора побудило то обстоятельство, что до настоящего времени в латышской советской литературе почти нет материалов, более или менее широко освещающих

¹ Работа Героя Советского Союза Вилиса Самсона «Партизанское движение в Северной Латвии в годы Великой Отечественной войны» написана во второй половине 1947 г. Впервые она опубликована в журнале «Карате» №№ 7—12 за 1948 г. Настоящее издание дополнено новыми материалами и описанием боевых эпизодов. — *Ред.*

партизанское движение в Латвии. Можно назвать лишь три небольшие работы, в которых показано партизанское движение в Латвии в годы Великой Отечественной войны².

А между тем, такая работа крайне необходима.

Латышские буржуазные националисты как во время немецкой оккупации Латвии, так и после войны пытались и пытаются сейчас, будучи на содержании империалистов Запада, замолчать партизанскую борьбу в Латвии, а если это невозможно — то очернить это движение, показать его в неправильном свете. Они стараются изобразить широкую героическую борьбу народных мстителей как действия небольшой «банды», не имевшей никакой поддержки у латышского народа. Цель этих клеветнических измышлений ясна: с одной стороны — скрыть от мирового общественного мнения ту истину, что трудовой народ Латвии во второй мировой войне боролся за советскую власть под руководством Коммунистической партии (большевиков) Латвии, и с другой стороны, — распространить лживую побасенку о том, что латышская националистическая буржуазия со своими фашистскими и «национальными» организациями якобы была и остается выразительницей национальных интересов латышского народа, его «истинной представительницей». История латышского партизанского движения срывает маску с этих клеветнических измышлений. Она наглядно свидетельствует о том, что национальная буржуазия нагло предала жизненные интересы латышского народа и вместе с немецко-фашистскими оккупантами боролась против трудящихся.

Именно поэтому историю партизанского движения в Латвии надо сделать достоянием широких масс читателей.

* * *

Изучить и всесторонне осветить историю партизанского в Латвии, разумеется, нелегко. Значительную трудность для историка представляет, прежде всего, сбор и систематизация фактического материала³.

Самым значительным собранием материалов о партизанском движении в настоящее время является архив штаба партизанского движения в Латвии, который находится в Институте истории партии при ЦК КП (б) Латвии в Риге. Однако и там очень мало собрано материалов, касающихся 1941-1942 гг. Особенно мало фактического материала о партизанском движении в Курземе и о подпольной антифашистской борьбе в г. Риге.

² Я. Арайс, Латышские партизаны, газета «Циня» № 151—155 за 1945 г.; Р. Блюм, Латышские партизаны в борьбе против немецких оккупантов, журнал «Большевик Советской Латвии» № 13—14 за 1946 год; Я. Крастынь, Борьба латышского народа против немецких захватчиков и поработителей, Москва, 1946 г.

³ Самым значительным собранием материалов о партизанском движении является в настоящее время архив штаба партизанского движения в Латвии, который находится в Институте истории партии при ЦК КП (б) Латвии в Риге. Однако и там очень мало собрано материалов, касающихся 1941-1942 гг. Особенно мало фактического материала о партизанском движении в Курземе и о подпольной антифашистской борьбе в г. Риге.

Богатый исторический материал могли бы дать архивы бывших немецких оккупационных учреждений, полицейских участков и гестапо. Но часть из них немецкие оккупанты уничтожили, а сохранившиеся документы разбросаны по всей Латвии, и, вероятно, историки их пока что не используют. Особенно обширный фактический материал можно получить от участников партизанского движения и очевидцев событий. Но и здесь впереди ещё большая работа, так как сбор этих сведений, их накопление и систематизация требуют широких организационных мероприятий в республиканском масштабе. В этой связи необходимо использовать прежде всего возможности районных исторических музеев.

Богатый исторический материал могли бы дать архивы бывших немецких оккупационных учреждений, полицейских участков и гестапо. Но часть из них немецкие оккупанты уничтожили, а сохранившиеся документы разбросаны по всей Латвии, и, вероятно, историки их пока что не используют.

Особенно обширный фактический материал можно получить от участников партизанского движения и очевидцев событий. Но и здесь впереди еще большая работа, так как сбор этих сведений, их накопление и систематизация требуют широких организационных мероприятий в республиканском масштабе. В этой связи необходимо использовать прежде всего возможности районных исторических музеев.

Не будет преувеличением сказать, что составление истории партизанского движения в Латвии одному человеку не под силу. Потребуется, несомненно, работа широкого авторского коллектива.

Это, конечно, не означает, что до тех пор, пока не будут осуществлены в централизованном порядке такого рода мероприятия, наши историки и другие работники теоретического фронта не могут работать в этой области. Прежде всего необходимо провести известные предварительные работы, и это надо сделать как можно быстрее, пока в «живом архиве», т. е. в памяти участников партизанской борьбы и очевидцев этих событий еще сохранились живые и яркие воспоминания.

Нам кажется, что предварительные работы по созданию обширной монографии о партизанском движении в Латвии необходимо было бы вести в следующем порядке: тщательно накапливая и систематизируя фактический материал, следовало бы постепенно выработать тематику отдельных разделов о партизанском движении и о борьбе антифашистского подполья в отдельных областях, районах, городах и т. п.

Исходя из этих соображений, автор данной брошюры избрал одну из таких тем, а именно — партизанское движение в Северной Латвии. Автор считает, что его работа достигнет своей цели, если ему удастся привлечь внимание читателей к этой, по его мнению, исторически важной теме и поставить перед историками ряд проблем для дальнейшей работы, предоставив материалы о партизанском движении в одной из частей Латвии.

Понятно, что эта брошюра не претендует на полное и всестороннее освещение истории партизанского движения в Северной Латвии, или более того — на её объяснение. Такая работа потребовала бы глубокой научно-исследовательской работы, проведенной на базе обширного фактического материала.

Во-первых, она представляет собою скорее записки участника партизанского движения в Северной Латвии, дополненные некоторыми обобщенными выводами. Причем доминирующим является эмпирический материал, еще нуждающийся в дальнейшей обработке. Во-вторых, фактические сведения, которые имеются в распоряжении автора, охватывают не всю территорию Северной Латвии, а лишь некоторые её уезды — районы деятельности отдельных партизанских отрядов. Характер материалов, указанных автором, предопределен теми источниками и путями, какими он получен: автор собирал и накапливал их, будучи командиром Первой латвийской партизанской бригады. Но так как во время войны, или из-за недостатка времени, или в целях конспирации, многое не записывалось, то известные пробелы в публикуемых материалах неизбежны. Особенно неполными будут сведения о действиях партизанских групп осенью и

зимой 1941 г., а также о работе подпольных организаций и о деятельности групп содействия партизанам.

Тем не менее автор надеется, что те факты и события, которые как наиболее значительные приводятся в брошюре, помогут иллюстрировать и обосновать сделанные выводы.

ВВЕДЕНИЕ

1. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ОККУПАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Внезапное и вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года поставило прибалтийские советские республики, и среди них Латвию, в особенно тяжелое положение. Через эти республики шло наступление северной группировки гитлеровской армии в Ленинградском стратегическом направлении, которому было отведено особое место и далеко идущие задачи в кровавом авантюристическом плане «Барбаросса». Командование вооруженных сил гитлеровцев уделяло поэтому особое внимание наступлению в северном направлении и возложило осуществление задуманного удара на сконцентрированные в мощный кулак отборные моторизированные и бронетанковые части.

В состав северной группировки гитлеровских войск, исходным пунктом которой являлась Восточная Пруссия, входило 32 стрелковых дивизии, 4 моторизированные, 4 танковые дивизии и кавалерийская бригада, на вооружении которых находилось 6000 пушек, 19 000 ручных и станковых пулеметов, больше тысячи танков и бронемашин, более тысячи самолетов. Утром 22 июня 1941 года огромная масса двуногих роботов и военной техники двинулась в направлении Каунас—Псков— Ленинград.

По расчётам фашистских авантюристов этот удар должен был быть быстрым и решающим. Судьба Ленинграда считалась уже решенной, и никто в немецком генеральном штабе не сомневался в результатах наступления.

В действительности же всё произошло иначе. Оказалось, что в разработанном до мельчайших подробностей военном плане немецких агрессоров был целый ряд пробелов, и один из них заключался в том, что в нём не учитывалась беспредельная любовь советских людей к своей Родине, пламенный советский патриотизм, экономическая и военная мощь Советской державы. Это понятно: классовая ограниченность империалистов никогда не позволяла им правильно оценить все внутренние силы и мощь нового социалистического строя.

Правда, в первые недели войны, используя момент неожиданности, внезапности и преимущества агрессивной стороны в период развертывания военных действий, армиям фашистских грабителей удалось занять сравнительно большую территорию на побережье Балтийского моря, в том числе и Советскую Латвию.

Но судьба войны, как указывает товарищ Сталин, не может быть решена таким преходящим фактором, как момент внезапности; её решают такие постоянно действующие факторы, как прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности командного состава армии.

Понимая эту историческую закономерность, Верховное Главнокомандование Вооруженных Сил СССР разработало единственно правильный для первого периода войны план активной обороны. Отходя по приказу Верховного Главнокомандования, части Советской Армии в эластичных оборонительных боях в значительной степени обескровили немецкую армию уничтожив огромное количество живой силы и техники гитлеровцев, и в то же время сохранили свои кадровые части с тем, чтобы после мобилизации сил и ресурсов советской страны перейти в

контрнаступление и не только задержать обескровленного противника, но и разбить и изгнать его за пределы советской земли.

Советская Армия вынуждена была временно оставить Латвийскую Советскую Социалистическую Республику.

В тяжёлых и кровопролитных оборонительных боях против фашистских захватчиков принимали участие и трудящиеся Советской Латвии. Тысячи сынов и дочерей латышского народа уже в самом начале войны взялись за оружие. Войдет в историю Латвии самоотверженная борьба батальонов рабочей гвардии Лиепай, Риги и других городов, а также уездов, борьба с бандами диверсантов в тылу и с регулярными частями фашистских армий на фронте (1-й и 2-й отдельные стрелковые полки); войдут в историю бои Латышского территориального корпуса на берегах реки Великая.

В эти тяжёлые для Родины дни представители латышского народа показали незабываемые примеры беззаветного героизма и беспредельной любви к советской Родине. Начатое ими дело с честью продолжили латышские стрелки-гвардейцы на фронте и латышские партизаны в оккупированной немцами Латвии.

Северной границы Латвии немецкие войска достигли 4—5 июля. Начались полные ужаса дни фашистской оккупации, которая длилась более трех лет.

Как вели себя трудящиеся Латвии в годы фашистской оккупации?

Исторические события свидетельствуют о том, что трудящиеся Латвии под руководством коммунистической партии боролись как против фашистских захватчиков, так и против их подручных — доморощенных фашистов и всякого рода буржуазных националистов — боролись за советскую власть.

Эта борьба трудящихся выражалась в различных формах народного движения сопротивления.

2. О ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

История народов Советского Союза богата примерами партизанского движения и освободительных войн. Мы помним борьбу русского народного ополчения против польских захватчиков и их изгнание в 1612 году; мы помним широкую партизанскую войну в тылу наполеоновских армий в 1812 году; борьбу красных партизан против немецких оккупантов в 1918 году, а позднее — во время гражданской войны — в тылу у иностранных интервентов и белогвардейцев. Однако наиболее широко партизанская борьба развернулась на временно оккупированной территории Советского Союза во время Великой Отечественной войны. Накануне своего завершения эта борьба переросла во всенародное восстание против гитлеровских оккупантов. Она отличается от всех предшествовавших партизанских движений невиданными еще в истории размерами, организованностью и героизмом масс.

В истории латышского народа также имеется целый ряд примеров, когда трудящиеся, борясь против чужеземных захватчиков, применяли методы партизанской войны. Таковой является борьба вооруженных крестьянских отрядов в Курземе против мародерских банд прусского

оккупационного корпуса во время нашествия Наполеона в 1812 году; такой является борьба «лесных братьев» против баронских карательных экспедиций в окрестностях Талей, Тукума, Елгавы и в уездах Видземе после поражения революции 1905 года; такой характер приняла борьба красных партизан в Курземе и Малиене (восточная Видземе) против интервентов и буржуазной контрреволюции в 1918—1920 гг. Методы партизанской войны латышский народ применял и в борьбе против гитлеровских оккупантов.

Но все же есть большое различие между партизанской борьбой во время Великой Отечественной войны и партизанской борьбой латышского народа в предшествовавшие исторические периоды. Первое, что бросается в глаза, это то, что партизанская борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны отличается своим широким размахом, интенсивностью и организованностью. Не останавливаясь на этом подробно, укажем главные причины этого различия. Их надо искать, во-первых, в том обстоятельстве, что латышский народ в своей борьбе не был одиноким и организовывал её, идя рука об руку с другими советскими народами, в тесном взаимодействии с Советской Армией и партизанскими центрами в соседних республиках; что с самого начала это движение было организовано и направлялось как составная часть партизанского Движения всего, советского народа и было подчинено централизованному руководству партизанским движением, которое концентрировалось в руках Государственного Комитета Оборона и Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР товарища Сталина. Товарищ Сталин организовывал и направлял борьбу советского народа против немецко-фашистских захватчиков и довел её до окончательной победы.

Их надо искать, во-вторых, также в том обстоятельстве, что гегемоном партизанского движения в Латвии в годы Великой Отечественной войны был пролетариат и что, выполняя указания Верховного Главнокомандующего и Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), вдохновителем и организатором этого движения на местах была закалённая в долгих боях коммунистическая партия (большевиков) Латвии. Партия сумела обеспечить союз рабочего класса с бедняцким и средним крестьянством, который рос и укреплялся в борьбе против злейшего врага человечества — фашизма, и руководила им.

Говоря о качественном различии партизанского движения в Советской Латвии и всей предыдущей партизанской борьбы в истории латышского народа, необходимо отметить также и её различие и своеобразие в сравнении с партизанской борьбой в других — более старых советских республиках. Это различие было предопределено глубокими социально-экономическими причинами. В таких советских республиках, как Украинская, Белорусская ССР и РСФСР, социалистический строй к началу войны победил и укрепился не только политически, но и экономически. Соответственно этому изменилась и социальная структура общества, а именно: оно состояло из неантагонистических классов — рабочих, крестьян, а также интеллигенции, классовая борьба между которыми была исключена. В Латвии же за короткое время существования советской власти буржуазия не была разгромлена до конца, и здесь нельзя было ещё говорить о морально-политическом единстве всего народа. Трудящиеся Латвии, борясь во главе с рабочим классом против немецких оккупантов, должны были одновременно бороться против латышской контрреволюционной буржуазии, с её влиянием на различные слои населения.

Кроме того, на партизанское движение в Латвии повлияли также и такие неблагоприятные обстоятельства, как, например, быстрое продвижение захватчиков, в силу чего во многих уездах не удалось подготовить и оставить в тылу врага организующее ядро партизанских отрядов и т. п.

Всё это, вместе взятое, своеобразно повлияло на развитие партизанского движения в Латвии: на развертывание, интенсивность и размах партизанской борьбы в различных её фазах.

Партизанское движение в Латвии могло возникнуть и расти и, как это показала история, возникло и росло на известной базе движения народного сопротивления. Размеры и интенсивность самого движения народного сопротивления определялись, с одной стороны, участием в нём масс и, с другой стороны, организованностью этих масс.

Руководствуясь этим критерием, мы можем предложить известную периодизацию истории движения народного сопротивления.

Развитие движения народного сопротивления во время немецкой оккупации Латвии, по нашему мнению, следует подразделить на три главных, качественно различных периода:

1. С осени 1941 года и до весны 1942 года — период возникновения движения народного сопротивления. В этот период действовали мелкие, не связанные между собой, лишённые единого центра группы подпольщиков-партийцев и партизан. Движение сопротивления в целом носило ещё оборонительный характер.
2. С весны 1942 года по осень 1943 года — период централизованной организации и идеологического укрепления движения народного сопротивления. В этот период большевиками Латвии были созданы центры партийного подполья и партизанского движения, которые постепенно осваивали районы деятельности; начала широко развиваться одна из наиболее эффективных форм движения сопротивления — борьба вооружённых партизанских отрядов.
3. С осени 1943 года по осень 1944 года (а в Курземе до конца войны) — период массовой борьбы против оккупантов.

В этот период центры партийного подполья и партизанского движения полностью охватили все намеченные районы деятельности; в активную борьбу были вовлечены широкие массы трудящихся, действовали большие партизанские соединения.

Наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть одну форму движения народного сопротивления — партизанскую борьбу, причем лишь в одной части Латвии — в северных её районах. Но мы считаем необходимым показать также неразрывную связь этой борьбы с движением сопротивления всего латышского народа, с партизанским движением во всей Латвии, с борьбой всего советского народа против фашистских захватчиков, с военными действиями Советской Армии на фронтах, с борьбой советских партизан братских республик.

3. КОРОТКО О СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ

Говоря о Северной Латвии, подразумевают ту часть Латвийской ССР, в которую входят ее северные и северо-восточные районы. Это чисто географическое понятие. Других, более глубоких оснований — экономических или этнографических — для выделения Северной Латвии нет. Она даже не существует как единая административно-территориальная единица. В таком, чисто географическом смысле, это понятие фигурировало и раньше и до настоящего времени употребляется в латышской научной и художественной литературе.

Правда, во время существования буржуазной Латвии и в особенности во время господства фашистской ульмановской клики, когда латышские расисты поднимали на щит вместе с чистокровными породами скота и «чистокровные» латышские семейства, понятие Северной Латвии в речах и писаниях буржуазных авторов и заправил приобретало определенный оттенок, весьма далекий от чисто географического содержания этого понятия. Северную Латвию рассматривали как часть Латвии, которая давала нации «полноценные» экземпляры, а именно: руководящую верхушку национальной буржуазии. Обосновать это «достойное внимания явление» пытались премудростями, позаимствованными из гитлеровской расовой теории: в Северной Латвии, как в этнографическом отношении «более чистом» крае, будто бы сильнее всего сказывается «голос крови» латышского народа и поэтому она-то и дает-де более активных националистов (читай: шовинистов), на которых, между прочим, не могут якобы влиять идеи интернационализма. И каждый заправила буржуазно-националистической клики, которому привелось родиться в этой местности, кичливо подчеркивал своё происхождение из этого «чисто латышского» края. А продажные щелкопёры, воспевая жизненный путь своих хозяев, ставили у колыбели этих «великих сынов народа» дух Таливалда Беверинского и других праотцев, чтобы хоть таким путем поднять акции невежд, узурпировавших власть.

Говоря о партизанском движении в Северной Латвии в годы Великой Отечественной войны, мы будем подразумевать под этим определением деятельность тех латышских партизанских соединений, которые базировались и оперировали в бывших⁴ Валкском и Абренском уездах и прилегающих к ним северных волостях Валмиерского, Цесисского, Резекненского, Мадонского и Лудзенского уездов. Таким образом, южная граница деятельности партизан Северной Латвии пересекает территорию Латвии по линии Зилупе-Лудза-Лубанское озеро- Г улбене-Яунпиебалга-Валмиера.

Есть известное основание говорить о партизанском движении в Северной Латвии именно в таком смысле, ибо во время Великой Отечественной войны на указанной территории исторически образовался единый, общий для всех партизанских отрядов Северной Латвии организационный центр. На базе его позднее выросла Первая латвийская партизанская бригада, деятельность отрядов которой охватывала указанную территорию. Это дает право выделить партизанское движение в Северной Латвии как отдельную историческую тему и рассмотреть её.

Уже сама постановка этой темы во многих отношениях характерна и предполагает ряд важных выводов. Здесь, прежде всего, отражается тот примечательный факт, что населяющие Северную Латвию латыши, русские и другие национальности, между которыми буржуазные националисты, а позднее — фашисты насаждали атмосферу национальной вражды, преодолели десятилетиями привившиеся национальные предрассудки и плечом к плечу в совместных боях боролись против немецких захватчиков и «своей» национальной буржуазии. Это свидетельствует о том, насколько абсурдными были расистские взгляды и теории «националистов» о возможности «классовой гармонии» и «социального мира» в условиях капитализма. Это ещё раз подтверждает ту истину, что на враждебные лагеря людей разделяет не «голос крови» и тому подобные выдуманнные националистами мистические силы, а классовые интересы и классовое самосознание этих людей.

⁴ В дальнейшем мы будем придерживаться административного деления, которое существовало до окончания Великой Отечественной войны.

Не во всех волостях Северной Латвии партизанское движение достигло одинаковой степени интенсивности. В Латгалии оно было шире, чем, скажем, в западной части Валкского уезда. Это, однако, не означает, что в основе этого явления лежат какие-то причины расового или биологического характера. Эти причины носят главным образом социально-экономический характер.

Опорой советских партизан, так сказать, социальной базой движения был трудовой народ — и в первую очередь рабочие и беднейшее крестьянство. Как об этом свидетельствует статистика, благоприятная для партизанского движения социальная прослойка в Латгалии была в процентном отношении значительно выше, чем в Валкском уезде. В западной же части Валкского уезда, где доминирующей социальной группой было среднее крестьянство, значительный процент составляла сельская буржуазия — кулачество. Эта социальная группа, которой немцы не только возвратили прежние права на эксплуатацию бедного и среднего крестьянства, но и для которой оккупанты поставляли в большом количестве рабочую силу из Латгалии и из числа низведенных до рабского положения военнопленных, которая закрепила с приходом немцев эти права политически и экономически, — эта группа являлась классовой опорой оккупантов в борьбе против партизанского движения. Понятно, что это обстоятельство не могло не сказаться на развитии партизанского движения в Северной Латвии. И именно здесь следует искать основную причину, определившую различную степень интенсивности партизанского движения в разных районах Северной Латвии. В отдельных местах успешному развитию партизанского движения препятствовала ещё и слабость организаторского фактора, а также неблагоприятные географические условия. Однако в сравнении с причинами социального порядка последние имели лишь второстепенное значение.

Как уже было указано, основными районами партизанского движения в Северной Латвии были Валкский и Абренский уезды. Оба эти уезда охватывали территорию в 9020 кв. км. Общее число жителей (по данным переписи 1935 года) было более 188 000 человек (т. е. почти одна десятая всего населения Латвии), из которых в Абренском уезде проживало 109 600, а в Валкском — 78 700 человек.

В экономическом отношении эти уезды носили ярко выраженный сельскохозяйственный характер. Промышленность, если не считать нескольких небольших лесоперерабатывающих предприятий и предприятий по обработке продуктов сельского хозяйства, не была развита. Наиболее крупными хозяйственными и административными центрами в уезде являлись небольшие города, насчитывавшие не более 5—6 тысяч жителей. Подавляющую массу жителей этой части Латвии составляли крестьяне. Эту местность пересекают три важных железнодорожных линии: Рига—Валка, Рига—Абрене и Резекне—Остров, а также шоссейные дороги Рига—Псков и Варшава— Ленинград. Наибольшие лесные массивы имеются в окрестностях Лиепны и Палсмана.

Таковы коротко географические и социальные условия, в которых происходила партизанская борьба в Северной Латвии.

I ПЕРИОД ОТСТУПЛЕНИЯ И ПЕРЕГРУППИРОВКИ СИЛ

(лето 1941 года — весна 1942 года)

1. ЗАРОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ

Физическое истребление советского актива и введение зверского террористического режима на территории оккупированной Латвии.

В результате внезапного и вероломного нападения гитлеровской Германии территория Советской Латвии была оккупирована уже в первые две недели войны. Город Валку — последний город в Северной Латвии — наши части оставили 5 июля.

Вместе с частями Советской Армии в глубь Советской страны ушли десятки тысяч людей, ища поддержку в борьбе с ненавистным врагом у извечного преданного друга латышского народа — великого русского народа.

С первых же дней, более того, — с первых же часов немецкой оккупации в Латвии начал свирепствовать самый жестокий и разнузданный фашистский террор. Началось массовое убийство оставшихся советских активистов. Десятки тысяч сознательных сынов и дочерей латышского народа были расстреляны, — ещё больше было брошено в тюрьмы и концентрационные лагеря, где их ждала медленная смерть от голода и истязаний.

Обширные материалы, собранные Республиканской Чрезвычайной Комиссией, наглядно свидетельствуют о размерах и бесчеловечности гитлеровских злодеяний. В этих материалах отражена только незначительная часть всех тех зверств, которые творили фашистские негодяи. Об этих ужасах могли бы рассказать только сами садистские выродки, так как тысячи замученных ими жертв не могут уже свидетельствовать.

Кто эти убийцы? Это были не только оккупанты и не главным образом оккупанты. Организованные массовые расстрелы, так называемые «акции по очистке тюрем», по распоряжению немецких оккупационных властей проводились, правда, немецкими жандармскими частями. Однако наибольшее число жертв, замученных в первые недели войны, нужно отнести за счёт местных доморощенных фашистов.

Банды этих негодяев комплектовались в первую очередь и большей частью из бывших ульмановских заправил, членов буржуазных студенческих корпораций, айзсаргов, буржуазной «золотой молодёжи» и т. д., словом, из тех социальных элементов, которые представляли явно фашистское крыло латышской буржуазии с её классовыми интересами, с её животным страхом перед народом и звериной ненавистью к нему — к народу, который осмелился заявить о своих человеческих правах и экспроприировать присвоенные этими бездельниками созданные народом богатства. Если во время социалистического переворота и в период укрепления советской власти (1940—1941 гг.) эти выродки, напуганные невиданным проявлением революционной силы трудящихся, трусливо прятали свою бессильную злобу под лицемерной маской лояльности и боялись открыто выступить против народа, то после оккупации Латвии они под защитой вооруженной немецкой военной машины бросились на безоружный народ и в первые дни могли безнаказанно утолить свою кровожадность.



Перед массовым расстрелом в Лиепае. В правом углу — два палача: гитлеровский солдат и латышский полицейский.

Гитлеровские оккупанты, заинтересованные в быстрейшем уничтожении революционных «элементов» и латышского народа вообще, не только позволяли, но и всеми средствами поощряли эти зверства. Именно с этой целью гитлеровцы раздували шовинизм. Такие массовые проявления садизма латышская земля не переживала даже в далеком прошлом, когда предшественники гитлеровцев — немецкие псы-рыцари — «огнем и мечом» уничтожали города и села древних латышей.

Совершив эти зверства и преступления против человечества, латышские фашисты приковали себя к преступной военной машине гитлеровской Германии и шли с нею уже до окончательного её разгрома.

Разумеется, фашистских оккупантов не могло удовлетворить число тех убийц, которое им поставляла сравнительно узкая социальная база — крупная буржуазия в городах и кулачество на селе. Чтобы убивать и держать в повиновении трудовой народ, оккупанты привлекали в аппарат полиции и гестапо также уголовные и деклассировавшиеся элементы — все те подонки буржуазного общества, которых манила легкая нажива. Для реализации своих планов фашисты не останавливались ни перед какими гнусными средствами и апеллировали к самым низменным человеческим инстинктам.

Таким же путём рождались и комплектовались латышские полицейские батальоны, которые под руководством немецких оккупантов сожгли сотни сел, уничтожили тысячи невинных женщин, детей и седовласых стариков в Белоруссии и в Ленинградской области и вместе с оккупантами покрыли Латвию могилами.

В одной только Северной Латвии насчитываются десятки общих могил, в которых похоронены сотни зверски, убитых советских людей. Самые большие могилы находятся близ г.г. Карсава, Виляка, Валка, Балви, Алуксне, Смилтене, Литене, Лиепна, Гулбене и в других местах.

Отметим здесь лишь некоторые случаи массовых убийств. В окрестностях Валки гитлеровцы дважды — 8 и 19 августа — произвели массовые расстрелы. Только в последний день фашистские выродки расстреляли более 300 человек. Август вообще характерен «акциями» массовых убийств: в Балвах уничтожено было около 700 человек, в Виляках — 500, в Лиепнах — более 200 человек и т. д.

Многие убийцы в памяти народа остались как воплощение человеконенавистнического садизма. Как могут забыть, например, жители Лиепненской волости зверства, которые творили потерявшие всякий человеческий облик изверги — братья Ирбес; как жители Виксненской волости могут забыть садиста Цаунита, гулбенцы — начальника полиции Видуца, а жители Нирзенской волости — корыстную и кровожадную банду Булей⁵ и т. д.? Совершенные ими преступления не поддаются учёту. Так, один только выродок А. Ирбе уничтожил 90 советских активистов и комсомольцев.

Как кошмар вспоминают сегодня крестьяне Северной Латвии время немецкой оккупации, когда надо было день и ночь опасаться за свою жизнь.

— Выкорчует большевиков из Латвии со всеми их корнями, — рычали убийцы, опьянённые самогоном и пролитой кровью. Таков был официальный лозунг фашистов, который

⁵ Примечание. Указанных садистов-убийц уже во время немецкой оккупации постигла справедливая народная кара: Партизаны Северной Латвии, выполняя волю народа, уничтожили этих негодяев.

провозглашала на своих страницах гнусная газетка «Тевия»⁶ и который проводили в жизнь послушные оккупантам пособники в каждом, уголке Латвии. Расстреливали не только коммунистов и комсомольцев; расстреливали каждого более активного и более сознательного советского гражданина, каждого прогрессивно настроенного трудового крестьянина и интеллигента. Негодяи жаждали народной крови. Они хотели запугать население этими убийствами до такой степени, чтобы люди даже в мыслях боялись вспомнить советскую власть. Широкая сеть шпионов и агентов, которую создало гестапо и полиция «СД», должна была в свою очередь обнаруживать «подозрительных», чтобы своевременно «обезвредить» их, т. е. уничтожить физически.

Такова была так называемая политика «усмирения» в Латвии. Так в действительности выглядело прославляемое националистами «национальное возрождение» Латвии осенью 1941 года.

Осуществлению этой «политики» содействовал целый ряд благоприятных для оккупантов обстоятельств, которые необходимо знать, чтобы ответить на вопрос, почему в такой короткий срок оккупантам удалось частично уничтожить или на время изолировать оставшийся в Латвии советский актив.

Прежде всего, в каждом городе, в каждой волости, как «наследство» от буржуазной Латвии, сохранился известный контингент фашистских элементов, которые хорошо знали каждого жителя своей волости или своего городка. Более того, ещё со времени господства Ульманиса и даже более ранних времен они постоянно следили за политическими настроениями жителей. В период социалистического переворота и за год советской власти (1940—1941 гг.) выявился весь руководящий советский актив. Своё отношение к советской власти высказали все трудящиеся. Весь советский актив, в буквальном смысле слова, находился на учёте у фашистов. Естественно, что в первые же дни немецкой оккупации его не трудно было обнаружить. Жить легально в своей волости или в своем городе для советских активистов, а тем более для коммунистов или комсомольцев, стало совершенно невозможно. Их сразу же находили.

Перейти на жительство в другое место и остаться там неузнанным также было почти невозможно, т. к. вновь прибывших тщательно проверяли («списки разыскиваемых лиц», справки из полиции и т. д.). Все это способствовало осуществлению гнусных планов уничтожения советского актива.

Кроме того, в начале оккупации латышская буржуазия не была только суммой отдельных, обособленных друг от друга личностей. Во время непродолжительного существования советской власти в Латвии буржуазии удалось нелегально сохранить некоторые свои организации. Поэтому неудивительно, что сразу же после отхода частей Советской Армии, а местами в первые же дни войны, возобновили свою деятельность целые буржуазные организации и их вооруженные банды.

Создание аппарата оккупационных учреждений не потребовало большого труда и времени: оккупанты использовали бывшее чиновничество, которое за 20 лет существования буржуазной Латвии приобрело известный опыт того, как надо бороться против непокорных трудящихся и как держать их в узде. Бывшие волостные старосты ульмановского времени, а местами даже

⁶ «Тевия» — лживая газета, издававшаяся на латышском языке немецкими оккупационными властями при активном участии изменников латышского народа — латышских буржуазных националистов. — *Ред.*

волостные правления в полном составе стали служить у немцев в первые же дни оккупации. Националистическая буржуазия, в сравнении с временем до установления советской власти в 1940 году, численно стала лишь немного слабее. Но эту «потерю» в среде националистической буржуазии с лихвой компенсировали репатриированные в 1939 году из Латвии в Германию «соотечественники» и прибалтийские немцы, которые и заняли главные руководящие посты в оккупационном аппарате. Главным и самым ценным «приобретением» для гитлеровцев были местные буржуазные организации, с помощью которых и осуществлялась политика подавления и уничтожения. Национальная буржуазия угодливо поставляла оккупантам надсмотрщиков и палачей.

Централизованный аппарат «самоуправления», во главе с предателями Данкером, Приманом, Валдманом и другими, начал функционировать в Латвии уже в начале сентября. Этот аппарат был верным и послушным орудием в руках представителей гитлеровской гражданской власти — так называемого рейхскомиссара «Остланд»'а Лозе и генерал-комиссара Латвии Дрекслера.

Но главной опорой оккупационных властей была ещё сильная и внушительная в начале войны немецкая военная машина, а также огромный и сложный фашистский аппарат безопасности — это гнусное изобретение арийского мозга, который с точностью автомата уничтожал миллионы людей в оккупированных странах. Этот аппарат, как спрут, опутал своими щупальцами латышский народ и высасывал из него жизненные соки. Огромным было число этих щупальцев — фашистских органов безопасности: войска «СС», «СД», гестапо, группы «А», «Б» и «Ц» — в полиции, различные специально предназначенные для карательных экспедиций части, жандармерия и т. д. и т. п. Воем этим аппаратом уничтожения, начиная с ноября 1941 года, руководил из своей резиденции в Риге арийский выродок — обергруппенфюрер «СС» и генерал полиции Екельн.

Немецко-фашистские захватчики установили в Латвии режим кровавого террора. Согласно данным Республиканской Чрезвычайной Комиссии фашистские изверги уничтожили на территории нашей республики свыше 300 тысяч мирных жителей (из них около 40 000 детей) и 330 тысяч советских военнопленных; было угнано в рабство около 280 000 жителей Латвии.

В течение 700 лет немецкие псы-рыцари и их потомки — бароны истязали латышский народ, стремились удержать его в духовной темноте, пытались сделать его послушным и онемечить. Однако при помощи великого русского народа латышский народ в многовековой борьбе отстоял свое право на существование как нации. Гитлеровцы в своей колонизаторской политике намного превзошли своих предков. Не онемечить, а физически истребить народы Восточной Европы — вот какую человеконенавистническую задачу они ставили перед собою. Центральный орган эсэсовцев «Das Schwarze Korps» в номере от 20 августа 1942 года цинично писал:

«В одном из номеров газеты «Deutsche Arbeit», посвященном задачам колонизации на востоке, помещены следующие вступительные слова рейхсфюрера СС:

«Нашей задачей является не германизация востока в старом понимании, т. е. в смысле навязывания живущим там людям немецкого языка и немецких законов, а забота о том, чтобы на востоке жили исключительно люди истинно немецкой, германской крови».

Отказ от всяких тенденций германизации не является новостью. Он по меньшей мере так же стар, как национал-социализм. В устах же рейхсфюрера СС, являющегося рейхскомиссаром по укреплению германской народности, он становится приказом...

Таким образом, победа на востоке является лишь предпосылкой для укрепления нашего будущего, а само укрепление будет осуществлено только тогда, когда страна, приобретенная святой жертвой крови, поскольку она вообще пригодна для колонизации, будет немецкой по людям, которые её населяют и обрабатывают, немецкой по усердной работе немецкого плуга.

Этим и объясняется указание рейхсфюрера СС заботиться о том, чтобы на востоке проживали лишь люди истинно немецкой, германской крови».

Только замечательные победы Советской Армии спасли латышский народ от полного уничтожения, которое угрожало ему в близком будущем в условиях гитлеровского «нового порядка».

Против этого режима насилия и уничтожения, который принесли с собою гитлеровские оккупанты, латышский народ начал войну не на жизнь, а на смерть.

* * *

Первые мероприятия по организации движения сопротивления в Северной Латвии.

Начало партизанской войне в Латвии, как и во всей советской стране, положила историческая речь товарища Сталина 3 июля

«В занятых врагом районах, — говорил вождь, обращаясь к советскому народу, — нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»⁷.

Это была программа борьбы советского народа в оккупированных фашистами областях, которой и руководствовались коммунисты Латвии всю войну.

Поднимать и организовывать народ на борьбу с оккупантами — такова была задача коммунистов в тылу врага. Чтобы выполнить эту задачу, коммунистам необходимо было создать подпольную организацию, способную поднять движение народного сопротивления и руководить им, — нужно было создать партийное подполье.

В силу быстрого продвижения врага уездные комитеты партии Северной Латвии, особенно это можно сказать про Лудзенский и Абренский уезды, не успели заблаговременно создать подпольные организации. В Валкском и Валмиерском уездах, куда фашистские войска вторглись несколько позже, удалось под руководством ЦК КП (б) Латвии; провести самую необходимую подготовительную работу по созданию коммунистического подполья. В этих уездах для работы в тылу врага было оставлено несколько десятков членов партии и комсомольцев.

Работа, начатая по созданию нелегального подполья, продолжалась и после оккупации Латвии — летом и осенью 1941 года. Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Латвии перебросил через линию фронта в Северную Латвию несколько групп для организации подпольной работы, состоявших из местных партийных работников и комсомольцев, которые

⁷ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Москва, Госполитиздат, 1947, изд. 5, стр. 14—15.

отступили из Латвии вместе с частями Советской Армии. Эти группы приступили к организации антифашистской борьбы. Нелегальным партийным группам и отдельным партийным организаторам, благодаря чрезвычайно трудным условиям работы, которые существовали в оккупированной Советской Латвии (об этих трудностях мы уже говорили в начале этого раздела), трудно было законспирироваться, развернуть подпольную работу. Некоторые группы были рассеяны и многие подпольщики погибли ещё до наступления зимы 1941 года.

Создать централизованную руководящую организацию в Северной Латвии в начале оккупации в силу вышеуказанных обстоятельств не удалось,

Опыт Великой Отечественной войны показывает, что даже в тех советских областях и республиках, где была возможность подготовить и оставить широкое, хорошо законспирированное централизованное партийное подполье, например в Белоруссии⁸, в начале оккупации руководству подполья нужно было затратить колоссальную энергию и понести значительные жертвы, чтобы сохранить и укрепить связи с массами.

«В самом начале, — пишет бывший секретарь Гомельского подпольного областного комитета партии т. М. Кожар, — нависла угроза изоляции подпольных партийных организаций и партизанского движения»⁹. Разнузданный террор оккупантов имел своё влияние: вначале не удалось сразу поднять все население на вооруженную борьбу.

«Было ясно, — продолжает автор, — что немцам удалось запугать известную часть населения».

В общем, в тех оккупированных областях Белоруссии, Украины и РСФСР, где были сильные партийные подпольные организации, а таких было большинство, период отступления и перегруппировки закончился уже зимой 1941—1942 гг. В этих республиках в конечном результате успехи движения сопротивления определил именно организационный фактор, т. е. работоспособность партийных организаций и их подготовленность к решению предстоящей задачи. Объективные предпосылки для широкого народного движения сопротивления (монолитная социальная база движения) существовали уже с самого начала оккупации. Так что, изучая партизанское движение в этих областях, эти предпосылки следует считать (по указанным выше причинам) заранее установленными и качественно неизменными. В Латвии же, где в это время происходила острая классовая борьба, сама социальная база движения сопротивления, поскольку эта база должна была стать также и объединяющим фактором для социальных сил в борьбе против местной контрреволюции, на различных фазах была качественно различной как в смысле размеров, так и в смысле прочности.

* * *

Позиция социальных групп и классов в начале оккупации

Прежде всего рассмотрим рабочий класс и бедняцкое крестьянство — основную опору советской власти в Латвии в 1940—1941 гг.

Как уже было указано выше, эта социальная группа в численном отношении несколько уменьшилась: часть ее успела отступить с Советской Армией и сражалась на фронте, часть была

⁸ См. М. Кожар, Вооруженный народ в тылу у врага, «Партийное строительство», 1944, № 3—4; В. Козлов, Боевой путь минских партизан, там же, 1944, № 11—12.

⁹ Журнал «Партийное строительство» за 1944 г., № 3—4, стр. 20.

замучена фашистскими оккупантами. Причем эта социальная группа лишилась наиболее сознательной и закаленной своей части.

Вся тяжесть репрессий и террора легла на рабочих и беднейшее крестьянство, как на наиболее непримиримых классовых врагов фашизма. Они понесли не только большие потери в живой силе; наиболее тяжелое ярмо политического бесправия легло именно на рабочих и беднейшее крестьянство, наиболее зверская экономическая эксплуатация также стала их уделом.

Рабочий — прежде хозяин своей фабрики, своего завода — вновь стал бесправным и был отдан капиталистам на растерзание. Последние, используя поддержку оккупационных властей, могли применять самые безжалостные методы эксплуатации. Не существовало никакой охраны труда, капиталист не нес никакой ответственности за чрезмерную эксплуатацию рабочих. Рабочий был совершенно бесправен. У него отняли даже самые мизерные гражданские права буржуазного строя. Как во времена крепостного права, рабочих, особенно железнодорожников, гитлеровцы подвергали телесным наказаниям — публичной порке. Вновь вторглись в пределы латышской земли её семисотлетие враги и поработители, возвратились законы и порядки феодализма.

Гитлеровцы отобрали у беднейшего крестьянства полученные им от советской власти землю, скот, инвентарь; бедняки вновь попали в кабалу к кулаку. Кроме того, им пришлось нести самую тяжелую в пропорциональном отношении часть налогового бремени. Гитлеровцы взымали налоги не соответственно размерам хозяйства, а по числу хозяйств. Каждая «единица», т. е. хозяйство, независимо от величины, должна была сдавать определенное количество продуктов. Понятно, что для кулака сдать одну корову было сущим пустяком, а для бедного крестьянина это означало — отдать последнюю. Особенно разорительны для беднейшего крестьянства были производившиеся оккупантами реквизиции, особенно реквизиция лошадей. Потеряв последнюю лошадь, бедняк окончательно разорился и становился батраком в хозяйстве кулака.

Экономическая политика оккупантов в деревне была до цинизма простой и гнусной; разорить трудового крестьянина, превратить его в сельскохозяйственного рабочего, а заброшенные клочки земли объединить в крупные кулацкие хозяйства. Таким путём легко и быстро готовились для колонизаторов — немецких гросбауэров (кулаков) обещанные после войны земли и рабочие руки.

После зажиточной и многообещающей жизни, которой жили рабочие и бедняцкое крестьянство при советской власти, эти социальные прослойки были низвергнуты в нищету и рабство. Им приходилось нести двойное бремя эксплуатации: как рабочего, так и бедного крестьянина эксплуатировали и оккупанты и «своя» буржуазия. Рабочие и беднейшее крестьянство были главной основой движения сопротивления. Правда, фашистский террор в начале оккупации оказал сильное влияние и на эту социальную группу: сопротивление рабочих и беднейшего крестьянства было преимущественно оборонительного характера или проявилось в наступательных действиях отдельных подпольных групп или даже одиночек. Чтобы вовлечь всю эту социальную группу в активную борьбу, её необходимо было организовать и ею руководить, а прежде всего убедить в том, что и в условиях Латвии возможна успешная вооруженная борьба против сильной, до зубов (вооруженной немецкой машины и аппарата фашистских властей).

Вторая, наиболее многочисленная социальная группа в Латвии — среднее крестьянство — в 1940 году боролась против фашистского режима Ульманиса в союзе с рабочими и беднейшим крестьянством, а после его свержения активно участвовала в социалистическом строительстве, которое раскрывало перед ней широкие перспективы. Наиболее активная и сознательная часть

среднего крестьянства пала жертвой фашистского террора уже в самом начале оккупации: тысячи крестьян-середняков были заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря, остальных подчинили фашистскому произволу и терроризировали. И в этот трудный момент, когда надо было принести тяжёлые жертвы в борьбе за право жить жизнью свободного человека, часть среднего крестьянства, подавленная фашистским террором, не будучи организованной и идеологически зрелой, показала свою неустойчивую, мелкобуржуазную природу.

В своей работе «О трёх основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу» товарищ Сталин наглядно показал неустойчивость и невыдержанность этой социальной группы в моменты важных исторических поворотов, когда решаются судьбы трудового народа, и условия, при которых эта группа становится активным союзником пролетариата. Характеризуя позицию среднего крестьянства во время Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, товарищ Сталин пишет, что «середняк хныкал и колебался между революцией и контрреволюцией, пока свергали буржуазию, пока власть Советов не была ещё упрочена... Середняк стал поворачивать к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута «всерьёз», что власть Советов упрочивается, кулака одолевают, Красная Армия начинает побеждать на гражданских фронтах»¹⁰.

В Латвии осенью 1941 года перспективы войны многим были ещё неясны. Гитлеровский режим, опиравшийся на армии оккупантов и банды национальной контрреволюционной буржуазии, казался несокрушимым. Значительная часть середнячества в общем заняла выжидательную позицию: потерпеть, немножко подождать — кто его знает, что может быть?.. И действительно, хотя оккупационный режим принес с собою сразу ряд реквизиций и поставок, осенью 1941 года середняк ещё полностью не почувствовал экономически всей тяжести оккупационного ига. Было трудно, но можно было «потерпеть». Дальнейшие свои планы ограбления и порабощения гитлеровцы ловко маскировали назойливой фашистской пропагандой. Она угрожала «только большевикам», а «мирным латышским труженикам» рисовала радужное будущее «в своём уголке, на своём клочке земли», если только они «добровольно подчинятся» «новому порядку в Европе».

Такой подход к середняку, с одной стороны, был ловким демагогическим трюком, политическим манёвром. Спекулируя на мелкобуржуазных предрассудках середняка, оккупанты надеялись оторвать его от рабочих и беднейшего крестьянства: они надеялись изолировать и вырвать из-под влияния коммунистов эту значительную социальную силу.

С другой стороны, в то время оккупанты ещё могли проявлять по отношению к середняку «великодушие» и не осуществлять политику максимальной эксплуатации. В их руках находилась тогда вся экономика порабощенных европейских стран. Всё это сразу трудно было проглотить даже изголодавшимся гитлеровцам.

В результате всех этих обстоятельств осенью 1941 года большинство крестьян-середняков заняло по отношению к вооруженной борьбе с оккупантами политику выжидания. Правда, трудящиеся ненавидели оккупантов. Всё же среднее крестьянство должно было убедиться в том, что и ему, не считаясь с тяжёлыми жертвами, необходимо включиться в общую активную борьбу против фашизма с тем, чтобы защитить как свои собственные жизненные интересы, так и насущные интересы всего народа.

¹⁰ И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 217.

Остальные мелкобуржуазные элементы, в частности также и мелкобуржуазная интеллигенция, заняли аналогичную позицию.

Третья социальная группа — контрреволюционная буржуазия города и деревни — стала социальной опорой гитлеровских оккупационных властей. Как цену за предательство своего народа, гитлеровцы бросали ей крохи от богатой добычи. Та часть буржуазии, в особенности кулачество, у которой были «заслуги» в «деле» уничтожения трудящихся и которая заслужила доверие оккупантов, получила часть национализированной советской властью собственности¹¹. Кроме того, буржуазия получила неограниченные права на эксплуатацию трудящихся; и в дополнение ко всему этому немецкая оккупационная армия охраняла её от справедливого гнева народа.

В лице латышской контрреволюционной буржуазии оккупанты нашли для себя готовую социальную базу «нового порядка». Обращённое против оккупантов движение народного сопротивления должно было неизбежно обратиться и против националистической буржуазии.

* * *

Борьба партизан в Северной Латвии осенью 1941 года

Движение народного сопротивления было основой, на которой выросло партизанское движение.

Однако успешное развитие партизанского движения требовало еще целого ряда особых условий, зависевших от времени и места. Какие же эти условия? Их можно установить, проследив начало организации любого партизанского отряда.

Чтобы создать боевой партизанский отряд, если уже имеется движение народного сопротивления, как первооснова партизанского движения, необходимы: во-первых, способное военное и политическое руководство отряда, или так называемое руководящее ядро отряда; во-вторых, бойцы, которые убеждены в возможности и необходимости вооруженной борьбы и готовы, не щадя своей жизни, участвовать в ней; в-третьих, вооружение и снабжение.

Каковы были конкретные условия для создания партизанских отрядов на местах в районах Северной Латвии в начале оккупации?

Несмотря на быстрое продвижение немецких войск, партийному руководству всё же удалось оставить в Валкском и Валмиерском уездах несколько оформленных партизанских групп, которые состояли из бойцов рабочей гвардии, партийных и советских работников. Осенью 1941 года через линию фронта были переброшены в Северную Латвию несколько вооружённых групп, состоявших из партийных и советских работников, с заданием организовать партизанское движение¹². Эти группы первыми на временно оккупированной территории Северной Латвии начали героическую, трудную партизанскую войну против коварного, безжалостного и сильного противника.

Естественно, что в начале войны рабочим и трудовым крестьянам, вступившим в ряды партизан, не хватало боевого опыта. Надо было ещё овладеть военным искусством. Необходимо

¹¹ Крупные промышленные предприятия остались в руках оккупантов.

¹² Из известных нам можем отметить группы Муйжниекса — Медниса, Редниекса, Петрова, Бриедиса, Перлова.

было изучать тактику партизанской войны, и первым партизанам Северной Латвии приходилось овладевать ею в особенно трудных боевых условиях.

Эти небольшие партизанские группы были слабо вооружены, запасы военного снаряжения у них были незначительными, в то время как противник имел огромный перевес в технике и живой силе.

Уже в первые месяцы войны эти небольшие группы партизан, нанося оккупантам чувствительные удары, сами понесли большие потери, а многие из них были рассеяны.

Здесь уместно будет указать на то, что первый этап, этап отступления, могли успешно преодолеть только подготовленные партизанские коллективы. Возьмем показательный пример из истории партизанской борьбы на Украине. Партизанские формирования прославленных дважды Героев Советского Союза Федорова и Ковпака сумели успешно преодолеть период отступления и смогли быстро развиваться и расти в начале 1942 года в силу двух благоприятных обстоятельств: во-первых, ещё до оккупации немцами этих районов Украины из отобранных и заранее подготовленных партийных и советских работников там были созданы партизанские отряды, числом около 100 человек, которые позднее способны были стать руководящим и цементирующим ядром крупных партизанских соединений, насчитывавших тысячи бойцов; во-вторых, в распоряжении этих отрядов находились богатые базы с оружием, продовольствием, боеприпасами и снаряжением. Эти базы спасли ещё не окрепшие к тому времени партизанские формирования осенью и зимой 1941 года, т. е. в период их укрепления, когда снабжение партизан из местных ресурсов ещё не было организовано¹³.

Следовательно, хорошо подготовленные и обученные коллективы организаторов партизанского движения имели решающее значение.

Бойцов для партизанских соединений дают всегда народные массы, которые включаются в движение сопротивления.

В Северной Латвии уже летом 1941 года имелись источники, из которых партизанские отряды могли немедленно черпать людские резервы. Это — широкий советский актив и все те честные труженики, которые должны были защищать себя от гитлеровских убийц.

Очевидцы рассказывают и о случаях восстаний советских активистов, заточенных гитлеровцами в тюрьмах и концентрационных лагерях. Так, осенью 1941 года в резекненской тюрьме совершенно безоружная группа латгальской молодежи напала на своих истязателей и с захваченным оружием в руках продолжала отчаянную борьбу до тех пор, пока не пал героической смертью последний отважный патриот.

В архивах сохранилось много относящихся к осени 1941 года рапортов начальников полиции «СД» «о нападениях местного населения на немецких военнослужащих», «об избиении и убийствах солдат» на улицах городов Риги, Лиепай в ночное время, «об активности большевистских групп» и т. д.

В тех местах, где выдвинулись активные организаторы и командиры (обычно это были оставшиеся коммунисты или комсомольцы) и где имелись благоприятные для борьбы обстоятельства, новые группы партизан возникли уже осенью 1941 года. Тогда же, как мы уже

¹³ См. А. Фёдоров, Подпольный обком действует, Рига, 1950.

указывали, в Северной Латвии действовало, кроме того, несколько переброшенных через фронт групп организаторов¹⁴.

Осенью 1941 года Совинформбюро сообщило о нескольких блестящих операциях партизанских групп в Валкском уезде. В районе города Алуксне партизаны в течение месяца взорвали на узкоколейной железной дороге несколько эшелонов, уничтожив при этом около 120 немцев. Смилтенская партизанская группа в течение полутора месяцев уничтожила 2 автомашины, 65 солдат и 8 офицеров противника. Сообщалось также об успешных операциях нескольких партизанских групп на берегах Даугавы.

Из рассказов участников боев автору известно о столкновениях с немцами и полицией партизанских групп Бриедиса и Перлова в Балвской и Шкилбенской волостях в октябре 1941 года, а также о боевых действиях в июле и августе взвода комсомольцев под руководством Игната Кадаковского в Мердзенской волости и пограничном районе, в результате которых было уничтожено несколько десятков гитлеровцев.

Большое значение в вооруженной борьбе с оккупантами и их пособниками, особенно в первые месяцы оккупации, имели группы и отряды красноармейцев, которые пробивались из окружения, двигаясь к фронту по лесным районам Северной Латвии. Эти группы совершали нападения на охранные части немцев и местных фашистов, а также подрывали коммуникации противника. В этих операциях нередко принимали участие также и местные жители, которые всячески способствовали продвижению красноармейских групп в сторону фронта. Героическая и успешная борьба этих групп в тылу врага воочию показала многим, что оккупантов можно и нужно бить не только на фронте, но и в тылу.

С приближением суровой зимы 1941 года, которая предвещала партизанам особенно большие трудности, многие партизанские группы прервали свои боевые действия, а бойцы законспирировались и ушли в подполье, где продолжали : разъяснительную и организационную работу. Некоторые перешли линию фронта, чтобы сообщить партийному руководству о создавшемся положении. Действуя без связи с советским тылом, лишенные боеприпасов и взрывчатки, мелкие группы не имели перспектив на успех.

Таким образом, партизанское движение в Латвии имело благоприятную социальную базу, но эти силы были пока еще потенциальными: их необходимо было еще организовать, подготовить и идейно укрепить. Это требовало больших организационных мероприятий, и поднять эту силу могло только централизованное, руководимое коммунистами подполье. Небольшим партизанским группам это было не под силу.

Чтобы точнее представить себе трудности партизанской г борьбы осенью 1941 года в Северной Латвии, кроме всего сказанного, необходимо учесть непрерывные карательные экспедиции местных фашистов и оккупантов против партизанских групп, зверские расправы со всеми, кто в

¹⁴ Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о партизанской борьбе в этот период далеко не исчерпывающие. Да и вообще их собрано и сохранилось очень мало. Поэтому сообщаемые здесь сведения даются только как иллюстративный материал. Остается высказать пожелание, чтобы работники районных краеведческих музеев Латвии с помощью своего актива и, прежде всего, учителей истории взяли на себя инициативу по сбору воспоминаний о событиях этого периода, которые сохранились в народе или в памяти участников этой борьбы. Это будет неоценимым материалом для наших историков, которые, надеемся, скоро приступят к составлению истории борьбы латышского народа в период Великой Отечественной войны.

какой-либо степени содействовал партизанам, и навязчивую пропаганду об успехах «непобедимой» немецкой армии.

Такова была действительная обстановка, в которой развивалось партизанское движение в Северной Латвии осенью 1941 года.

Характерно, что гитлеровцы оказались полными невеждами в оценке исторических событий. Они считали, что Латвия «умиротворена». Они думали, что латышский народ находится в таком состоянии апатии и страха, что не осмелится оказать никакого сопротивления и что поэтому фашистскому оккупационному режиму в Латвии изнутри не угрожает никакая опасность. Об этом оккупанты цинично бахвалились в своих лживых газетках. К этим выводам их прямо толкал принцип фашистского «учения», заключающийся в том, что «неполноценные расы» возможно ввергнуть в рабство и заставить быть послушными посредством кровавого террора и режима полного бесправия.

Они не понимали и не хотели понять, что фашистский оккупационный режим с неотвратимой неизбежностью вызовет гнев широких народных масс против оккупантов, который перерастёт в активное движение народного сопротивления, в вооружённую борьбу против носителей этого режима. Они не понимали, что массовыми убийствами и кровопролитиями можно только на время ослабить, но не подавить народную борьбу против поработителей.

2. РОСТ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЗИМОЙ И ВЕСНОЙ 1942 ГОДА

Разгром фашистских армий под Москвой. Первая гитлеровская тотальная мобилизация. Влияние этих событий на движение сопротивление в Латвии

Начало 1942 года ознаменовалось широким развертыванием движения сопротивления латышского народа, которое набирало все больше и больше сил. Момент внезапности, который в начале войны имел решающее значение в демобилизации и отвлечении трудящихся от движения сопротивления против гитлеровских оккупантов, начал терять свое влияние. События за истекшие полгода как в Латвии, так и во всем мире и особенно на советско-немецком фронте, дали трудящимся достаточно много материала для того, чтобы сделать первые выводы об истинном положении вещей, чтобы оценить происходящее, мобилизовать себя и занять определённую позицию в дальнейшем. Наиболее ярким событием в рассматриваемый период Великой Отечественной войны были бои под Москвой. Они имели далеко идущее историческое значение. Советские дивизии и в их числе дивизия латышских стрелков-добровольцев, под руководством великого советского полководца — товарища Сталина, нанесли под Москвой сокрушительный контрудар по наступавшим немецким армиям.

В конце 1941 года противник был остановлен на всём протяжении советско-немецкого фронта. На многих секторах фронта немцы вынуждены были отступать, а под Москвой были разбиты 51 отборная немецкая дивизия, перед которыми «фюрер» поставил задачу «любой ценой» занять столицу Советского Союза. Аппарат геббельсовской лживой пропаганды протрубил на весь мир, что Москва неминуемо падёт. Но Советская Армия перешла в контрнаступление и до 15 января 1942 года в секторе Москвы уничтожила до 300 000 немецких солдат и офицеров, оттеснив противника на 400 километров. Начали сказываться первые результаты плана активной

обороны: противник был заметно ослаблен, а советское государство осуществило первый этап подготовки и мобилизации своих ресурсов и сил.

Победа под Москвой помимо чисто военного значения в значительной степени способствовала мобилизации духовных сил свободолюбивых, демократических народов на борьбу против фашизма. Миф о непобедимости немецких армий был развеян. Это было огромной моральной поддержкой для всех порабощённых гитлеровцами народов Европы, укрепило их веру в свои силы и возможность победы. Народы воочию убедились в том, что есть сила, способная сокрушить фашистское чудовище и освободить их от гитлеровского ига.

Эта уверенность в победу Советской Армии, — как показывает история второй мировой войны, — стала для народов Европы мощным фактором в борьбе против фашизма. Она стала источником, из которого в трудные моменты черпали силы «свободные стрелки» французских городов и сёл, партизаны в горах Чехословакии и Югославии, гарибальдийцы наших дней в Италии, члены организаций сопротивления во всей Европе. Победы родной Советской Армии вызывали огромное воодушевление у населения оккупированных областей и районов Советского Союза.

Перелом на фронте способствовал резкому перелому и на оккупированной территории. Здесь также обозначился конец кратковременного отступления и перегруппировки сил. Советские люди в тылу врага поднимались на борьбу, чтобы и здесь перейти в контрнаступление.

Победа под Москвой поставила гитлеровские армии на Востоке в катастрофическое положение, и только перебросив около 30 дивизий с Запада на советский фронт немецкому генеральному штабу удалось несколько спасти положение. Стало ясно, что планы «молниеносной» войны провалились и что война принимает затяжной характер. Чтобы к этому хотя бы немного подготовиться, гитлеровцы в начале 1942 года лихорадочными темпами начали проводить первую «тотальную мобилизацию». Она проходила в Германии и в оккупированных странах по двум направлениям: во-первых, как мобилизация живой силы и, во-вторых, как мобилизация материальных ресурсов.

Мобилизация рабочей силы в Латвии началась в марте 1942 года. По замыслу гитлеровских работарговцев она должна была дать «рейху» для нужд Reichsarbeitsdienst'a тысячи латышских юношей, которые заменили бы работников немецких фабрик и сельскохозяйственных рабочих, предназначенных к отправке на восточный фронт. Сотни и тысячи молодых рабочих Латвии принуждены были подписать «добровольные договоры» с немецкими работарговцами. После этого их, как преступников, в закрытых вагонах и под вооруженной охраной отправляли в Германию на полуголодное существование и изнуряющие каторжные работы. За теми, кто пытался увильнуть от отправки в Германию, охотилась полиция «СД».

Мобилизация коснулась прежде всего рабочей молодежи и молодежи беднейшего крестьянства. И здесь фашисты последовательно осуществляли свою политику, которая имела целью ослабление трудящихся и усиление их эксплуатации — с одной стороны, и известную защиту буржуазии — с другой. Сынки буржуазии и кулаков или вообще ускользали от мобилизации (что, кстати сказать, было нетрудно сделать, ибо мобилизацию проводили местные управления, в которых большей частью хозяйничали их отцы), или же ехали в лагеря «гитлеровской молодёжи».

* * *

Социальные и этнографические особенности Латгалии; усиленная эксплуатация Латгалии.

Эту политику эксплуатации трудового крестьянства оккупанты усиленно проводили в восточных уездах Латвии, в Латгалии, где прослойка беднейшего крестьянства и полу-пролетариата была значительно многочисленнее и шире. В Латгалии было сосредоточено около трёх четвертей всех беднейших хозяйств Латвии. По существу политика гитлеровцев ничем не отличалась от прежней политики Ульманиса в Латгалии, — в этой «этнографически менее латышской и поэтому неполноценной» области Латвии, как выражались буржуазные националисты. За счёт зверской эксплуатации Латгалии видземская и курземская сельская буржуазия получила известные льготы и при немцах.

В результате проведённой немецкими оккупантами денационализации латгальский трудовой крестьянин лишился земли, которую он получил из рук советской власти, и вынужден был, как когда-то во время господства ульмановской клики, идти батрачить за нищенское вознаграждение к видземским и курземским кулакам.

Оккупанты проводили в Латгалии, кроме того, безжалостную налоговую политику.

Помимо всего, прочего латгальское крестьянство должно было дать по мобилизации рабочей силы большое число молодежи. Так, Шкауненская волость Лудзенского уезда по первой мобилизации должна была выделить до 400 человек. Она в первую очередь и больше всего коснулась беднейших латгальских крестьян, так как в «Управление труда»¹⁵ попадали те, чьи семьи имели «мало земли, но много рабочих рук». Таково было распоряжение оккупационных властей.

Так как молодежь добровольно не шла на мобилизацию, то полиция «СД» вместе с шуцманами вынуждена была организовывать настоящие охотничьи облавы. Людей ловили ночью, окружив дома, днём на базарных площадях и в очередях, в церквях, на вечеринках и после этого толпами, под вооруженной охраной, гнали в ненавистное «Управление труда».

О масштабах охоты за людьми свидетельствует приводимый ниже документ. Исполняющий обязанности начальника полиции безопасности «СД» Латвии докладывал 27 мая 1942 года своему руководству:

«Созданная начальником полиции безопасности и СД команда особого назначения для приобретения рабочей силы в Латгалии на сегодняшний день уже отправила в Рейх 4 эшелона принудительно трудообязанных — старообрядцев и поляков, а именно:

14/V	1 000	человек	в Фалкенбург
19/V	1 000	„	в Киль
20/V	300	„	в Фалкенбург
24/V	2 000	„	в Фалкенбург
Итого, таким образом, 4 300 человек.			

Следующий эшелон с 2 000 человек отправляется из Даугавпилса в воскресенье 31.5.42. Остаток в 1 700 человек будет схвачен на следующей неделе и выдан к отправке 6 или 7. VI.

¹⁵ Биржа труда, организованная фашистами в годы оккупации Латвии. — *Ред.*

Действующие в Латгальской области 5 команд и 2 приемных лагеря в Лудзе и Даугавпилсе справились со своей задачей, несмотря на величайшие трудности.

...Имеющиеся в области 3 команды имеют своим заданием прочесать все, даже самые мелкие волости Резекненского, Лудзенского и Двинского уездов, с целью изъятия старообрядцев и поляков, чтобы таким образом в первую очередь решить задачу полиции безопасности, а именно — без остатка освободить область от нежелательного элемента. Акция будет закончена 6 июня 1942 г. и количества захваченных превысит 8000 человек.

Померанская комиссия, руководителем которой является капитан Клар, сообщила Даугавпилсской команде особого назначения, что генеральный уполномоченный по трудовой повинности Заукель не согласился с количеством отправляемых в Рейх 8 000 человек рабочих и что впредь необходимо считаться с первоначальной цифрой 24 000 рабочих. После того, как полиция безопасности и СД закончат планомерное прочёсывание старообрядских и польских волостей, недостающие 16 000 человек должны быть добыты другим путём»¹⁶.

В Латгалии оккупанты в своей чужденноненавистнической деятельности опирались на местную латгальскую буржуазию и её идейного руководителя — католическую церковь. Эти три реакционные силы хорошо «сработались», эксплуатируя среднего и бедного латгальского крестьянина и, особенно, русское и польское население этой области. Дискриминация русских во время немецкой оккупации проявлялась в особенно острых формах.

Латгалия стала той областью Латвии, где социальные противоречия, переплетаясь с национальными, достигли наибольшего обострения. Это, понятно, не могло не сказаться на развитии движения сопротивления в Латгалии, а именно: ускорить и усилить его. Этому способствовала также молва об успешной деятельности русских и белорусских партизан. Поэтому, естественно, движение сопротивления в более широких масштабах началось именно в Латгалии — в бывших Абренском, Резекненском, Даугавпилском и Лудзенском уездах.

* * *

Рост народного сопротивления весной 1942 г.

Как мы уже указывали, события прошедшего полугодия на фронтах и в жизни трудящихся Латвии под игмом оккупантов помогли населению уяснить создавшуюся политическую ситуацию. Стало очевидным, что насильственный оккупационный режим вовсе не является таким стабильным, как это казалось вначале.

Этому процессу прозрения, начавшемуся в сознании народа, способствовали такие мероприятия ЦК КП (б) Латвии за линией фронта, как радиопередачи на латышском языке, распространение с самолетов газет и воззваний и т. д. Хотя оккупанты и запрещали слушание этих радиопередач, а газеты и воззвания нужно было читать тайком, правдивый голос Москвы доходил до всё более и более широких масс народа.

Зимой 1941—1942 гг. латышские крестьяне ощутимо почувствовали усиление экономических репрессий оккупантов. Этот нажим осуществлялся в форме повышения налогов, в виде сбора «добровольных пожертвований для немецкой армии», которые выжимались из населения при посредничестве буржуазной националистической организации «Народная помощь». Налоговую

¹⁶ ЦГА, ф. Ро. 82/256 с. д. I л. л. 36—38. Перевод с немецкого.

политику оккупантов по отношению к среднему крестьянству начал также определять принцип тотальной мобилизации: всё для «Великой Германии». Ограбление трудящихся день ото дня становилось всё более бесстыдным и невыносимым.

Проведенная весной трудовая мобилизация заставила крестьянина глубже и серьезнее подумать о завтрашнем дне. Можно сказать, что она дала непосредственный толчок к повышению темпов роста движения сопротивления в Северной Латвии.

Сначала сопротивление крестьянина носило пассивный характер. Сопротивление мобилизации проявлялось в чисто индивидуальных формах: люди прятались, уходили в другие волости и т. п.

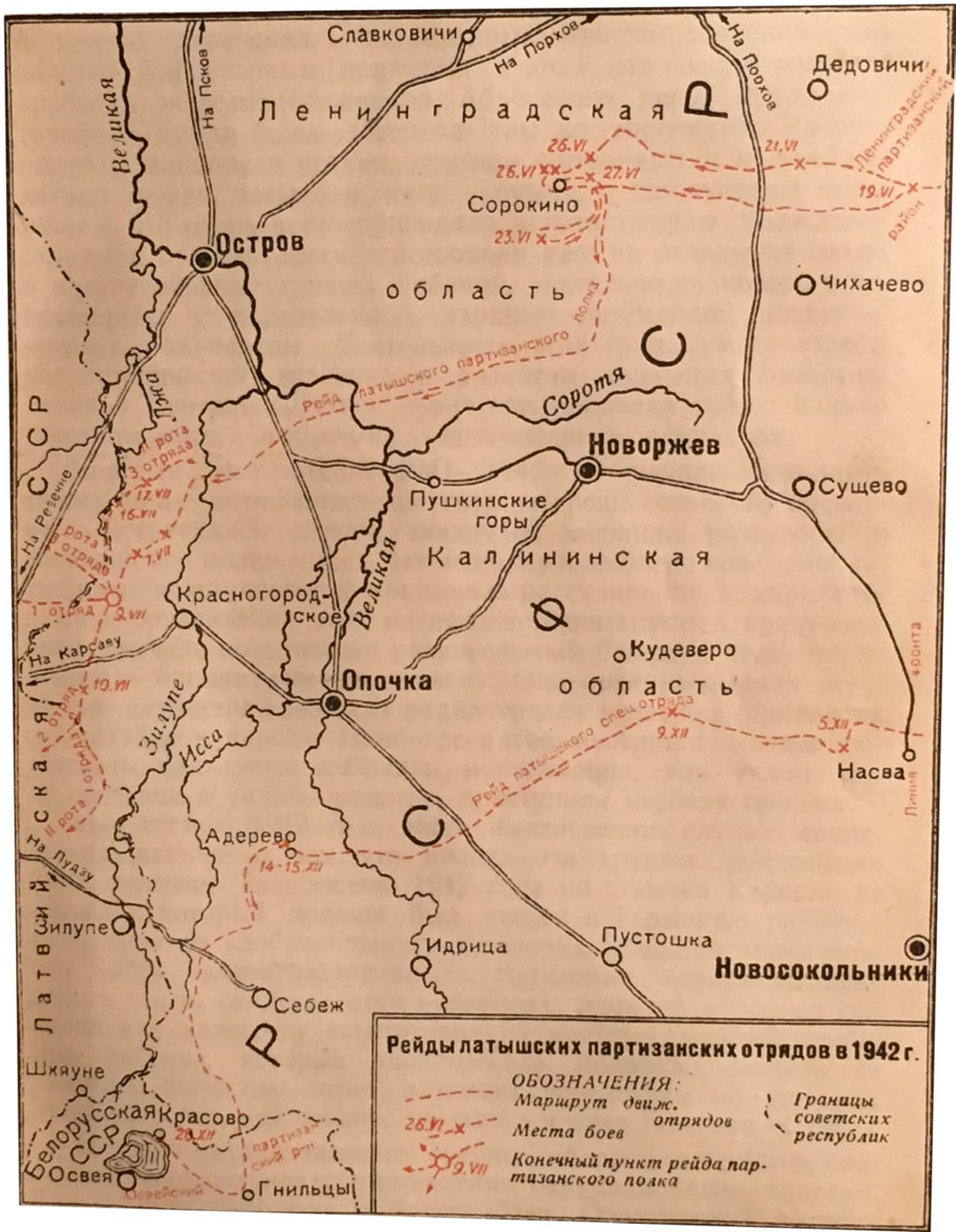
Примеры активных форм сопротивления показал в тот период наиболее закаленный отряд трудящихся Северной Латвии — железнодорожные рабочие. Оно выражалось в саботаже и мелких диверсиях, направленных против оккупационных властей. Характерным примером в этом отношении является «работа» железнодорожников Абренского депо. Производительность труда была доведена там до минимума. Рабочие портили машины и станки, прятали материалы и важнейшие детали машин, засыпали песок в буксы, в движущиеся части машин, что очень часто приводило к катастрофам, поджигали склады и вагоны. Здесь действовали уже не отдельные люди, а организованные группы рабочих, деятельность которых направлялась с определенной, заранее обдуманной целью — вредить оккупантам. Деятельность этих групп имеет известное историческое значение в развитии движения сопротивления в Северной Латвии — она ознаменовала собою начало поворота масс к активному сопротивлению оккупантам.

Местами уже зимою 1941— 1942 гг. начали возникать также новые антифашистские группы среди сельского населения. Встречались соседи, знакомые, заводили разговоры о создавшемся положении... Законспирировавшиеся советские активисты, коммунисты и комсомольцы становились инициаторами в организации этих антифашистских групп и придавали этим, вначале политически расплывчатым беседам, целеустремленность и политическую окраску. Они организовывали регулярное слушание советских радиопередач и распространяли их содержание в народе. Наиболее активные группы начали обсуждать, как лучше избежать мобилизации, как уклониться от поставок и уплаты налогов, приступили к сбору оружия.

Уже весной 1942 года часто имели место случаи, свидетельствовавшие о том, что иногда эти группы действовали очень активно. Так, весной 1942 года на станции Карсава из эшелона, который должен был увезти в Германию рабочих, «нанятых» по «добровольному договору», убежала значительная часть «законтрактованных». Карсавские оккупационные власти — по свидетельству окрестных жителей — долго разыскивали какого-то «агитатора» из местных железнодорожных рабочих, который «подстрекал» молодежь бежать из эшелона. Фамилию этого патриота установить не удалось; лишь известно, что позднее он попал в руки полиции «СД».

Нередко организованные группы молодых патриотов оказывали вооруженное сопротивление оккупационным властям. Так, 14 мая 1942 года в болоте Лоси Озолайнской волости произошел бой между такой группой и полицией. Вот что сообщал об этом случае начальник Даугавпилсской окружной жандармерии своему руководству в Ригу:

«...При проведении акции в Даугавпилеском, Лудзенском и Резекненском уездах, являющихся основными районами для захвата населения, отрядам СД были приданы по 30 человек шуцманов, которые должны были быть использованы в случае возникновения трудностей при



Ленинградская Р

Остров

Сорокино

Новоржев

Опочка

Новосокольники

Великая

Великая

ССР
Латвийская
Р

Белорусская ССР
Освея
Гнильцы

Дедовичи

Чихачево

Сущево

Кудеверо

Насва

Пушкинские горы

Красногородское

Адерево

Идрица

Пустошка

Себеж

Зилупе
Исса

Красово

Славковичи

На Порхов

На Лохов

На Резене

На Карсау

На Пулазу

Шкяуне

Соротя

Калининская

область

область

Ленинградский партизанский район

Рейд латышского партизанского полка

Рейд латышского спецотряда

Рота 3 отряда

Рота 2 отряда

Рота 1 отряда

Рота 1 отряда

Рота 1 отряда

партизанский р-н

26.VI

26.VI

23.VI

21.VI

19.VI

17.VII

16.VII

7.VII

3.VII

10.VII

14-15.VII

9.VII

5.VII

28.VII

Линия фронта

транспортировке рабочей силы. Приобретение рабочей силы должно было начаться с добровольной вербовки, в случае же отказа от таковой, рабочая сила должна была захватываться насильно. К проведению вербовки должны были быть привлечены как члены волостных правлений, так и духовенство.

...В Резекненском уезде дело не прошло так гладко... Сотрудник СД, которому было поручено проведение акции, вместо предоставленных ему 35 шуцманов, набрал 165 человек и окружил ими, частично в ночное время, населенные пункты, что произвело на население угнетающее впечатление. Большая часть подлежащих захвату лиц скрылась в лес, и дело дошло даже до перестрелок между этими вооруженными людьми и полицией.

14.5.42 акция должна была быть проведена в Озолайнской волости. По сведениям из других волостей, большинство населения скрылось. Удалось установить, что население укрылось в болоте Лоси. На болоте была произведена облава, во время которой произошла перестрелка между беглецами и полицией. В результате было захвачено 9 жителей, которые были вооружены 6 русскими винтовками, 1 полуавтоматической русской винтовкой, 1 обрезом полуавтоматической винтовки, 3 ручными гранатами и 64 патронами. Шестеро из задержанных были из деревни Лоси, двое из деревни Вески. Согласно распоряжению полиции безопасности, деревня Лоси была полностью очищена и 160 человек её жителей арестованы. Инвентарь был передан волостному правлению, а дома запломбированы. Деревня охраняется 30 шуцманами.

Обобщая, можно сказать, что в результате акции в округе создалась обстановка невероятной тревоги. Значительная часть русских и поляков находится в лесах, в других волостях и т. д. и иногда прибегает к вооруженному сопротивлению. Поля не обрабатываются. Между тем, всю необходимость очищения области от старообрядцев и польского населения подтверждает случай в Лоси, где весьма быстро создалась вооруженная группа, имевшая в своем распоряжении автоматические винтовки, винтовки и ручные гранаты. Этот случай доказывает, что невероятное количество оружия, причем лучшего, нежели это имеют шуцманские подразделения, еще находится в руках населения, которое не сдает его, несмотря на постоянные требования, и, таким образом, не проявляет желания повиноваться существующему строю»¹⁷.

Вновь появившиеся группы сопротивления искали связей с соседними и даже более отдаленными группами. Крестьяне начали искать руководителей, которые были бы способны организовать борьбу против оккупантов и руководить ею. Сама действительность постепенно вызвала в сознании народа мысль о необходимости организовать борьбу. Начало этого важного явления можно отнести к первым месяцам 1942 года. Дальнейшие события всё более настоятельно выдвигали задачу о необходимости организации активной борьбы против оккупантов. Члены ЦК КП (б) Латвии и правительства Советской Латвии в своих воззваниях указывали трудящимся оккупированной Латвии конкретный и единственно правильный путь — путь всеобъемлющей партизанской борьбы.

«Вступайте в ряды партизан!» — призывал народ секретарь Центрального Комитета КП (б) Латвии товарищ Калнберзин в своих речах по радио.

«Латышский народ! Пришло время взять оружие в руки и смело и безбоязненно, не на жизнь, а на смерть встать на борьбу с немецкими фашистами, оккупировавшими Латвию. Укрепляйте

¹⁷ ЦГА, ф. Ро. 82/256 с. л. д. л. 34—35. Перевод с немецкого.

ряды партизан! Пусть разгорается пламя партизанской войны на просторах Латвии, пусть вся Латвия запылает в огне партизанской войны!..

Крестьяне! Не сдавайте немецким оккупантам ни одного зернышка, ни одной капли молока. Прячьте хлеб и скот в лесах для своих нужд и нужд партизан. Спротивляйтесь всеми силами и средствами, когда вас хотят ограбить и раздеть. Вступайте в ряды партизан и помогайте партизанам в их борьбе против немецких оккупантов.

Рабочие! Не позволяйте увезти себя в Германию! Всеми силами оказывайте сопротивление работорговцам! Убивайте сопровождающих, убегайте в лес и присоединяйтесь к партизанам. В Германии вас ожидают мучения и смерть... Работайте так, чтобы с каждым днём все меньше и меньше давать оружия немецкой армии. Выводите из строя машины на заводах, которые работают для фронта, приводите в негодность оружие, чтобы оно на фронте по возможности скорее выходило из строя. Делайте так, чтобы изготовляемые вами мины и гранаты не взрывались.

Взрывайте мосты. Пускайте под откос поезда, которые подвозят фашистам резервы и военное снаряжение, уничтожайте все, что укрепляет армию Гитлера...

Латышская молодежь! Не давайте себя обманывать лживыми обещаниями, сопротивляйтесь всеми силами, когда вас вербуют в немецкую армию или хотят угнать в Германию на каторжные работы. На фронте, на немецких фабриках вас ждет жалкое прозябание, смерть. Не позволяйте угонять себя на верную смерть, не позволяйте ввергать себя в стыд и позор, как предателей своего народа. Бегите в леса, присоединяйтесь к партизанам, будьте достойными сынами латышского народа.

Пробил решающий час.

Латышский народ, к оружию!»¹⁸.

* * *

Деятельность партизанских групп в восточных районах Латвии весной 1942 года.

В пограничной полосе Латгалии, где стало известно о деятельности русских и белорусских партизан, возникшие подпольные группы стали искать связи с сильными партизанскими отрядами соседних братских народов; они посылали в эти отряды связных и даже вливались целиком в эти отряды.

Русские и белорусские партизаны радушно принимали в свои отряды группы латышских партизан, помогали им вооружиться и организоваться, обучали латышских партизан боевой тактике и методам борьбы. В этот тяжёлый час латышские трудящиеся искали помощи и поддержки у великою русского народа, и он — как это случалось уже не раз в истории обоих народов — не отказал в этой помощи и поддержке, хотя и сам переживал тяжёлое время.

Оккупанты, захватив Латвию, восстановили старые пограничные столбы, посты и кордоны пограничной охраны, которыми капиталисты после 1919 года пытались искусственно отрезать Латвию от Советской России. Но все усилия как латышской националистической буржуазии, так и

¹⁸ Цитируется по брошюре Я. Калнберзина и В. Лациса «Советская Латвия в Великой Отечественной войне». Москва. 1942 год.

фашистских захватчиков отмежевать латышских трудящихся от русского народа оказались тщетными. Ни пограничные столбы, ни фашистские пулемёты не могли загородить латышам дорогу к русским партизанам.

Запугивания оккупантов расстрелами и концентрационными лагерями не смогли остановить уже разгоравшееся движение. Все это свидетельствует о быстром росте политической активности масс в начале 1942 года.

Групп сопротивления к весне 1942 года насчитывалось уже довольно много. Большая часть из них, понятно, не была ещё организационно оформлена. Указать фактическое число этих групп здесь невозможно, ибо они никем не учитывались. Приведем, однако, несколько фактов, характеризующих деятельность таких групп, например, в Лудзенском уезде.

Деятельность подпольной группы комсомольца Александра Грома, оперировавшей в Шкауенской и Пасиенской волостях, вошла в историю латышского партизанского движения как один из наиболее ярких в этом отношении примеров.

Осенью и зимой 1941 года после того, как А. Грому удалось законспирироваться, этот энергичный и бесстрашный латгальский юноша собирал вокруг себя молодежь своей родной Шкауенской волости. В начале зимы ему удалось связаться в Пасиенской волости с другой группой крестьянской молодежи, которой руководил Александр Козловский. А. Гром объединил эти две группы и стал руководителем объединенной подпольной организации. Из 50 её участников выделилась комсомольская ячейка, куда, вошли наиболее активные и сознательные подпольщики. Последняя стала идейным и организующим ядром антифашистского подполья в этой местности. Группа собирала оружие, наладила широкие связи с жителями Шкауенской, Пасиенской и Истренской волостей. Очень скоро эти связи распространились до городов Лудза и Зилупе, а позднее — даже до Риги.

В декабре 1941 года группе Грома удалось установить связь с руководителями партийного подполья Освейского района Белорусской ССР, которое к тому времени уже развернуло в своём районе партизанское движение. Когда весной 1942 года в Латвии началась мобилизация на работу в Германию, Гром перебросил в белорусские леса всех членов подпольной организации, которым угрожала опасность быть насильно угнанными в рабство, и создал из них партизанскую группу, начавшую действовать совместно с белорусскими партизанскими отрядами. Созданная в Латвии подпольная организация продолжала существовать и непрерывно посылала партизанской группе новых бойцов. В мае 1942 года в боевую группу из Риги прибыл Имант Судмалис — легендарный латышский партизан «Имант». К июню 1942 года в боевой группе Грома было уж 25 бойцов.

В ночь с 13 на 14 июня эта группа, совместно с белорусскими партизанами, провела свою первую замечательную операцию: она заняла Шкауенский волостной центр, уничтожила его охрану и ненавистную мобилизационную комиссию, ликвидировала списки разыскиваемых для отправки в Германию лиц и архив полицейского участка. На другой день батальон регулярной немецкой армии, преследовавший партизан, получил от объединённых сил белорусских и латышских партизан ошутимый контрудар у села Лисно Витебской области.

Особые заслуги в деле организации отпора врагу имел Имант Судмалис. Прикрывая вместе с несколькими товарищами отход партизан через реку Свольня и располагая лишь одним пулемётом, Имант подпустил колонну противника на 50 метров и неожиданно открыл огонь.

Меткие пулемётные очереди уложили несколько десятков гитлеровцев. После того, как партизаны с подводами оказались в безопасности, Имант вместе с остальными товарищами форсировал осыпаемую градом пуль реку Свольня, мост через которую был разрушен партизанами, и скрылся цел и невредим в густых лесах Белоруссии.

С именем Иманта Судмалиса неразрывно связано всё латышское партизанское движение. Уже в первые дни Великой Отечественной войны Судмалис, будучи секретарем Лиепайского уездного комитета комсомола и членом Центрального Комитета ЛКСМ Латвии, участвовал в защите родного города от фашистских захватчиков. Смело командовал он комсомольской ротой и уже тогда проявил себя умелым пулемётчиком, уничтожив мною десятков гитлеровских молодчиков, опьяненных иллюзией «легкой войны». Лиепайские рабочие вместе с моряками и красноармейцами отбивали многочисленные атаки фашистов и продолжали борьбу даже тогда, когда город оказался отрезанным. Когда врагу, наконец, удалось прорвать ряды героических защитников города, линия фронта была далеко. Имант был одним из тех, кому удалось прорваться сквозь окружавшие Лиепая цепи гитлеровцев.

Богатый опыт подпольной работы, приобретенный Имантом за время долголетней комсомольской работы в ульманисовской Латвии, его неисчерпаемая энергия и замечательный талант подпольщика пригодились ему в первые же дни нелегальной работы, когда пришлось скрываться от преследователей. Пробыв несколько месяцев в Курземе, Имант перебирается в Ригу. Его энергичному характеру была чужда бездеятельность, и с первых же дней в чрезвычайно тяжелых условиях он начинает терпеливо создавать фундамент будущей подпольной организации. Достигнув первых результатов, Имант отправился в далёкий и опасный путь через линию фронта для того, чтобы сообщить партийному руководству о проделанной работе и получить новое задание. Встреча с Громом и белорусскими партизанами значительно облегчила ему переход через линию фронта. Осенью 1942 года Судмалис уже в Москве.

В Латвию Имант возвратился вместе с Латышским спецотрядом (см. ниже). В первой половине 1943 года Судмалис в рядах партизанского отряда, позднее — бригады, где он, являясь секретарем партийной организации, оставил неизгладимое впечатление на бойцов своим бесстрашием и хладнокровием в бою, боевым пылом и неисчерпаемым юмором во время передышек между боями.

Во второй половине 1943 года Судмалис в качестве члена и уполномоченного Центрального Комитета комсомола Латвии возвратился в Ригу, где руководил подпольными группами, направляя и расширяя их деятельность. Он установил связь также между рижским подпольем и партизанскими отрядами Северной Латвии. Но и в Риге он не ограничился одной лишь организационной работой и лично участвовал во многих опасных боевых операциях. Самая выдающаяся из них — срыв инсценированного гитлеровцами «митинга — протеста латышского народа», который должен был состояться в ноябре 1943 года. С этого момента гестапо бросило все силы на то, чтобы выследить руководимую Судмалисом подпольную организацию. Гнусному провокатору удалось проникнуть в её ряды и в феврале 1944 года начались аресты подпольщиков. Несмотря на то, что над головой Иманта сгустились грозные тучи, он всё же не оставил Ригу, а последовал святому закону руководителя — сначала вывести из Риги в партизанские отряды всех членов организации, которым грозила опасность попасть в руки гестапо, и лишь тогда думать о своем спасении. Но гестапо напало на след Иманта, и легендарный латышский партизан попал в руки фашистов, которые казнили его летом 1944 года. Имант умер так же геройски, как и боролся.



Легендарный латвийский партизан, организатор и
руководитель рижского антифашистского подполья
Имант Судмалис

Кроме группы Грома в подпольной организации в Лудзенском уезде зимой и весной 1942 года было создано еще несколько антифашистских групп. Подпольную работу в Вецслабдской волости организовал советский активист Зейлиш. В Рунданской волости была создана антифашистская группа под руководством Максимова и Масловского. В Бригской волости — группа Пеличева. В Циблской волости — группа Дударева и т. д. Указанным группам удалось установить связь с сильными партизанскими отрядами Витебской и Калининской областей и отправить туда часть своих людей. Хотя общее число вооруженных партизан, активно действовавших в Лудзенском уезде в 1942 году, было сравнительно невелико, всё же это означало значительный шаг вперед в развитии партизанского движения — за оружие взялись простые крестьяне, которых оккупанты считали «успокоившимися» и «нейтральными» в борьбе социализма с фашизмом.

Позже эти подпольные и партизанские группы Лудзенского уезда сыграли большую роль в развертывании партизанского движения в Латгалии. Чрезвычайно благоприятные условия, определявшиеся близостью русских партизанских районов, дали возможность создать здесь боевые группы вооруженных партизан, которые могли успешно бороться с врагом. Антифашистские группы, находившиеся в глубине Северной Латвии, были ещё слишком слабы для того, чтобы, полагаясь только на собственные силы, развернуть самостоятельную вооруженную борьбу.

Нельзя забывать также и то обстоятельство, что в массах господствовали тогда насаждавшиеся оккупантами и местными фашистами предрассудки о том, что географические и социальные условия исключают возможность вооруженной партизанской борьбы в Латвии. Население центральной части Латвии не имело возможности ознакомиться с опытом партизанской борьбы в других советских республиках, а редкие вести, доходившие из Белоруссии о партизанской борьбе, буквально тонули в грязных потоках клеветнических измышлений фашистской пропаганды. Рассеять эти предрассудки можно было, только развернув вооруженную борьбу.

* * *

Необходимость в централизованной организации и едином руководстве движением сопротивления

Итак, весной 1942 года движение сопротивления в Латвии и особенно в Латгалии пошло в рост. Трудящиеся всё более открыто и смело высказывали свои симпатии к Советскому Союзу и свою ненависть к фашистам. Рискуя своим имуществом и жизнью, крестьяне в массовом порядке помогали военнопленным советским бойцам, бежавшим из концентрационных лагерей, снабжали их продуктами, одеждой и оружием, прятали от шуцманов и т. д. Часто отдельные красноармейцы или даже целые группы красноармейцев, пробираясь по направлению к линии фронта, останавливались у наиболее активных и надёжных крестьян и помогали им организовать. Нередко они нападали с помощью местного населения на наиболее ярых пособников немцев и уничтожали их. Случались и вооружённые столкновения с полицией и жандармами. Эти столкновения в свою очередь убеждали население в том, что можно и надо оказывать оккупантам активное сопротивление. Всё это свидетельствует о том, что широкие слои населения начали освобождаться от порожденного фашистским террором гипноза бессилия. Народ пробуждался.

Оккупанты надеялись при помощи кровавого террора подавить народное сопротивление ещё в его зародыше. Деревню Аудрини Резекненского уезда постигла такая же ужасная участь, как и

чехословацкую деревню Лидице. Когда фашистские изверги обнаружили, что жители этой латгальской деревни скрывают и поддерживают попавших в окружение красноармейцев, они сожгли село до тла, арестовали всех её 279 жителей, 30 мужчин публично расстреляли на рыночной площади в Резекне, а остальных — среди них стариков, женщин и грудных детей — убили у подножья Анчупанских гор.

Сохранилось документальное свидетельство этого страшного злодеяния — приказ командира немецкой охранной полиции в Латвии, оберштурмбанфюрера Штрауха об уничтожении деревни Аудрины, напечатанный в газете «Резекнес зиняс». Приводим его:

«Командир немецкой полиции безопасности в Латвии доводит до сведения:

1. Несмотря на неоднократные повторения распоряжения о том, что все граждане, принимающие участие в антигосударственной деятельности, будут подвергаться строгому наказанию и что особенно строго будут караться те граждане, которые предоставляют в своих квартирах и хозяйствах убежище нежелательным элементам, прячут их, кормят и снабжают оружием и таким образом действуют против закона, — несмотря на это, в последнее время несколько случаев убедили меня в том, что это распоряжение немецкого правительства не выполняется.
2. Жители деревни Аудрины Резекненского уезда свыше $\frac{1}{4}$ года скрывали у себя красноармейцев, обеспечивали их продовольствием, оружием и всячески старались оказать им содействие в их антигосударственной деятельности.
3. В борьбе с этими элементами были убиты работники полиции Латвии. Поэтому я приказываю в порядке назидания:
 - а) сравнять деревню Аудрины с землей,
 - б) жителей деревни Аудрины арестовать и
 - в) 30 жителей деревни Аудрины мужского пола 4. I. 1942 года публично расстрелять на рыночной площади гор. Резекне.
4. И впредь я буду карать самым строгим образом тех лиц, которые не соблюдают распоряжений властей, а также тех, кто оказывает помощь этим элементам.

Командир полиции безопасности в Латвии
Штраух,
оберштурмбаифюрер «СС».

Этот обвинительный документ говорит не только о кровавом преступлении арийского садиста. Мы приводим этот приказ потому, что сквозь жестокие угрозы оккупантов сквозит панический страх перед всё разрастающимся движением народного сопротивления.

Ни зверства, ни террор оккупантов не смогли сломить волю народа к сопротивлению гитлеровским палачам. Несколько дней спустя после Аудриньской трагедии в Рунданской волости Лудзенского уезда вновь произошла вооруженная стычка подпольщиков с полицией, в результате которой был убит один полицейский. И на этот раз оккупационные власти ответили кровавым приказом — 47 арестованных жителей деревни Мордухи, близ которой произошла стычка, были расстреляны в г. Лудза.

Однако движение сопротивления в целом по-прежнему носило неорганизованный характер, и в связи с этим его результаты были еще недостаточно эффективны. Чтобы более ощутимо ослаблять оккупантов, требовалось, с одной стороны, вовлечь в это дело всех трудящихся, а с

другой стороны, нужно было превратить малоорганизованное, раздробленное и в целом ещё пассивное движение народного сопротивления в активную, целеустремленную, организованную борьбу. К тому времени в активную, организованную борьбу против фашизма была включена уже та часть латвийских трудящихся, которой удалось в начале войны эвакуироваться из Латвии. Эта часть латышского народа боролась с фашизмом или с оружием в руках на фронтах Отечественной войны, или на фабриках, заводах, колхозных полях в советском тылу.

Нараставшая волна движения народного сопротивления и вовлечение в неё всё более широких слоёв трудящихся раскрывали широкие возможности и для развертывания вооруженной партизанской борьбы в Латвии. Чтобы эту возможность превратить в действительность, необходимо было создать централизованное руководство, которое смогло бы более эффективно реализовать эти благоприятные объективные данные. Осуществлять такое руководство были в силах только организации коммунистической партии (большевиков) Латвии. Успешное выполнение этой задачи было невозможно без организационного укрепления имеющихся в Латвии подпольных партийных организаций, без объединения разрозненных партийных групп и членов партии в централизованную организацию.

В начале 1942 года ЦК КП (б) Латвии принял исторически важное решение: создать на оккупированной территории Латвии централизованное партийное подполье для организации движения сопротивления и руководства им.

Чтобы провести в жизнь это решение, Центральный Комитет КП (б) Латвии при поддержке и под руководством ЦК

ВКП(б) подготовил для работы в тылу брота руководителей подпольных партийных и комсомольских организаций и командиров будущих партизанских отрядов. Вскоре эти товарищи были переброшены через линию фронта на территорию оккупированной Советской Латвии.

В истории движения народного сопротивления Латвии начался новый период — период централизованной организации и идейного укрепления движения народного сопротивления.

II БОРЬБА ЗА ПЕРВЫЕ ЦЕНТРЫ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЛАТВИИ

(весна — осень 1942 года)

1. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Создание организационных центров партизанского движения и партийного подполья на территории оккупированной Советской Латвии — задача латышских коммунистов в 1942 году.

Весной 1942 года перед советскими партизанами встали большие исторические задачи. В это время, как указывал товарищ Сталин в беседе с командирами украинских и белорусских партизан в конце августа 1942 года¹⁹, партизаны были тем «вторым фронтом», который являлся единственным помощником Советской Армии и оттягивал значительные силы «противника» советско-германского фронта, где решалась судьба второй мировой войны. Этот «второй фронт» необходимо было укрепить и ещё более активизировать.

Много блестящих побед одержали советские партизаны уже в осенне-зимний период 1941 года. Вся советская страна знала о блестящих операциях партизанских соединений Ленинградской и Смоленской областей, Белорусской и Украинской ССР. Это были примеры, по которым надо было равняться и на которых должны были учиться латышские партизаны, чтобы с честью выполнить задачу, возложенную на них коммунистической партией и Советской Родиной.

Опыт Великой Отечественной войны показывает, что последовательность процесса создания централизованного партизанского движения в общих чертах сводится к следующему:

прежде всего стабилизируются руководящие партийные центры с соответствующе развернутой и разветвленной сетью партийных организаций. Эти партийные центры через низовые звенья организации устанавливают связь с массами и становятся руководителями движения сопротивления. Когда в основном движение сопротивления руководством уже охвачено, — развертывают централизованную организацию партизанского движения: создают центры партизанского движения и большие военные формирования.

Сказанное, конечно, нельзя понимать односторонне, т. е. нельзя изолировать друг от друга эти две стороны одного и того же процесса, т. е. создание центра партийного подполья от организаций руководящего центра партизанского движения. Они неразрывно связаны между собой, влияют друг на друга, но всё же в процессе развития партизанского движения первое является предпосылкой для реализации второго.

Итак, весной 1942 года деятельность латышских коммунистов проходила в своеобразных, можно сказать, исключительных условиях: с одной стороны — централизованного партийного подполья, как прямой непосредственной организующей силы народного сопротивления, в то время ещё не существовало, а с другой стороны, чтобы приблизить победу, необходимо было ускоренными темпами развертывать партизанское движение. Следовательно, на территории

¹⁹ См. воспоминания командира украинских партизан Ковпака «От Путивля. до Карпат».

оккупированной Латвии необходимо было создавать одновременно и руководящие центры партизанского движения и центры партийного подполья. Готовя в глубоком тылу группы будущих организаторов, партийное руководство учитывало своеобразие создавшейся обстановки. В Латвию через линию фронта посылались скомплектованные партизанские отряды, в их состав входили как будущие командиры партизанских отрядов, так и руководители подпольных партийных и комсомольских организаций. Партизанские отряды были исходным пунктом предстоящих организационных мероприятий.

Согласно указанию ЦК КП (б) Латвии, на территории оккупированной Латвии вначале создавались три центра партизанского движения и подпольных партийных организаций. Районом действия первого центра была Южная Латвия Екабпилсский, Илукстский и Даугавпилоский уезды; второго — Центральная Латвия — Мадонский и Резекненский уезды; третьего — Северная Латвия — Абренский и Валкский уезды.

В эти места весной 1942 года и направились через линию фронта три партизанских отряда. Выбор этих мест был обусловлен тактическими соображениями, исходя из своеобразия партизанской борьбы: партизанские соединения могли укрепиться и успешно развернуть деятельность, как говорят, «осесть» только в значительных лесных массивах.

В отряде, который должен был действовать в Северной Латвии, насчитывалось 59 бойцов. Руководителями этого отряда были: командир отряда — Лайвинь, комиссар — Баград, начальник штаба — Муравский, руководитель подпольной партийной организации и парторг отряда — Евгений Каупуж (секретарь Абренского укома партии), командиры рот — Фрейманис и Самсон.

Почти все бойцы отряда ранее были рядовыми или командирами 201-й латышской стрелковой дивизии и участвовали в боях под Москвой и Старой Руссой, так что им пришлось переменить только условия борьбы — фронт на тыл противника. Большинство из них были родом из волостей Северной Латвии.

ЦК КП (б) Латвии поручил руководить движением сопротивления на всей территории оккупированной Латвии и координировать действия всех партизанских отрядов Оперативной группе ЦК КП (б) Латвии, в которую вошли уполномоченные Центрального Комитета тт. Ошкалн, Палдинь и Петерс.

Высшее руководство партизанским движением в Латвии, также как и другими формами борьбы латышского народа против гитлеровских захватчиков, было сосредоточено в руках бюро ЦК КП (б) Латвии во главе с секретарем Центрального Комитета т. Калнберзиным и председателем Совета Народных Комиссаров Латвийской ССР т. Лацисом. Подготовкой и формированием партизанских отрядов в советском тылу руководил секретарь ЦК КП (б) Латвии т. Америк.

Латвийские коммунисты могли начать эту большую работу по организационному и идеологическому укреплению и вооружению своего народа для борьбы против фашизма благодаря тому, что ими руководил Центральный Комитет ВКП (б) и что они получали материальную поддержку от Советского правительства. Большую заботу о латышских партизанах проявлял лично товарищ Сталин. Он дал указание вооружить их самым совершенным отечественным автоматическим оружием. Это высокое доверие великого вождя советского

народа латышские партизаны оправдали своей дальнейшей самоотверженной и героической борьбой в тылу врага.

* * *

Партизаны Северной Латвии в Латышском партизанском полку (весна и лето 1942 г.)

В мае 1942 года все три отряда латышских партизан перешли линию фронта и сконцентрировались в тылу врага в Ленинградском партизанском крае, чтобы подготовиться к дальнейшему переходу. Ленинградский партизанский край находился к юго-западу от Старой Руссы и охватывал территории нескольких районов: полностью Ашевский и Белобельский, частично Чихачевский и Дедовичский районы. Местность эта покрыта лесами и болотами. Ленинградские партизаны восстановили здесь советскую власть уже осенью 1941 года.

Партизанский край создала и укрепила славная Вторая ленинградская партизанская бригада, которой командовал Н. Г. Васильев. За ее плечами были успешные бои зимы 1941—1942 года против больших карательных экспедиций немцев, бой под Исками, разгром Дедовичского гарнизона, взятие города Холм. Об этих славных операциях знал весь Советский Союз.

Приход латышских партизан в Ленинградский партизанский край совпал с весенним наступлением немецких карательных экспедиций. В отражении атак карательных экспедиций успешно участвовали и латышские партизаны. Так, отряд, которым командовал т. Ошкалн, 15 мая в оборонительном бою у деревни Большое Заполье нанёс большие потери одной из группировок немецкой карательной экспедиции, которая, поддерживаемая танками, пыталась прорваться по дороге Чихачево — Старая Русса. Партизаны под командованием Винде 6 июня освободили две деревни, накануне занятые противником. Несколько десятков успешных засад и операций по разрушению коммуникаций противника провели разведчики и подрывники латышских партизан.

Сильные ленинградские партизанские бригады сумели отстоять свой партизанский край от немецких карательных экспедиций, предпринятых гитлеровцами весной и летом 1942 года²⁰. Противнику пришлось ограничиться окружением ленинградского партизанского края тесным кольцом укрепленных гарнизонов, чтобы таким образом блокировать этот край и хотя бы локализовать действия партизан.

В остальных районах Ленинградской области, которые нужно было пройти латышским партизанам по пути в Латвию, в то время немецкие оккупационные власти были ещё довольно сильны. Стало очевидным, что дальнейший путь до места назначения, составлявший примерно 400—500 километров, сможет продолжать только сильное военное соединение. Поэтому три партизанских отряда объединились в Латышский партизанский полк, которому было присвоено имя «За Советскую Латвию». Так в тылу противника родилось первое крупное формирование латышских партизан. Командиром этого полка был назначен Лайвинь, комиссаром Ошкалн. Первым отрядом командовал Винде, вторым — Бонда, а позднее — Артур Балодис. В полк входил также и третий отряд, предназначенный для действий в Северной Латвии. Во время рейда им командовал Самсон.

²⁰ Ленинградский партизанский край противнику удалось занять только осенью 1942 года, когда против партизан были брошены немецкие регулярные части общей численностью свыше 10 тыс. человек, танки, самоходные орудия и самолёты.

19 июня 1942 года латышский партизанский полк, насчитывавший в своих рядах более двухсот бойцов, выступил в далёкий рейд. Впереди были открытые безлесные районы, где прежде партизанские отряды ещё не базировались. Даже для большого партизанского формирования преодоление такой местности было нелегкой задачей. Правда, первая часть пути — до района Пушкинских гор — была преодолена без больших трудностей. Её латышские партизаны прошли вместе с первой и четвертой Ленинградскими партизанскими бригадами²¹, которые направлялись в восточные районы Ленинградской области, чтобы там нанести удары немецким оккупационным властям. Эти три объединённых партизанских соединения, вместе взятые, представляли собою внушительную силу. Как мощный кулак они вторглись в тыл оккупантов, уничтожая на своем пути немецкие полевые гарнизоны и полицейские участки. Шпионы и предатели, которым удалось избежать заслуженной кары, бежали на более укрепленные опорные пункты оккупантов. Немецкий оккупационный аппарат был разгромлен на значительной территории.

Плечом к плечу с русскими партизанами боролись латыши. Именно в этом рейде латышские партизаны своей героической борьбой и выносливостью в переходах заслужили всеобщее признание и обрели горячих друзей среди ленинградских партизан. Эта тесная боевая дружба русских и латышских партизан росла и крепла в совместных тяжёлых боях против общего врага. Вместе они громили немецкие карательные экспедиции, полицейские части и латышские полицейские батальоны, которые перепуганное руководство немецких оккупантов поспешно бросало против партизан. Мстя за сожжённые русские сёла, замученных стариков, женщин и детей, латышские партизаны мстили и за поруганную фашистами Латвию. Латышские партизаны не чувствовали себя здесь чужими. Как раз наоборот, вокруг были друзья, единомышленники, на каждом шагу они чувствовали и получали неоценимую помощь русского народа. В сёлах латышских партизан встречали как друзей и защитников. Именно здесь ярче всего проявлялась великая сила сталинской политики дружбы народов и бессилие фашистского звериного шовинизма и расовой политики, которые не в силах были расколоть единую семью советских наций.

В этих тяжёлых и кровопролитных боях латышские партизаны получили первый серьёзный опыт партизанской борьбы и боевую закалку.

Ленинградские партизаны были первыми, у кого латыши учились тактике и теории партизанской борьбы, чтобы позже применить приобретенный опыт в соответствии с условиями Латвии.

Часто, и вполне обоснованно, говорят, что латышский партизанский полк был кузницей партизанских командиров. Именно здесь, в Ленинградской области, командиры и рядовые этого полка овладели основами тактики партизанской борьбы, именно здесь они приобрели практику руководства боями. Позже, уже в Латвии, всё это очень пригодилось. Из бойцов партизанского полка впоследствии комплектовался командный состав многих партизанских отрядов. Только один 3-й отряд дал Северной Латвии таких руководителей партизанского движения, как Эзерниек, Балодис, Ласман, Самсон, Рашкевиц, Савицкий, Ларионов, Анджан, Матулен, Виктор и

²¹ Когда партизанский полк в ночь на 19 июня проходил полосу сильных немецких укреплений, противнику удалось при помощи сильного пулеметного и минометного огня расчленить партизанский полк на 2 части. 1-й отряд, под руководством Лайвина, продолжал путь совместно с 4-й Ленинградской бригадой, 2-й и 3-й отряды, под руководством комиссара Ошкална, продолжали путь по маршруту 1-й Ленинградской партизанской бригады. Полк соединился в селе Сорокино 26 июня.

Владимир Константиновы, и многих других. А из 1-го и 2-го партизанских отрядов вышли такие известные партизаны-командиры Северной Латвии, как Бурцев, Липовский, Риктер, Сидоров и другие.

Ленинградский партизанский край был боевой школой подготовки руководящих кадров партизанского движения и опорной базой для дальнейшего развертывания партизанского движения на территории всей Ленинградской области. Такую оценку ленинградскому партизанскому краю дали сами участники партизанского движения в Ленинградской области.

Аналогичную роль партизанский край сыграл и в начале периода организации централизованного партизанского движения в Северной Латвии. Здесь будущие партизанские командиры Северной Латвии прошли первую боевую школу; здесь они отдыхали и готовились к переходам в районы предстоящих действий; сюда они возвращались в случае неудач. Именно здесь сложилась и окрепла боевая дружба русских и латышских партизан, которая имела огромное значение в развитии партизанского движения в Латвии.

Бойцы Латышского партизанского полка росли и закалялись также и идейно. Встречаясь лицом к лицу с фашистскими убийцами и их кровавыми злодеяниями, латышские партизаны научились жестоко ненавидеть фашистских захватчиков. Ещё ярче разгоралась горячая ненависть к гитлеровцам, ещё больше росла священная любовь к своей Советской Родине. Именно в условиях этой борьбы латышские юноши становились нескгибаемыми и до последнего дыхания преданными бойцами за великое дело Ленина—Сталина.

Огромную работу по идеологическому воспитанию и коммунистической спайке коллектива проводил политотдел полка. Особенно большие заслуги в этом отношении принадлежат незабываемому «отцу латышских партизан» Ошкалну — идейной совести полка, и представителю ЦК КП (б) Латвии Палдинь.

Отмар Ошкалн, выдающийся комиссар и командир латышских партизан, которому за его заслуги в деле организации партизанского движения и руководства им присвоено Советским правительством высокое звание Героя Советского Союза, был одним из тех немногих латышских партизанских командиров, которые в боевом строю прошли все этапы борьбы латышских партизан. Поэтому не случайно, что имя Ошкална является одним из наиболее популярных среди партизан Латвии.

Ошкалн взялся за оружие в первые же дни Отечественной войны. Будучи секретарем Екапилсского уездного комитета партии, он энергично руководил борьбой красногвардейцев против фашистских диверсантов и высадившегося на берегу Даугавы немецкого десанта. Путь отступления Ошкална с территории Латвии был полон опасностей: ему неоднократно приходилось прорываться через кольцо фашистского окружения, прежде чем, наконец, удалось добраться до Москвы. Здесь зимою 1941—42 года Ошкалн, в прошлом народный учитель и подпольный работник, настойчиво готовился к работе по организации партизанского движения.

Весной 1942 года на Ошкална были возложены обязанности комиссара латышского партизанского отряда, а впоследствии — комиссара партизанского полка. Лето 1942 года было на редкость тяжёлым для латышских партизан и протекло в непрерывных боях с превосходящими силами противника. Несмотря на многочисленные трудности, Ошкалн прошёл до конца тяжёлый путь партизанского полка. В одном из кровопролитных боев в июле 1942 года противнику удалось отрезать комиссара вместе с немногими ранеными партизанами от



Выдающийся организатор латвийского партизанского движения, командир III Латышской партизанской бригады, член оперативной группы ЦК КП (б) Латвии
Отомар Петрович Ошкалн.

основных сил. Только беспредельная отвага и настойчивость, которыми обладал бесстрашный латышский комиссар, спасли группу: комиссар вывел её через линию фронта в советский тыл.

В качестве члена Оперативной группы Центрального Комитета КП (б) Латвии с декабря 1942 года Ошкалн снова в тылу врага — в Восточной Латвии и в Освейском районе (Белоруссия). Зимой 1942—43 года, полную тяжёлых боёв и замечательных побед, он прошел вместе с Латышским партизанским спецотрядом. Весной 1943 года Ошкалн — комиссар только что созданной Латвийской партизанской бригады. По заданию Центрального Комитета он проделал большую работу по организации партизанского движения в Латвии, а осенью 1943 года, вместе со взводом партизан он ушёл в исключительный по смелости рейд за реку Зилупе, через Лубанские болота в Екабпилсские леса. Здесь зимой 1943—44 гг., несмотря на бесконечные карательные экспедиции противника, Ошкалн сохранил и укрепил свой партизанский отряд, из которого летом 1944 года образовалась III Латвийская партизанская бригада — формирование земгальских партизан.

Приход Советской Армии Ошкалн встретил, имея на боевом счету своей бригады внушительный баланс.

После окончания войны все свои силы Ошкалн посвятил восстановлению народного хозяйства и культуры Советской Латвии. Но подорванное во время войны здоровье резко ухудшилось, и тяжелая болезнь безвременно прервала замечательную жизнь латышского большевика. 1 сентября 1948 года латышский народ проводил в последний путь своего героя.

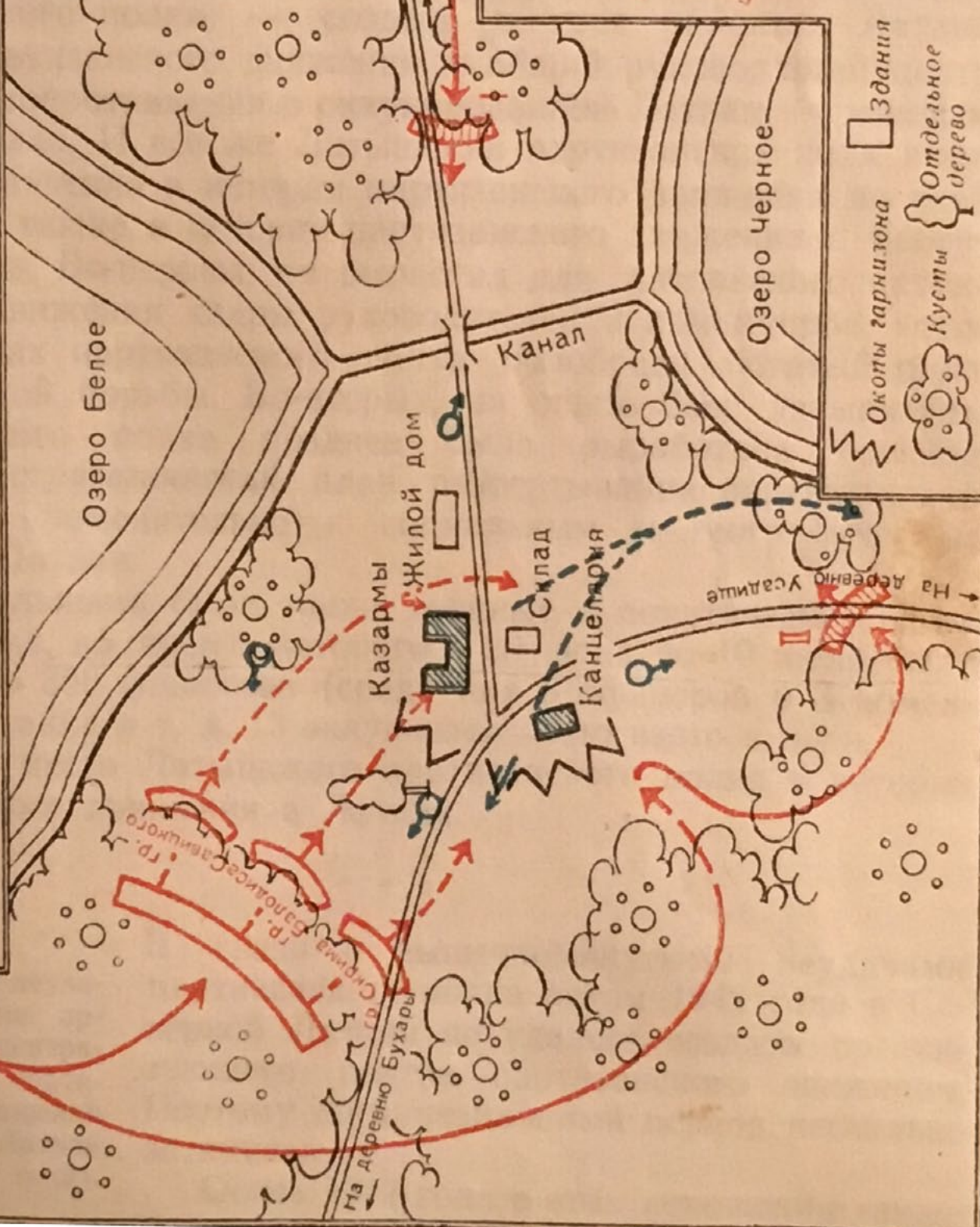
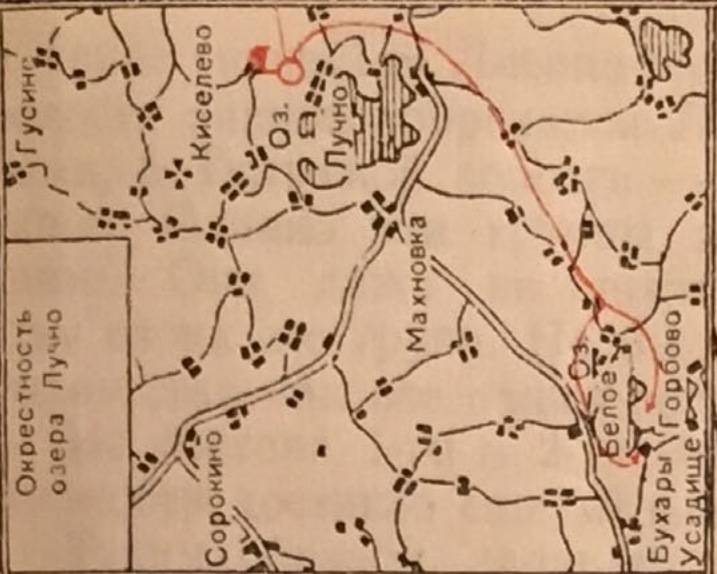
В памяти латышского народа навсегда останется образ Ошкална — пламенного большевика, выдающегося руководителя и воспитателя партизан, неустанного глашатая борьбы, безгранично преданного делу Ленина—Сталина. В памяти его соратников образ Ошкална сливается с образом неутомимого революционного борца, который в нашей литературе создан великим талантом Райниса, — латышский партизанский комиссар был глубоким знатоком и ценителем революционной поэзии Райниса и воплощал в своей жизни и борьбе ее революционный дух.

Поскольку задачей настоящей работы является обзор партизанских действий в Северной Латвии, то здесь не представляется возможным подробнее показать интересное и довольно редкое в истории партизанского движения Латвии явление — дальний рейд партизанского отряда. Дадим только некоторые сведения о боях 3-го отряда во время этого рейда.

На боевом счету 3-го отряда значится целый ряд замечательных операций. Он выдержал главную тяжесть боёв в таких успешных операциях, как ночное нападение на Горбовскую комендатуру, как большой оборонительный бой под селом Сорокино против немецких танков и мотомеханизированных частей, и многих других более мелких боях и стычках с оккупантами.

Нападение на Горбовскую комендатуру (Славковичский район) было произведено в ночь с 23-го на 24-е июня усиленной второй ротой 3-го отряда при поддержке взвода разведчиков I Ленинградской партизанской бригады (командир т. Буйнов). В этом бою партизаны уничтожили 25 фашистов, в том числе и коменданта, и взяли в плен 8 человек. Собрав богатые трофеи, партизаны уничтожили укрепления и склады. Горбовская операция была первым успешным ночным нападением, которое 3-й отряд провел в Ленинградской области. Прежде партизаны знали о таком нападении лишь теоретически — из рассказов уже обстрелянных партизан и из лекций, прочитанных ещё в советском тылу. В Горбовской операции партизаны применили эту теорию на практике.

Партизанский налет на Горбовскую комендатуру



ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Маршрут движения партизан.
- Исходные позиции для нападения
- Путь ударных групп (указана фамилия командира)
- Блокирующие группы.
- Посты противника
- Дежурный пулемёт
- Путь отхода

- Окопы гарнизона
- Здания
- Кусты
- Отдельное дерево

Опыт этой операции пригодился многим партизанским командирам в более поздних боях в Северной Латвии. Поэтому есть смысл более подробно остановиться на этой операции.

Ночное нападение партизан или «ночной налет» является одним из тактических приёмов партизанской борьбы. Это — внезапное вторжение партизан в расположение противника ночью. Смысл такой операции состоит в том, что противник застаётся врасплох и уничтожается ещё до приведения гарнизона в боевую готовность. Предварительными условиями успешного ночного нападения являются скрытное приближение, быстрый и неожиданный удар — бросок.

Используя воспоминания, которые оставили нам участники операции, коротко расскажем о ходе этого боя.

Утром 23 июня 1942 года I Ленинградская партизанская : бригада и часть Латышского партизанского полка после « продолжительного перехода остановились на северном берегу озера Лучно. Перепуганные появлением партизан полицейские и другие немецкие пособники поспешно оставили близлежащие селения и укрылись в укрепленной Горбовской комендатуре, расположенной между озерами. В операциях по «очистке» сёл совершенно случайно в руки полицейских попали два разведчика ленинградцев. Руководство бригады и полка решили в следующую ночь напасть на комендатуру, чтобы раньше, чем туда прибудет подкрепление, освободить своих бойцов и уничтожить бандитское гнездо.

Сведения о численности противника и об охране немецкого гарнизона были у партизан далеко не точные. Для их проверки необходимо было время. Появление разведки партизан предупредило бы противника о замыслах партизан. Поэтому, планируя бой, командование партизан использовало те сведения, которые были получены от местных жителей. Было известно, что обычно гарнизон насчитывает примерно 35—40 немецких солдат и полицейских. Но так как после появления партизан в гарнизон сбежались полицейские из близлежащих селений, то их там должно было быть не менее полусотни.

Гарнизон находился в местности, хорошо приспособленной к обороне: с севера его защищало Белое озеро, с юга — озеро Черное, а с востока — канал. Мост через канал охранялся постами. Таким образом, подойти к комендатуре можно было только с запада. С этой стороны и решено было напасть на гарнизон противника.

В операции приняли участие II рота 3-го отряда латышского полка, численностью в 33 человека, и столько же разведчиков русской бригады. Согласно разработанному плану гарнизон должны были штурмовать 3 ударные группы II роты; первая группа бригадных разведчиков должна была блокировать пути отхода противника на восток — через канал, перед второй группой была поставлена задача отрезать путь на юг — к деревне Усадище (см. схему).

В вечерних сумерках партизаны отправились в путь. За короткую летнюю ночь предстояло пройти 20 километров. Ночь выдалась очень светлая, такими обычно и бывают ночи на Иванов день. Вскоре раздались раскаты грома и хлынул проливной дождь. Хотя партизаны и промокли до последней нитки, но гроза была им на руку, сильнейший ливень скрывал от случайных глаз движение партизан. Ударная рота обошла озеро Белое с севера и заняла исходные позиции в кустарнике — западнее гарнизона. Вышла на намеченные позиции и 2-ая блокирующая группа ленинградцев. После грозы небо быстро прояснилось. Начало рассветать. В гарнизоне все тихо. После беспокойно проведенной ночи гитлеровцы спокойно спали. Постовые в полусне дрожали в промокшей одежде.

С озера начал подниматься туман... Самое подходящее время для удара. Приказ отдан. Вскочили с оружием в руках бойцы, мощное ура и автоматные очереди разорвали утреннюю тишину. В задачу групп Савицкого и Балодиса входила атака казармы, где прежде размещалась школа, а теперь расположились главные силы гарнизона, а также комендант со своим помощником. Группе Скрима предстоял штурм здания канцелярии. Надо было пробежать примерно 150 метров по открытой местности...

Группы Савицкого и Балодиса преодолели это расстояние в несколько мгновений. Над головами просвистела пара пуль выпущенных постовым, и партизаны уже у школьного здания. Достигнута полная внезапность. Из казармы не раздалось ни одного выстрела. Еще на бегу партизаны «прикрыли» все окна автоматными очередями, и в них поэтому не показался ни один немец. Комендант со своим помощником было выбежали, на балкон, но в тот же миг, продырявленные десятками пуль, мертвыми перевалились через перила... В окна полетели брошенные партизанами противотанковые гранаты — это замечательное оружие ближнего боя. От их разрушительных взрывов перекошились стены, провисла, а затем и обрушилась крыша. Начался пожар. Среди партизан потерь не было.

Несколько иначе прошло наступление на правом фланге. Группе Скрима не удалось в первом броске достигнуть окопов противника на правой обочине дороги, из которых открыл огонь по партизанам немецкий пулемёт охраны. Группа залегла в придорожных канавах. Это дало возможность немцам, находившимся в здании штаба, беспрепятственно укрыться в окопах. Завязалась перестрелка. На помощь группе Скрима пришла вторая группа разведчиков — ленинградцев, но не так легко сломить сопротивление укрепившегося на огневых позициях врага. И только тогда, когда группа Балодиса начала наступление с фланга и тыла, окопы удалось занять. В этот завершающий период боя партизаны привели потери: латышские партизаны потеряли одного убитого и 3 раненых, русские партизаны — одного убитого и одного раненого.

Противник потерял не менее 25 человек. 8 фашистов было взято в плен. Остальным удалось уйти по кустарнику в сторону села Усадище. Блокирующая группа, которая должна была оседлать дорогу, ввязалась в бой с пулемётом противника и залегла в засаду с опозданием. Партизаны освободили своих товарищей и с восходом солнца были уже по пути в лес...

Так провели партизаны Северной Латвии свою первую операцию, в «Иванову ночь» 1942 года в Ленинградской области.

Двумя днями позже (26 июня) в боях за село Сорокино участвовали обе роты 3-го отряда. В длившихся целый день боях Латышский партизанский полк вывел из строя один средний танк противника и более двухсот оккупантов, уничтожив, при этом 140 человек, в том числе взвод велосипедистов численностью в 45 человек.

1-я рота отряда участвовала также в боях у Судомы (21 июня) против немецкого танкового десанта и у деревни Гусино (26 июня) — со взводом немецких велосипедистов. Был взорван немецкий танк и уничтожено несколько десяткой гитлеровцев.

* * *

От района Пушкинских гор Латышский партизанский полк, тепло простившись со своими боевыми друзьями, ленинградскими партизанами, продолжал путь один. Со временем немцам

стала известна конечная цель передвижения Латышского партизанского полка. Сохранить в тайне столь длительный рейд было невозможно.

Немцы очень хорошо понимали, какое огромное влияние окажет на растущее движение сопротивления в оккупированной Латвии такая закаленная и централизованная организующая сила. Немцы решили любой ценой задержать продвижение Латышского партизанского полка и разбить его уже в Красногородском районе, т. е. у границы Латвии. Однако фашистам не удалось этого сделать. В начале июля быстрыми и неожиданными ночными переходами латышским партизанам удалось прорваться через этот пограничный район.

В заключительном переходе (7 июля) 3-му отряду удалось заманить у села Горшаново в ловушку и внезапным ударом частично уничтожить и рассеять роту немцев, которая должна была перерезать единственный путь отхода партизан через болото. От пуль партизан погибли и сами организаторы этого плана — комендант города Опочка обер-лейтенант немецкой армии Шадов и комендант гарнизона Красный — Клаус. По свидетельству местных жителей фашисты похоронили на следующий день 35 убитых немцев и полицейских. Потерь среди партизан не было. Были захвачены богатые трофеи: станковый пулемет, много винтовок, повозки, груженные патронами, гранатами и т. д. 1-й отряд в свою очередь остановил и вынудил к поспешному отступлению части так называемого латышского «саперного батальона», которые под руководством немецкой карательной экспедиции были поспешно брошены в погоню за Латышским партизанским полком.

10 июля 1942 года, успешно достигнув границы Латвии, 11 Латышский партизанский полк разделился по ротам, которые в дальнейшем самостоятельно следовали к районам своих будущих действий. Границу форсировали в районе Карсавы.

Такая разбивка сил оказалась неудачной. Ротам еще предстояло перейти широкую полосу безлесья по обе стороны шоссе и железной дороги Абрене — Резекне. Осуществить это в течение одного ночного перехода было невозможно, и роты нередко вынуждены были становиться на дневки в очень невыгодной местности без возможности хорошо маскироваться и маневрировать. К тому же оказалось, что здесь партизан уже ожидала вторая линия засад противника, которая была создана на скорую руку из видземских и латгальских шуцманов, а также частей регулярной немецкой армии.

Начались тяжелые и кровопролитные бои разобщенных, изнуренных переходами, поредевших партизанских рот²² с превосходящими во много раз силами противника. В условиях открытой местности противник имел возможность использовать военную технику и моторизованные средства передвижения, а партизаны не могли использовать свои тактические и маневренные преимущества и вынуждены были принимать фронтальные бои. Партизаны дрались самоотверженно, героически. Большие потери были с обеих сторон.

В этих тяжёлых боях противнику удалось постепенно рассеять роты партизан. Погибли рации, кончились патроны. Погибла уполномоченная ЦК КП (б) Латвии Петерс, ранена была товарищ Палдинь. Все это заставило оставшихся партизан выйти из боёв и возвратиться в Ленинградский партизанский край с тем, чтобы там оправиться от первого поражения, получить необходимое

²² Как роты, так и взводы Латышского партизанского полка носили такое название, рассчитывая на свой быстрый рост в Латвии за счет местных жителей — участников движения сопротивления. Укомплектован полностью был только командный состав. В партизанской роте было до 26—30 партизан».

военное снаряжение, рации и тогда снова идти в Латвию. Вернулась также и оперативная группа ЦК КП (б) Латвии и часть командного состава 3-го отряда, который также понес чувствительные потери. Пали в бою комиссар отряда Баград, его заместитель и комиссар второй роты Айре и парторг отряда Евгений Каупуж.

Прорваться через окружение противника удалось только двум группам третьего отряда, численностью в 20 бойцов, под руководством Эзерниека и Рашкевица. Они соединились в конце июля в Лиепна-Яунанненских лесах. В Гаурской волости законспирировался Ларионов с несколькими партизанами, в Тилжской волости — Балодис, в Карсавской — Потапов. Однако эти группы не имели между собой никакой связи. Они даже не знали о существовании по соседству своих же групп. Не было у них связи и с советским тылом, так как все рации погибли.

Из состава 1-го и 2-го отрядов намеченных районов деятельности достигло ещё меньшее число партизан.

Таким образом, задание, данное трём отрядам Латышского партизанского полка, — создать в трёх районах Латвии центры партизанского движения и общий руководящий центр движения сопротивления в оккупированной Латвии — реализовано не было. И все же Латышский партизанский полк имел большое значение в истории партизанского движения во всей Латвии, а также в истории партизанского движения в Северной Латвии. Во-первых, он вырастил для латвийского партизанского движения кадры руководителей и командиров, которые в рядах партизанского полка приобрели богатый опыт партизанской борьбы. Во-вторых, на опыте боёв латышского партизанского полка позднее была выработана военная тактика и стратегический план развертывания партизанского движения применительно к социальным и географическим условиям Латвии.

Значительными были также военные и политические итоги рейда полка, во время которого с 20 июня по 10 июля было уничтожено 366 фашистов (среди них 9 офицеров и 3 коменданта), 2 танка и т. д. 13 оккупантов было взято в плен.

Таково место Латышского партизанского полка в истории партизанского движения в Латвии.

* * *

Трудности и неудачи в процессе организации центрального партизанского движения в Северной Латвии (осень 1942 года)

В связи с вышеупомянутыми неудачами партизанского полка летом 1942 года в Северной Латвии не удалось создать организующего центра партизанского движения. Поэтому организационный период несколько в Северной Латвии затянулся.

Осень 1942 года в этом отношении также была неудачной. Чтобы объединить действовавшие в уездах Северной Латвии партизанские группы (как те, которые были посланы Центральным Комитетом КП (б) Латвии, так и те, что стихийно возникали на месте) и установить связь с центральным руководством, находившимся за линией фронта, осенью сюда были переброшены ещё 4 группы по 10—12 человек организаторов в каждой. Из них группа Вацietиса — с целью достичь района южнее Валки, а группа Малгина — Лиепны. Однако обе группы достигли намеченных районов в неудачное время: они были обнаружены и рассеяны, а рации уничтожены. Часть бойцов двинулась обратно и перешла фронт, лишь немногие остались в Латвии. Из последних образовалось ядро групп Торня и Кейве.

Комиссар группы Камолинъ позднее законспирировался в районе Смилтене и организовал там небольшую партизанскую группу из местных жителей.

Лишь немного удачнее была осуществлена переброска групп Грислиса и Лапы. Они успешно перешли линию фронта и до границы Латвии шли через районы, где действовали белорусские партизаны.

Группа Грислиса добралась до намеченного района без потерь, обосновалась в лесу восточнее города Карсава и приступила к операциям. Это было в начале октября. В ноябре на эту группу обрушилась немецкая карательная экспедиция. Ввиду малочисленности она была не в силах оказать должного сопротивления. В этом столкновении группа потеряла своего радиста, остальные были рассеяны. Двоим коммунистам, Доминику Каупужу и Дергачу, удалось законспирироваться в районе Карсавы. Зимой им удалось связаться с подпольной группой, которую начали организовывать в Гаурской и Аугшпилсской волостях бывшие бойцы Латышского партизанского полка Ларионов и Константинов. Объединенная группа общими усилиями провела значительную организационную работу по созданию антифашистского подполья в районе Абрене — Карсава.

Группе Лапы, район деятельности которой был определен в окрестностях города Валки, беспрепятственно удалось добраться лишь до Гулбенских лесов. Там она попала в окружение, и в неравном бою против превосходящих сил противника большая часть её бойцов погибла. Бойцы этой группы Бендик, Биетаг и Цветков связались с другими партизанскими группами и впоследствии стали известными командирами в партизанских отрядах Центральной и Северной Латвии.

Таким образом, осенью 1942 года в Северной Латвии уже существовало много подпольных и партизанских групп, однако каждая из них, взятая в отдельности, была слишком мала, чтобы развернуть широкую работу по организации партизанской борьбы. Им приходилось мириться с сравнительно небольшими масштабами деятельности, ибо для более серьёзных начинаний нехватало ни людей, ни вооружения. Через линию фронта из советского тыла им нельзя было оказать помощь по той простой причине, что их местонахождение было неизвестно. А группам, которые посылались позже для того, чтобы обнаружить уже существующие организации и связать их с центром, не удавалось ни установить рации, ни завязать связей для руководства.

Каковы же были те объективные неблагоприятные факторы, которые поставили под угрозу успех работы первых групп организаторов в Северной Латвии и привели их к вышеуказанным неудачам? Рассмотрим их в том же порядке, в каком с ними пришлось столкнуться самим партизанам.

Посланным группам организаторов, во-первых, надо было осуществить длительный рейд по тылам противника, прежде чем им удалось достичь намеченных районов. А такой переход был полон множества всяких случайностей. Не одна группа погибла ещё по дороге, не говоря уже о том, что такой длительный марш сильно ослаблял физические силы бойцов и огневую мощь партизанской группы, поскольку уменьшались запасы военного снаряжения.

По прибытии на место начинался самый трудный этап работы: необходимо было создать базы. Надо было найти наиболее безопасное место, обычно в лесных массивах, где можно было бы установить рацию, расположить все хозяйство, разместить раненых, причем все сделать с таким расчетом, чтобы частые вылазки и возвращение партизан с задания были бы скрыты от

посторонних глаз. Эта проблема в «жидких» лесах Северной Латвии очень часто была трудно разрешима. Географический фактор, которому, вполне естественно, как в военных действиях вообще, так и в партизанском движении в частности, нельзя приписывать главного, решающего значения, — этот фактор в истории партизанского движения в Латвии имел отрицательное, неблагоприятное влияние, а в организационный период развития партизанского движения он часто приобретал новое качество и становился одним из решающих факторов.

В печальной судьбе рот Латышского партизанского полка, группы Грислиса, а позднее партизанского соединения «Пламя» и других партизанских групп решающую роль сыграла местность — отсутствие леса и других естественных прикритий.

Понятно, что главным и в то же время наиболее трудным было установление связи с местными жителями. Без поддержки народа, без связи с массами, с местными жителями не может быть партизанского движения. Партизанским группам необходимо иметь надежные явки, где они без риска смогли бы получить продукты, сведения о противнике, о местности и т. д. Так что группам организаторов с первых же дней необходимо было обращаться к крестьянам. Практически эта было «нащупыванием в неизведанной среде», результаты которого в каждом конкретном случае нельзя было предвидеть. Легко было натолкнуться на агента противника или шуцмана, и в таком случае немедленно начиналось преследование партизан.

Борьба с партизанскими группами была тщательно обдумана и организована немцами с самого начала. Существовала широкая осведомительная сеть. Немецкие карательные части и шуцманы все время находились в боевой готовности, а налаженная связь и густая сеть дорог Латвии давала возможность оккупантам в самое короткое время перебрасывать в «угрожаемый» район нужное количество войск. Кроме того, в местах, где были замечены партизанские группы, оккупационные власти поднимались по тревоге и готовы были в любой момент реагировать в случае появления партизан где-либо поблизости. Полиция организовывала выслеживание партизан, расставляла множество засад. В 1942 г. для осуществления этих мероприятий в распоряжении оккупантов имелось ещё достаточно сил.

Расчёт фашистов с их точки зрения был правильным: уничтожать партизанские группы и в особенности присылаемые группы организаторов уже в самом начале, до того, как они успеют пустить корни среди широких слоев населения, до того, как партизаны ознакомятся с местными жителями, политическим лицом каждого крестьянина, до того, как население, в свою очередь, познакомится с партизанами и с целями их борьбы. И опыт показывает, что большинство групп, переброшенных из советского тыла, которым не удалось как следует обосноваться, погибало в первые же недели своей деятельности. Изолировать партизан от масс, лишить их связи с местным населением — такова была основная идея противопартизанской войны в Латвии в 1942 году, которую оккупанты пытались реализовать. В силу социальных и географических особенностей Латвии, в одном-другом месте им это удавалось сделать.

Для достижения своих целей фашисты широко использовали провокации и террор. Замаскированные под партизан банды фашистов ночью заходили в крестьянские дома и каждого, кто симпатизировал партизанам — давал продукты, но не сообщал оккупационным властям о появлении «партизан» (эту обязанность фашисты возложили на всех крестьян-домохозяев), — немедленно арестовывали и заключали в концентрационный лагерь. Широко применяли фашисты также свое «универсальное» средство в борьбе со своими противниками — террор. И неудивительно поэтому, что вначале, боясь провокации, крестьяне часто не верили,

что пришли настоящие партизаны. Красным партизанам необходимо было завоевать доверие народа, показать, что они действительно являются народными мстителями. А доказать это можно было только в борьбе против оккупантов. Но для того, чтобы начать боевые операции, в свою очередь необходима была хотя бы минимальная база для их подготовки.

Таким был тот «заколдованный круг», из которого партизанам предстояло вырваться. А время не ждало. Самый прозаический вопрос — вопрос о заготовке продуктов — заставлял партизан с первых же дней каждую ночь заходить к крестьянам и, таким образом, частично раскрывать место своего пребывания. И только позднее, когда были организованы подпольные группы содействия, которые планомерно снабжали партизан продовольствием, эта проблема потеряла свою остроту.

Вышесказанное было бы понято превратно, если бы сложилось мнение, что судьбу партизанского движения и его появление в Северной Латвии вообще определила случайность — удача или неудача группы партизан-организаторов.

То, что именно той или иной группе организаторов удалось обосноваться в Северной Латвии, было, конечно, случайностью, но то, что какой-либо из них надо было стать организатором партизанского движения, являлось необходимостью, ибо этого настоятельно требовало развивающееся движение народного сопротивления. Если бы такой необходимости не было, то даже идеально организованная и подготовленная группа организаторов при любых других благоприятных обстоятельствах не могла бы найти в Северной Латвии почвы для своей деятельности.

Объяснимо также и то, почему действовавшие в соседних волостях группы не могли тогда связаться и объединиться. Если оставить в стороне «счастливое совпадение», т. е. случай, когда две партизанских группы могли бы нечаянно встретиться, так сказать, натолкнуться друг на друга где-нибудь в лесу, каждому станет ясно, что опять же только местные жители были тем звеном, через которое партизанские и подпольные группы могли связаться между собой. Но слабость подпольных организаций в 1942 году и необходимость строгой конспирации в борьбе с гестапо и агентурой полиции «СД» эту возможность сводили к минимуму. Существовавшие в ту пору партизанские группы, если не считать взвод Эзерниека, действовали замкнуто в границах своих волостей и не были связаны с подпольными организациями других волостей. Партизан Эзерниека в свою очередь было трудно «поймать», потому что они находились в беспрестанном движении по лесным массивам в районе Лиепна—Леясциемс—Гулбене.

* * *

Деятельность партизан Северной Латвии во второй половине 1942 года

Создание организационного центра партизанского движения в Северной Латвии затянулось. Само собой разумеется, что это в половине 1942 года, значительной степени повлияло на развитие самого движения. Для партизанского движения по-прежнему было характерным действие отдельных разобщенных, изолированных друг от друга групп. Но в то же время в самом движении произошли существенные изменения. Хотя общий организующий центр отсутствовал, существовал целый ряд как крупных, так и небольших жизнеспособных и активных партизанских и подпольных групп, которыми руководили командиры-коммунисты, обладавшие опытом боевой и подпольной работы. Основное направление деятельности этих групп предопределялось наличными обстоятельствами и возможностями. Агитационная и

разъяснительная работа среди населения, организация масс и вовлечение их в работу нелегальных организаций движения сопротивления²³, создание партийных и комсомольских групп — такова была главная линия в деятельности этих групп. Деятельность партизанских групп, действовавших в Северной Латвии осенью 1942 года, вполне можно охарактеризовать той оценкой, которую дал деятельности своего партизанского взвода на этом этапе его комиссар Рашкевиц.

«Что мы могли делать?» — задает вопрос в своем отчете комиссар Рашкевиц и отвечает: «Мы могли бороться с лживой пропагандой противника, организовать людей, готовых поддержать партизан, создавать агентуру, проводить разведку и главное — популяризировать партизанскую войну; не избегать, конечно, столкновений с небольшими силами противника и уничтожать их, но уклоняться от боя с большими карательными экспедициями, которые могли бы нас уничтожить».

Нередко можно встретить людей, которые видят в партизанском движении только операции вооруженных отрядов, и «настоящей» партизанской борьбой признают лишь успешные налеты отчаянных смельчаков на противника. Они не понимают, что любая успешная операция есть результат кропотливой и длительной подготовительной работы, которая требует ничуть не меньше героизма и самоотверженности, чем проведение самой операции.

Именно с таким пониманием дела надо подойти и к деятельности этих подпольных партизанских групп в Северной Латвии. Эта внешне неприглядная и со стороны трудно приметная работа подготовляла основу для будущей деятельности больших партизанских отрядов.

Боевая деятельность партизанских групп в Северной Латвии осенью 1942 года была в целом весьма ограниченной. Это определялось, с одной стороны, недостатком военного снаряжения, которое имелось в распоряжении партизан, и, с другой стороны, медленным ростом численного состава этих групп. Последнее обстоятельство, в свою очередь, было вызвано целым рядом причин, главная из которых состояла в том, что ещё не было широкого людского контингента, который бы немедленно мог пополнить боевые отряды.

Пополнение партизанских отрядов всегда составляли люди, которых оккупанты ставили перед выбором — или каторжные работы в Германии, заключение в концентрационном лагере, служба в гитлеровской армии, что так или иначе вело к истощению сил и в конечном результате к смерти, — или борьба с оружием в руках за интересы своего народа и, если уже суждено погибнуть, то честная смерть бойца. Предпринятая немцами весной 1942 года принудительная мобилизация на работы вызвала первый прилив бойцов в партизанские группы. Осенью 1942 года эти резервы были уже исчерпаны. Следующая более широкая волна прилива новых партизан началась только после мобилизации в немецкую армию, которая была объявлена в марте 1943 года.

²³ В разных местах эти подпольные группы их организаторами и самим народом назывались по-разному: «антигитлеровские», «антифашистские», «боевые», «группы содействия» и т. д. Название, конечно, само по себе не имеет большого значения, но важно то, что все они имели определенное политическое содержание и цель: борьба против оккупантов и местных фашистов, оказание всевозможной помощи партизанам. По своей численности они также были неодинаковы. Бели в подпольной организации, которой руководил Рашкевиц, «группы содействия» были небольшими и состояли из 3—5 человек, то в «боевых группах», которыми руководил Каупуж и Ларионов, насчитывалось по 10 и больше человек.

Какие же мероприятия военного характера были осуществлены партизанами Северной Латвии в это время?

Не касаясь многих столкновений партизанских групп с противником и, в первую очередь, с шуцманами, во время которых были уничтожены десятки фашистов, следует остановиться на некоторых более значительных операциях.

17 октября подрывники группы Лапы под руководством Бендика взорвали на перегоне Резекне—Лудза шедший на фронт эшелон. Вагоны с грузом были разбиты, вся охрана погибла под обломками.

В октябре и ноябре, т. е. за полтора месяца, группа Грислиса (комиссар Дергач) на железнодорожной линии Резекне—Абрене пустила под откос три воинских эшелона противника, при этом было уничтожено 3 паровоза, 20 вагонов, убито 79 немецких солдат и офицеров и ранено 103.

Взвод Эзерниека (комиссар Рашкевиц)²⁴ в сентябре провел широкий разведывательный рейд по всему Валкскому уезду, начиная от Яунанненских лесов, через лесные массивы

Алсвика и Гауиены и до Валкских и Трикатских лесов. В задачу рейда входило разведать возможности партизанской борьбы в этих районах, познакомиться с местными жителями и их настроениями, вести пропагандистскую и разъяснительную работу, вредить оккупантам. Повреждения телефонной сети, железнодорожных линий, которые появлялись то в одном, то в другом месте, очень нервировали оккупантов и шуцманов, но виновников всех этих дел «парней Валдиса»²⁵ оккупанты поймать не могли. Наоборот, партизаны сами ловили своих преследователей. Так, 29 августа партизаны Эзерниека взяли в плен шесть Алуксненских шуцманов во главе со старшим лейтенантом Стурманисом, которые получили задание от руководства полиции «СД» выследить и взять в плен Яунанненских партизан.

Партизаны продолжали свою деятельность, путая карты во всех начинаниях оккупантов. Этим и характерна осень 1942 года в Северной Латвии.

Поздней осенью развернула активную деятельность в пограничной с Эстонией полосе (Педедзская волость) группа Кейве, насчитывавшая 11 человек. За время своей деятельности она уничтожила 20 гитлеровцев, и среди них 2 немецких офицеров связи с мотоциклами.

Весть о действиях красных латышских партизан все дальше и шире распространялась в волостях Северной Латвии...

Таким образом, осенью 1942 года партизанское движение в Северной Латвии заметно пошло в рост.

²⁴ В отличие от других боевых партизанских групп, которые действовали в Северной Латвии в 1942 году, партизанское формирование Эзерниека называлось взводом, так как численность этой группы никогда не была ниже 20 человек.

²⁵ Под этим именем население знало Эзерниека.

2. СОЗДАНИЕ РУКОВОДЯЩЕГО ЦЕНТРА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ОККУПИРОВАННОЙ ЛАТВИИ

Центры партизанского движения и их значение

Осенью 1942 года особенно остро стала чувствоваться необходимость в организационных центрах партизанского движения, которые могли бы практически объединить разобщённые партизанские группы, связать их с Центральным Комитетом КП (б) Латвии в советском тылу, организовать партизанское движение таким образом, чтобы оно планомерно росло и распространилось по всей Латвии.

Было очевидно, что только существование таких центров поможет преодолеть разрозненность партизанского движения и связанную с нею слабость этого движения.

Какое значение имеют для партизанского движения такие руководящие центры, показал опыт партизанского движения 1943 и 1944 гг., когда в Латвии такие центры были организованы и действовали.

Отметим главные причины, которые вызвали необходимость организации таких руководящих центров. Во-первых, только планомерно руководимые группы и отряды, действия которых строго координируются, могут максимально использовать свой боевой потенциал, раскалывать силы противника, направленные против партизан, и, таким образом, избежать смертоносных ударов врага. Во-вторых, только существование таких центров может обеспечить непрерывный рост отрядов, поскольку этот рост зависит от резерва вооружения, опытных командиров и политработников, специалистов партизанской войны (радистов, саперов, разведчиков) и т. д.). Деятельный организующий центр партизанского движения способен обеспечить наличие всех этих предпосылок роста отрядов. Это достигается благодаря централизованному распределению и перераспределению внутренних ресурсов и путём обеспечения отрядов авиатранспортом (через фронт).

В связи с этим необходимо отметить, что в условиях современной войны, когда численно большим партизанским отрядам (противостоят обычно вооружённые по последнему слову военной техники армейские части противника, без централизованного снабжения партизан из-за фронта обойтись трудно. Для того, чтобы эти отряды могли осуществлять эффективные операции, необходимы высокая степень военной организации и современное вооружение. Партизанам необходимо иметь в достаточном количестве прежде всего легкое автоматическое оружие и современную подрывную технику — взрывчатку и механизмы.

Было бы, конечно, неправильно, исходя из такого понимания современной партизанской войны, впасть в другую крайность и считать организацию партизанских отрядов и партизанской борьбы опрометчивой во всех случаях, когда вышеуказанные предпосылки отсутствуют или имеются в незначительных размерах.

Характерно, что фашисты усиленно распространяли подобную, с позволения сказать, «теорию». Политическая цель её ясна — дезориентировать население оккупированных районов в понимании реальных возможностей партизанской войны и удержать их от борьбы с оккупантами. Согласно этой «теории» партизанская война против современной регулярной армии в наши дни невозможна. В качестве «аргументов» этой «теории» выдвигалось вздорное

положение о том, что даже идеально налаженные организация и снабжение партизан не могут соревноваться с военной техникой карательных экспедиций, с их оперативными возможностями.

Нет необходимости быть большим стратегом, чтобы видеть, что в основе и этой «теории» лежит, во-первых, печальной славы доктрина немецких милитаристов о «молниеносной войне», согласно которой судьба войны решается в одном, так называемом, главном сражении, и, во-вторых, учение фашистов о террористической форме управления, как универсальном средстве против всех «зол» в оккупированных странах.

То, что оккупанты имели возможность бросить против партизан численно и по вооружению во многу крат превосходящие силы, — это каждому ясно. Между прочим следует отметить, что оккупанты в случае, если на их стороне не было по меньшей мере пятикратного превосходства в силах, редко когда осмеливались нападать на партизан. А нередко это соотношение достигало 1 к 100, как, например, в период с 31 мая по 6 июня 1944 года, когда против партизанского отряда Северной Латвии численностью в 200 человек (командир Поч) в Тилженских лесах были брошены регулярные части противника, общая численность которых превышала 20 000 человек. В Латвии такое чисто количественное преимущество перед силами партизан оккупанты действительно могли создать, особенно в 1942—1943 гг. Однако арийские «теоретики» и практики, во-первых, недооценили тот момент, что максимальное использование преимуществ партизанской тактики маневрирования и благоприятных географических условий сводило численное превосходство и превосходство в вооружении немецких карательных экспедиций почти к нулю. Во-вторых, они слепо возомнили, будто бы кровавый террор в состоянии ввести поработанный народ в пассивное состояние страха, и апатии, из которого ему уже никогда не выйти. Они не оценили и не могли оценить непоколебимую волю народа бороться за свою независимость и благополучие. Качественное превосходство тактики и морального духа советских партизан перед противником сводили на нет его численное превосходство. И неудивительно, что советские партизаны практически опрокинули эти фашистские «теории» уже в самом начале войны.

Приняв во внимание всё сказанное, не будем, однако, забывать основной закон партизанской войны — её успех и эффективность (при наличии всех других предпосылок) стоят в прямой зависимости от уровня военной техники, которой располагают партизаны.

Обеспечить партизан Северной Латвии разнообразной военной техникой и в необходимых количествах возможно было только авиатранспортом из советского тыла.

Поэтому-то осенью 1942 года так остро и встал вопрос об объединении разобщённых партизанских групп и установлении связи с руководящим центром, который обеспечил бы регулярное сношение с советским тылом.

Третья причина, которая подсказывала необходимость организации руководящего центра партизанского движения, заключается в том, что только при наличии централизованного руководства партизанским движением возможно его развернуть на всей территории края, лишь таким путем возможно укрепить все партизанские отряды, оказав особую помощь тем отрядам, которые находятся в наиболее тяжёлых оперативных условиях. Только централизованное руководство может обеспечить максимальный рост и распространение партизанского движения.

Огромное значение таких центров не подлежит сомнению, а в рассматриваемый период развития партизанского движения в Латвии они имели решающее значение.

Деятельность Латышского партизанского спецотряда и Оперативной группы ЦК КП(б) Латвии в Восточной Латвии (декабрь 1942 — март 1943 года)

Опираясь на опыт партизанского движения предшествовавшего периода и устраняя допущенные ранее ошибки, в конце 1942 года удалось найти правильный путь к созданию центров партизанского движения в Латвии.

Любое партизанское формирование погибает, если противнику удастся уничтожить его «жизненный нерв» — центр руководства и связи, несмотря даже на то, что отдельные бойцы или группы бойцов продолжали бы существовать. То же самое можно сказать про центры партизанского движения.

Чтобы обеспечить партизанское движение в определённой местности централизованным руководством, необходимо прежде всего существование такого «жизненного нерва».

В соседних республиках, где партизанское движение опиралось на так называемые советские или партизанские края²⁶, эта проблема решалась довольно просто. Существование края было надёжной основой для существования и эффективной деятельности руководящего ядра и центра связи. В Латвии подобные партизанские края в силу некоторых причин (о них речь будет позже) появиться не могли, а поэтому соответствующий партизанский опыт братских республик непосредственно здесь был неприменим. Деятельность руководящих партизанских центров в Латвии необходимо было обеспечить иначе. В 1943 и 1944 гг. эти центры опирались в своей работе на многочисленные и сильные боевые партизанские отряды, которые, не защищая определённую территорию, непрерывно маневрировали в районе своей деятельности²⁷. Как уже было отмечено, в 1942 году такие отряды ещё не выросли, но несмотря на это, в декабре 1942 года был создан первый организационный центр партизанского движения в оккупированной Латвии. Такой центр возник в Восточной Латвии. Его базой были Лудзенский и Даугавпилсский уезды и Освейский район Витебской области.

Центр партизанского движения в Восточной Латвии сыграл большую роль в организации партизанского движения во всей Латвии; больше того, — в 1943 году он стал центром движения сопротивления латышского народа во всей оккупированной Латвии.

Нельзя в полной мере понять историю организации партизанского движения в Северной Латвии если пройти мимо деятельности этого центра. Поэтому коротко рассмотрим своеобразную историю его возникновения.

В ноябре 1942 года в советском тылу был создан Латышский партизанский спецотряд (командир Самсон, начальник штаба Муравский, парторг Судмалис, комсорг Бунга).

Отряд насчитывал до ста партизан. Часть из них составляли бойцы, сражавшиеся уже ранее в рядах Латышского партизанского полка.

²⁶ Партизанские края больше ©сего были распространены в болотистой 0. и лесной Белоруссии.

²⁷ Эти отряды нельзя смешивать с так называемыми «рейдирующими отрядами», которыми прославилось партизанское движение на Украине. Рейдирующие партизанские формирования украинцев, насчитывающие тысячи бойцов, преодолевали тысячекилометровые переходы и останавливались только на отдых и для того, чтобы привести в порядок свои силы.

В начале декабря 1942 года в трудных условиях глубокой зимы отряд перешел в районе Великих Лук фронт и, проделав более чем 300-километровый рейд по оккупированной немцами Калининской области, обосновался в районе больших Освейских лесов Белорусской ССР, возле границы Латвии. Отсюда-то отряд создал и обеспечил базу будущей деятельности для организационного штаба движения сопротивления в Латвии — для Оперативной группы Центрального Комитета КП(б) Латвии. Руководителем оперативной группы ЦК был член бюро ЦК КП (б) Латвии К. Озолинь, её членами — О. Ошкалн, В. Лайвинь, М. Озолинь и М. Биркенфельд. В район деятельности отряда Оперативная группа ЦК прибыла в январе 1943 года, проделав пешком дальний и трудный переход через фронт.

Вот некоторые выдержки из боевого журнала отряда, рассказывающие об этом втором рейде латышских партизан по тылам противника в 1942 году.

«...4. XII. 1942 года. Перешли фронт севернее Насвы. Идем вместе с V бригадой калининских партизан, насчитывающей 250 человек. Командует этой бригадой товарищ Лисовский. Переход через линию фронта чрезвычайно труден. Наш отряд— главное прикрытие всей колонны. Через линию фронта провел проводник, дальше продвигаемся по карте: через поля, в обход сёл, в которых полно немцев.

Особенно трудна первая ночь. Предстоит пройти 50 километров, с вещевыми мешками, наполненными продовольствием и боеприпасами. Темп перехода быстрый, так как в ночное время необходимо возможно дальше уйти от укрепленных линий противника. Партизаны очень устают...

Под утро во время перехода через шоссе нас обнаруживает огневая точка противника. Несмотря на сильный пулемётный огонь в колонне потерь нет. Однако во время обстрела противнику удастся отрезать группу прикрытия из 4 партизан, которые, как выяснилось позже, погибли на второй день. 5. XII. К утру с большим трудом достигаем расположенной на отшибе деревни Поддубье. Выставляем боевое охранение, организуем оборону деревни и попеременно отдыхаем. Усталость ужасная. Однако надо быть бдительными: ночью противник нас заметил, следовательно, он не успокоится до тех пор, пока не обнаружит следы партизан...

После обеда к селу приближается рота противника. Подпускаем её совсем близко и только тогда открываем огонь из автоматического оружия. Затем под прикрытием огня своих пулемётов с криком «ура!» переходим в контратаку. Противник отброшен. Немцы потеряли 10 убитых и 8 раненых, а 1 радиотелеграфист взят в плен. В числе трофеев 2 автомата, 5 винтовок, 2 пистолета, гранаты, разные документы и т. д. Потерь нет.

Несмотря на то, что мы находимся в районе концентрации сил противника и только в 12 километрах от передовой, до вечера противник не атакует. Глубокий снег мешает подбросить силы. Вечером слышим, что немцы где-то близко концентрируют танки.

Несмотря на большую усталость, ночью продолжаем переход, всё больше отрываясь от фронта.

Начинается метель, крепчает мороз. Продвижение вперёд становится всё более трудным. Противник всеми средствами пытается нас перехватить, непрерывно ведёт разведку в предполагаемом направлении нашего продвижения и устраивает засады. Но поймать ему нас не удастся. Мы передвигаемся в ночное время, а днём укрываемся в отдаленных деревнях. Если разведчики противника нас иногда и обнаруживают, то мы без особых затруднений их отгоняем.

Зимние дни коротки, и противнику никак не удастся за день сконцентрировать возле занятых нами деревень более или менее значительные силы. А как только стемнеет, мы идём дальше...

7. XII. Нас обстреливают разведчики противника, но безрезультатно...

9. XII. В селе Тимохино (Кудеверского района) нас дважды атакует около роты немцев и полицейских. В отражении второй атаки особенно отличается связист нашего отряда Кришан. Он один самоотверженно сдерживал отделение противника, которому удалось просочиться в село через слабо охранявшийся сектор. Совсем близко подпустив наступающих, он неожиданно открывает огонь из автомата. Три фрица погибают, среди других возникает замешательство. Противник отходит, оставив на поле боя 21 убитого. Одного взяли в плен. У нас двое раненых. Погибло несколько русских партизан.

В дальнейшем немцы всё чаще и чаще устраивают ловушки. Благодаря бдительности наших разведчиков мы их обходим. Без потерь переходим также шоссейную дорогу Опочка—Пустошка, на которой, ожидая нас, противник стянул большие силы.

12. XII. В селе Адерево встречаем связных Калининской партизанской бригады. Эта бригада действует в Себежском районе, соседнем с Латвией. Ею командует товарищ Марго

За это время немцы собрали более подробные сведения о нашем переходе. Им известно, что мы — латышские партизаны, и поэтому они решают встретить нас и нанести решающий удар у самой границы Латвии (так же, как в июле 1942 года, когда в Латвию направлялся партизанский полк). С этой целью они стянули в районе Выселки—Овсянки—Тряпичино—Броды—Опросово (на правом берегу реки Иссы) два полицейских и один немецкий батальон.

14. XII. Ночью немцы дважды атакуют нас в селе Адерево. Во-время поднимаем тревогу, и противник, неся большие потери, вынужден отойти. На заре к району обороны нашего отряда по дороге со стороны Опочки, видимо благодаря какому-то недоразумению, приближается колонна противника численностью до батальона. Подпускаем эту колонну на 50 метров и только тогда открываем огонь из автоматического оружия. Противник, неся огромные потери, в панике бежит... В этих боях немцы потеряли 216 человек убитыми и ранеными. В разгроме немцев особенно отличился пулемётчик — парторг отряда — Имант Судмалис и партизанская группа Поча. У нас потерь нет.

Однако и в последующие дни противник не прекращает преследования. Немцы хотят прижать нас к границе Латвии, где партизан ожидают устроенные фашистами ловушки. Это им не удается. Мы изменяем маршрут и идём на юг, а «гостеприимные» фрицы и латышские шуцманы остаются мерзнуть совершенно напрасно.

16. XII. Ночью переходим железнодорожную линию Себеж — Зилупе и попадаем в Белорусский партизанский край. Здесь полностью господствуют партизаны. Немцы изгнаны из этой местности еще осенью 1942 года. Устанавливаем связь с белорусскими партизанскими бригадами, которые действуют в пограничной полосе Латвии...

Отряд располагается следующим образом: штаб и хозяйственная часть — в деревне Гнильцы, боевые группы с командиром — в деревне Красово, т. е. у самой границы Латвии, где начинается район нашей деятельности...»

Партизанский край, в котором в декабре 1942 года остановился Латышский партизанский спецотряд, полностью охватывал Освейский и Россонский, а частично — Себежский, Дрисенский, Идрицкий и Полоцкий районы. Латышские партизаны, заняв село Красово, расширили территорию партизанского края вплоть до границы Латвии.

В течение декабря и января Латышскому партизанскому спецотряду удалось объединить действовавшие в пограничной полосе партизанские группы Лудзенского и Даугавпилсского уездов. Наибольшими из них были группы А. Грома, Пеличева (Лудзенский уезд), Барановского и Пизана (Даугавпилсский уезд). В результате такого объединения Латышский партизанский спецотряд насчитывал уже до полутора ста вооруженных бойцов и стал внушительной военной силой в оккупированной врагом Латвии.

Оперативная группа ЦК КП (б) Латвии могла немедленно начать работу в оккупированной Латвии. Такую возможность обеспечивали широкие нелегальные связи местных подпольных партизанских групп и в первую очередь связи подполья, руководимого А. Громом, с жителями волостей и городов Восточной Латвии (Даугавпилса, Резекне, Лудзы). Уже весной 1943 года Оперативная группа ЦК КП (б) Латвии стала идейным и организующим центром движения сопротивления латышского народа.

Успешные операции Латышского спецотряда на территории Латвии в январе и феврале 1943 года и удачные бои против больших карательных экспедиций в феврале и марте обеспечили Оперативной группе Центрального Комитета возможность беспрепятственной деятельности.

Из осуществленных в Латвии операций необходимо прежде всего отметить взятие Вецслабды (Лудзенский уезд) 12 января 1943 г. В этой операции латышским партизанам оказали помощь белорусы. Партизаны уничтожили организованное оккупантами волостное управление и полицейский участок, частично вывезли, частично уничтожили большие хлебные склады немцев. В операции участвовало более 800 партизан с 330 повозками.

Вецслабдская операция имеет большое значение во всей истории партизанского движения в Латвии. Это была первая большая партизанская операция, в Латвии. О ней узнали во всех уголках Латвии. Она стала своеобразным путеводителем к первому центру партизанского движения. После этой операции в спецотряд начали стекаться новые борцы, даже из Риги и Видземе. Это был первый успех централизованного латышского партизанского движения. Центр партизанского движения в Латвии стал действительностью. Он успешно действовал, и о его деятельности говорил весь народ.

Характерно реагировали на эту замечательную партизанскую операцию воротилы оккупационных властей. Первые номера «Тевии» извергали потоки ругательства и угроз по адресу участников операции. Затем внезапно газета замолчала и в дальнейшем ни полусловом не обмолвилась о партизанах в Восточной Латвии. Трудящиеся реагировали на эти «известия» не так, как этого хотели оккупанты. Они сочувствовали партизанам и радовались их успехам. Чем больше гитлеровцы бесились и чем больше кричала «Тевия», тем яснее становилось трудящимся, что фашистам с партизанами не справиться, что силы партизан изо дня в день растут, а районы их деятельности расширяются. Поэтому-то «Тевия» и перестала ругать латгальских партизан.

Из других крупных операций, которые осуществил Латышский партизанский спецотряд, необходимо отметить пленение всех пограничных стражников Латышонковского кордона 31 января, разгром Рунденского волостного центра 3 февраля.

Действия Латышского партизанского спецотряда в пограничных районах не продолжались еще и полутора месяцев, а командование оккупационных войск уже было вынуждено с панической поспешностью наметить ряд мер военного характера для борьбы с партизанами в Латгалии. 12 февраля 1943 года в Риге был издан секретный приказ начальника латвийской полиции и «СС» о немедленной организации в пограничных районах — в Лудзенском и Даугавпилсском уездах — 27 дополнительных укрепленных «опорных пунктов», для которых были выделены 1000 солдат под командованием немецких офицеров. Таким образом, оккупантам было уже необходимо десятикратное превосходство сил, чтобы хоть как-нибудь защитить себя от партизан. Однако и дополнительная сеть гарнизонов не могла парализовать борьбу латышских партизан с оккупантами в пограничных районах. В антифашистскую борьбу включалось всё большее количество жителей этих районов.

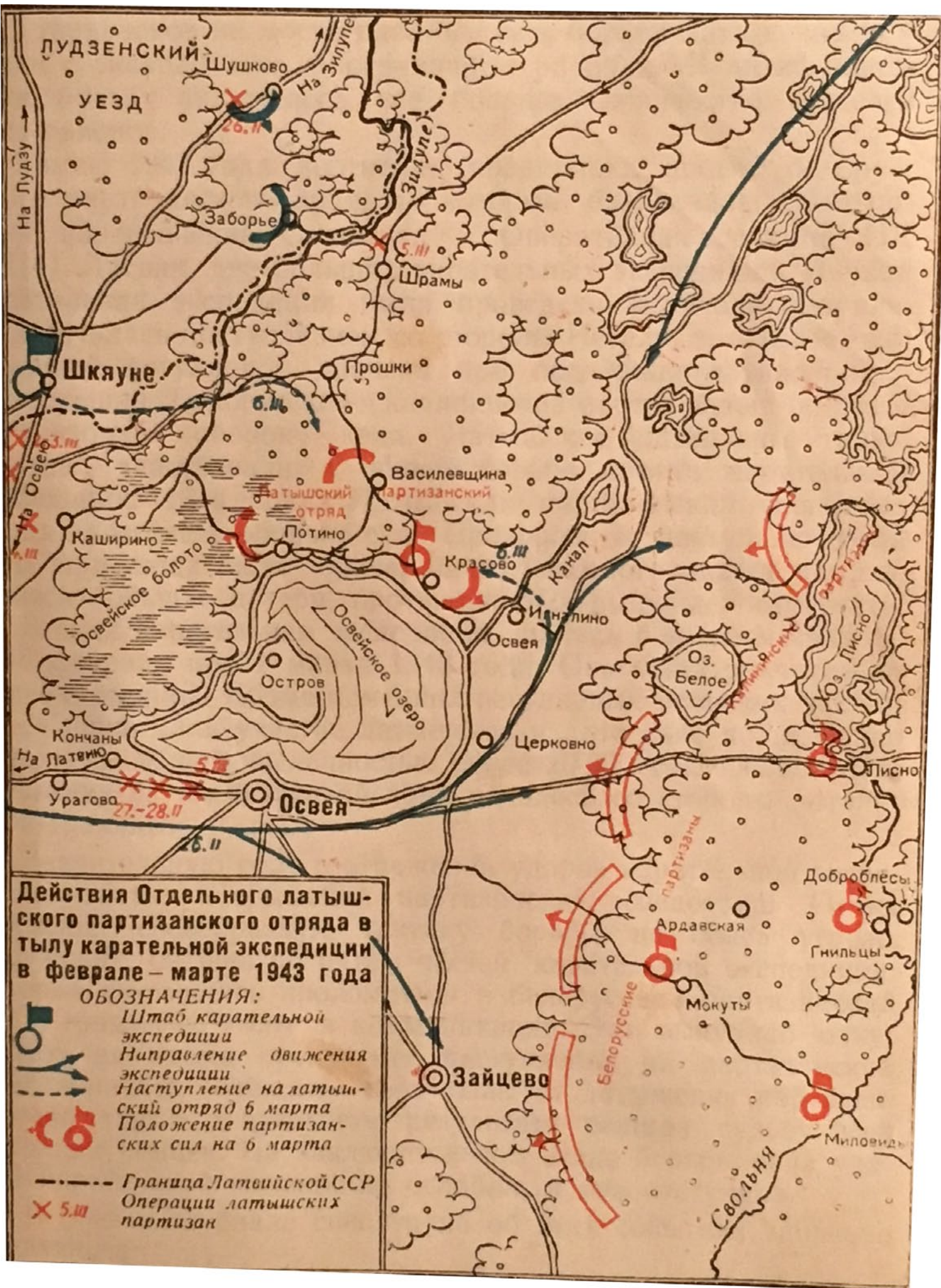
Зимой 1943 года противник предпринял против белорусского партизанского края, на который базировался Латышский партизанский спецотряд и Оперативная группа ЦК КП (б) Латвии, две больших карательных экспедиции. Первая карательная экспедиция была проведена в начале февраля. Она началась наступлением со стороны Невеля, т. е. с востока, немецкой регулярной дивизии при поддержке артиллерии и бронемашин. Белорусские и калининские партизанские бригады организовали оборону края. Латышские партизаны также успешно участвовали в общей борьбе против карательной экспедиции. 10 февраля Латышский партизанский спецотряд принял участие в обороне села Прохорово от наступавшей на него при поддержке бронемашин пехотного полка немцев. Понесла большие потери, противник был вынужден отступить.

Вторая карательная экспедиция длилась больше месяца — с 16 февраля по 21 марта 1943 года. Она была значительно более серьезной. Кроме немецких регулярных воинских частей, в ней принимали участие латышские и литовские полицейские батальоны общей численностью более 20 000 гитлеровцев. Наступление на партизанский край началось со стороны латвийской границы.

Значительную роль в отражении ударов карательной экспедиции сыграл Латышский партизанский спецотряд. Отряд применил своеобразную тактику борьбы: не боясь угрозы окружения, он шёл по пятам частей карательной экспедиции, которые стремились проломиться в белорусский партизанский край, громил её тылы и коммуникации. Это вынудило оккупантов на время прекратить наступление на партизанский край и начать «очищать» свои тылы от латышских партизан. Потеря темпа в конечном результате решила судьбу всей операции немцев. На заключительном этапе борьбы сила ударов карательной экспедиции ослабла, и она отступила.

В боевом журнале спецотряда об этих событиях записано следующее:

«В этом месяце (т. е. в феврале 1943 г. — Ред.) начался большой приток в отряд местных крестьян. Население всё больше и больше начинает поддерживать партизан. Причинами тому являются победы Советской Армии у Сталинграда и начатая немцами тотальная мобилизация. Отряд вырос вдвое, пополнилось и вооружение. Организовано обучение новоприбывших. В таком положении нас застаёт новая карательная экспедиция... Наш боевой отряд по-прежнему



ЛУДЗЕНСКИЙ
УЕЗД

Шкяуне







Василевщина
Латышский партизанский отряд

Освея

Зайцево

Действия Отдельного латышского партизанского отряда в тылу карательной экспедиции в феврале – марте 1943 года

ОБОЗНАЧЕНИЯ:

-  Штаб карательной экспедиции
-  Направление движения экспедиции
-  Наступление на латышский отряд 6 марта
-  Положение партизанских сил на 6 марта
-  Граница Латвийской ССР
-  Операции латышских партизан

находится в деревне Красово. В Гнильцах — штаб (т. е. оперативная группа ЦК КП (б) Латвии. — Ред.), с хозяйственной частью и невооруженными, вновь пришедшими партизанами.

Освею противник занимает 26 февраля и продолжает наступление по шоссейным дорогам в направлении Лисно и Себежа, грабя и сжигая села, расстреливая мирных жителей. Партизанские бригады Витебской и Калининской областей вынуждены отойти в леса восточнее Освейского озера. Таким образом, наш отряд отрезан от русских партизанских бригад. По опушке этих лесов образуется нечто похожее на линию фронта, по одну сторону которой стоят партизанские бригады, а по другую — немецкая карательная экспедиция.

Следующей ночью появляется возможность прорваться в партизанские леса... Но это означало бы перейти к фронтальным боям, в которых наш небольшой отряд, не имеющий тяжёлого вооружения — ни пушек, ни тяжёлых пулемётов и миномётов²⁸, мало чем мог бы помочь товарищам. Гораздо более эффективно наш отряд, имеющий только легкое автоматическое вооружение, может действовать в тылу экспедиции, хотя это и связано с риском быть полностью окруженными.

Дальнейшие планы мы через связных согласуем с русскими бригадами, руководство которыми в борьбе с экспедицией было возложено на тов. Штрахова. Мы остаёмся. В отряд из Гнильцев прибывает представитель ЦК КП (б) Латвии т. Ошкалан. Во время тяжёлых боев он всегда с боевым отрядом. Это создает приподнятое боевое настроение.

Силы нашего отряда расставлены следующим образом: основные силы в Красове, взводы прикрытия в Васильевщине и в Потине, что обеспечивает нам отход в леса Васильевщины в случае, если бы наступление началось севернее Освейского озера. На западе нас отделяет от противника большое полузамерзшее Освейское болото, на юге — озеро, на востоке незамерзающий Дегтяревский канал. Мост через него сжигаем. Таким образом, мы имеем обширный оборонительный район. Противник не может застать нас врасплох.

Разведчики сообщают, что по ту сторону Освейского озера по шоссе Освея—Урагово противник подбрасывает подкрепления, вооружение и продукты. Решаем перерезать эту главную артерию снабжения карательной экспедиции немцев.

27. II. Ночью высылаем группу саперов, которые в нескольких местах минируют шоссейную дорогу между Освеей и Кончанами. В результате на второй день на наших минах подорвались две груженные повозки противника, убиты два гитлеровца.

28. II. Ночью минируем дорогу опять.

1 марта на минах подрываются 5 гитлеровцев и одна повозка. В последующие дни противник вынужден выставить на этой дороге сильную охрану, обозы движутся медленно, так как перед каждой колонной повозок дорога тщательно проверяется. Этим самым затруднено снабжение карательной экспедиции противника.

Ночью 2 и 3 марта заминировали дорогу ещё глубже в тылу противника, почти у Шкяуне. На минах подорвались 8 повозок, убито 18 немцев и полицейских. Минирование проводит группа Ратиня.

²⁸ Белорусские партизанские бригады имели своё артиллерийское вооружение — противотанковые пушки и полковую артиллерию, а также батальонные миномёты.

Ночью же 3 марта, оставив в Красове небольшую группу прикрытия, незаметно въезжаем в деревню Каширино. Узнаём, что у села Дуброво противник устроил аэродром, с которого взлетают самолеты связи и боевые машины карательной экспедиции. Однако разгром аэродрома не удастся. Ночь светлая, а местность совершенно открытая. Нас обнаруживают, и после перестрелки мы вынуждены отойти. Командование карательной экспедиции сильно взволновано появлением партизан вблизи их штаба, находящегося в Шкяуне.

Утром 4 марта, стянув значительные силы, противник начинает наступать на деревню Каширино с севера, востока и запада. Огнем автоматического оружия наносим противнику значительные потери, затем минируем улицы деревни и без потерь отходим. После сильного обстрела противник атакует и... врывается в пустую деревню, неся большие потери, подрываясь на оставленных нами минах. Опасаясь мин, немцы нас не преследуют. Противник теряет убитыми, не считая раненых, 17 человек. Отходим на Красово.

5 марта у хутора Шрами наш взвод привлекает в ловушку отделение пограничной охраны Заборьевского кордона, которое, подбадриваемое близостью немецкой карательной экспедиции, направляется грабить русские сёла. Партизаны убили 4 охранников, 2 ранили, а двое немцев и среди них начальник кордона взяты в плен. Трофеи: 1 пулемёт, 6 винтовок, 1 пистолет, повозки, патроны, гранаты. Операцией руководил начальник штаба отряда — Муравский.

Ночью 5 марта вновь минируем Освейское шоссе; на минах подрываются 3 повозки и несколько гитлеровских добровольцев — латышей. Как выяснилось позже, противник после наших операций вовсе перестает пользоваться этим шоссе и использует соседние проселочные дороги, которые в это время благодаря сильной оттепели раскисли и стали почти непроходимыми. Одна из мин осталась на шоссе до середины марта, т. е. до того времени, когда по шоссе стали ходить автомашины немцев. На этой мощной mine — фугасе — в клочья была разорвана автомашина с живой силой противника. Убиты 25 гитлеровцев.

Наши действия в тылу карательной экспедиции вызывают значительные осложнения в осуществлении планов наступающих. О том, что эти диверсии проводят латышские партизаны и что они расположились в Карсаве, противник узнаёт, как впоследствии выяснилось, в первых числах марта. Командование карательной экспедиции приостанавливает дальнейшее наступление на партизанский край, выделяет 3 батальона и ставит перед ними задачу окружить и уничтожить наш отряд.

Утром 6 марта самолёты противника особенно усердно бомбардируют деревни Красово, Потино и Васильевщину. Деревни начинают гореть. Чтобы не нести напрасные потери, минируем дороги в районе Красова и отходим в лес. Противник начинает наступление с двух направлений: с севера — со стороны Шкяуне через Прошки на Васильевщину и, форсируя канал, с востока — со стороны Игнаино на Красово. Наш взвод прикрытия в Васильевщине не в силах сдержать натиск противника и преждевременно отходит. Создается трудная обстановка: северная группировка противника угрожает потеснить отряд вместе с обозами и ранеными из леса в направлении на Красово, куда уже направляется вторая группировка со стороны Игнаино. Создается также угроза потерять связь с оставшимся в деревне Потино взводом прикрытия. Решаем остановить наступающего противника в районе Васильевщины, задержать его возможное продвижение из Красова по пятам нашего отряда, а выигранное время использовать для концентрации отряда в одном месте и вывода обозов через болота Васильевщины в восточном направлении. Операция

проводится следующим образом: для обеспечения тыла на опушке леса против Красово оставляем две группы под командованием начальника штаба Муравского, в Потино посылаются связной за взводом прикрытия. Разведчики под руководством комиссара Ошкална выводят колонну повозок через болото в направлении отхода, обеспечивая при помощи групп прикрытия безопасность от возможного наступления противника по лесным просекам. Группы Ратиня, Поча, Мацпана и Бравина командир отряда ведёт лесом развернутой цепью в атаку на батальон полицейских, который движется со стороны Прошек.

С криком «ура» отбрасываем передовые роты противника на полкилометра. У противника большие потери. Захвачено оружие и обозы. Дальше продвинуться не удастся, т. к. противник подтянул тяжелые пулемёты и закрепился на крутой горе... Немного отходим и занимаем оборонительные позиции. Противник не атакует, а продолжает стягивать силы.

В это время вторая группировка противника занимает горящее село Красово, несёт потери от наших мин и, наконец, занимает оборонительные позиции на окраине деревни против леса, но дальше не продвигается. Отряд использует завоеванную передышку; переправляет обоз через болото и отходит в направлении Выдринского озера. В этот день в бою и на минах противник теряет около 70 человек убитыми... У нас смертью героев погибают два бойца и ранено трое.

Ночью незаметно вырываемся к линии обороны русских партизанских бригад и 7 марта добираемся до Гнильцев. После двух дней бесполезного прочесывания Прошкинских лесов карательная экспедиция получает пополнение и возобновляет наступление на партизанские бригады. В борьбе с партизанами гитлеровцы используют эскадрильи пикирующих бомбардировщиков. Противнику удается прорваться к реке Свольня. Отряд под командованием Ратиня за время с 12 по 18 марта ведёт ожесточенные бои в лесу около Доброплесов. Наступлению карательной экспедиции приостанавливается...»

Дальше этой линии противник и не продвинулся. Силы партизан во главе с Латышским спецотрядом перешли в контрнаступление. Карательная экспедиция вынуждена была отступить и оставить партизанский край — «оторваться» от партизан, как сообщал об этом командованию начальник карательной экспедиции.

За три с половиной месяца боёв боевой баланс Латышского партизанского спецотряда представляется в следующем виде: подорван на минах один воинский эшелон, одна мотодрезина и одна тяжелая автомашина с гитлеровцами, уничтожено несколько десятков повозок и т. д.; в боях и в стычках из строя выведено более полутысячи гитлеровцев, на поле боя осталось около 300 убитых фашистов, взято в плен — 19. Захвачены богатые трофеи.

Первые две подрывные операции были проведены на территории Северной Латвии. Они были осуществлены группами разведчиков отряда, посланными в январе с боевым заданием в Абренский уезд. В первую операцию 8 января, которой руководили Костров и Перкой, взорван к югу от станции Пундури воинский эшелон. Вторая операция — работа группы минеров Ариня. Они в начале января взорвали у станции Вавере мотодрезину, на которой ехали немецкие солдаты. Мотодрезину сбросило под откос, и она сгорела. Было уничтожено 17 гитлеровцев.

Потери спецотряда за этот период составили 24 убитыми и 12 ранеными. В числе их смертью героя погиб командир по особым заданиям Петр Богомольников.

За это время в отряде выросла славная плеяда молодых командиров. Он дал партизанскому движению таких широко известных старших командиров, как Ратинь, А. Гром, Мацпан, Пизан, Бендик, Бравин и многих других. В партизанском отряде Северной Латвии позже стали командирами партизаны спецотряда Поч, Биетаг, Перкон, Волан, Чакстинь, Лаурис, Балтинь и др. Легендарную партизанскую славу здесь завоевали И. Судмалис, Кришан, П. Богомольников и санитарка Велта Апсит. Коллектив отряда в тяжёлых боях сплотился в монолитную семью героев. Таким его помнят ещё и сегодня боевые товарищи — партизаны Витебской и Калининской областей.

Традиционная боевая тактика отряда, а именно — в критический момент бесстрашной контратакой отбросить превосходящие силы наступающего противника, — наглядно свидетельствует о высоких моральных качествах бойцов. Позднее её восприняли как боевое наследство все латышские отряды.

Латышские партизаны в своих песнях перекликались с героической семьёй «лесных братьев» 1905 и 1919 гг. и свято хранили и приумножали славные традиции латышских трудящихся.

«На вражий стан, с народным гневом жгучим.
Нагрянем дерзко из лесных глубин.
Поможет нам и ночь, и бор дремучий,
Граната верная и карабин»...

— гордо и непоколебимо звенела над долинами и лесами Латвии эта традиционная боевая песня латышских партизан.

Потребность в опытных партизанских командирах росла с каждым днём, так как именно к этому времени начался усиленный приток новых бойцов в партизанские отряды. Это было вызвано теми глубокими изменениями, которые произошли на советско-германском фронте и которые обозначали коренной поворот как в истории Великой Отечественной войны советского народа, так и в истории всей второй мировой войны.

* * *

Победа советских войск у Сталинграда. Вторая гитлеровская тотальная мобилизация. Волна подъёма движения сопротивления в начале 1943 года в Латвии. Латвийская партизанская бригада и Латышский штаб партизанского движения.

Упомянутый исторический поворот начался легендарной эпопеей обороны Сталинграда, в декабре 1942 года, согласно гениальному плану Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил, сконцентрированные в решающем месте и в решающий момент, ранее накопленные и соответствующим образом подготовленные резервы окружили, а затем и уничтожили у Сталинграда гордость гитлеровцев — две немецких ударных армии. Эти события воочию доказали, что в гигантской схватке противоположных социально-экономических систем превосходство на стороне советского социалистического строя.

«Началось массовое изгнание врага из Советской Страны»²⁹. После этого удара гитлеровской армии больше не удавалось достичь превосходства сил ни на одном участке фронта. С начала

²⁹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, изд. 5, 1946, стр. 81.

войны гитлеровская армия и военные силы её вассалов только на советском фронте потеряли 4 миллиона убитыми и огромное количество военной техники.

«Конечно, немецкое командование примет все меры, чтобы покрыть эту колоссальную убыль»³⁰, — писал товарищ Сталин в приказе от 23 февраля 1943 года. С этим Советский Союз не мог не считаться в дальнейшем.

И действительно, после театрально торжественной «траурной недели» в честь «павших на далёком восточном посту героев в «третьей империи» в феврале началась вторая тотальная мобилизация. Гитлеровцы проводили её в огромных масштабах: как в самой Германии, так и в вассальных государствах были мобилизованы последние резервы живой силы и материальных ресурсов, а эксплуатация и грабёж в странах оккупированной Европы достиг своего апогея.

С фабрик и заводов Германии были изъяты последние мало-мальски пригодные к военной службе рабочие, которых срочно заменили новым контингентом рабов, вывезенных из оккупированных стран. Но и это не всё. Гитлеровцы как ни когда нуждались в «пушечном мясе». С этой целью Гитлер издал приказ о создании в оккупированных странах «добровольных национальных формирований», так называемых «легионов СС».

На Латвии тотальная мобилизация чувствительно сказалась уже в самом начале. С согласия и при помощи националистической буржуазии в марте 1943 года оккупационные власти объявили и провели первую насильственную мобилизацию (1923—19 гг. рождения) в организуемый латышский легион «добровольцев». «Идейное ядро» легиона должны были составить изрядно потрепанные партизанами и Советской Армией молодчики из полицейских батальонов. Эти выродки и убийцы вместе со всей системой террора и шпионажа гестапо должны были обеспечить «верность» мобилизованных «новому порядку в Европе». Драконовскими карательными мерами в начале кое-как ещё удалось сдержать вместе все это рыхлое формирование «добровольцев» и отправить его на фронт.

Мобилизация сильно повлияла на движение народного противления: она вызвала активную вспышку открытого противления оккупантам.

Люди не только бежали и скрывались от мобилизации, они стали настойчиво искать дорогу к партизанам. Во всех тех районах, где действовали партизанские группы или отряды, эта возможность была. Результаты боевых действий партизан и агитационно-разъяснительной работы партийных организаций стали очевидными. Подлежавшие мобилизации вступали в отряды красных партизан. Партизанские группы быстро росли и превращались в отряды.

В марте в Северной Латвии сформировались два партизанских отряда, первый — в Лиепна-Юннанненских лесах на базе партизанского взвода Эзерниека-Рашкевица, и второй — в Карсавских лесах на базе «боевых организаций» Каупужа-Ларионова.

В Латышский партизанский спецотряд пополнение шло через сеть подпольных организаций как из близлежащих волостей южной Латгалии, так и из отдаленных волостей, а также и городов Даугавпилс, Рига. В отряд приходили и такие, у кого не было непосредственной связи с отрядом; они шли понаслышке, так как об успешных действиях латышских партизан в пограничной полосе говорила вся Латвия.

³⁰ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, изд. 5, 1946, стр. 82.

Во второй половине марта Латышский спецотряд насчитывал несколько сот бойцов, он перерос рамки обычного партизанского отряда. Растущее движение народного сопротивления вызвало необходимость создания в Латвии новой, более высокой организационной формы партизанской борьбы. Этой более высокой формой была партизанская бригада.

22 марта 1943 года на базе Латышского партизанского спецотряда была создана Латвийская партизанская бригада. Руководство бригады: командир Вилис Лайвинь, комиссар Отомар Ошкалн, начальник штаба — Михаил Муравский, парторг бригады — Имант Судмалис.

Бригада состояла из двух, а с июня 1943 года — из трех партизанских боевых отрядов (командиры: Самсон, Ратинь, Пизан) и взвода бригадной разведки (командир А. Гром).

Быстро растущее партизанское движение в оккупированной Латвии выдвинуло и второе требование: обеспечить действующие отряды регулярным снабжением из-за фронта — оружием, снаряжением, взрывчатыми веществами и механизмами, а также пополнить партизанские отряды подготовленными командирами, политработниками, специалистами партизанской войны — радистами, подрывниками, санитарями и т. д. С этой целью в январе 1943 года в советском тылу при ЦК КП(б) Латвии был создан Латвийский штаб партизанского движения (сокращенно ЛШПД). Начальник штаба — тов. Спрогис.

* * *

Распространить на всю Латвию деятельность партизанских отрядов и подпольных партийных организаций — очередная задача латышских коммунистов в 1943 году на территории оккупированной Латвии

Опираясь на старую базу, боевые отряды Латвийской партизанской бригады могли охватить своими операциями только южную Латгалию. Привлечь новых бойцов практически возможно было также только из ближайших уездов. В остальных частях Латвии такого централизованного руководства по-прежнему не было. Существовавшие там партизанские отряды и группы продолжали действовать разрозненно, а на карте партизанского движения было ещё много в «белых пятнах» — там не было даже организаторов.

В интересах распространения (партизанского движения надо было создать новые руководящие центры во всех частях Латвии, которые были бы способны объединить в одну согласованную организацию уже существовавшие партизанские отряды и практически обеспечили бы централизованное руководство партизанским движением во всей Латвии.

Была и вторая необходимость, связанная с первой: надо было объединить действовавших в уездах отдельных коммунистов, группы подпольщиков и первичные парторганизации в одну целую, централизованную подпольную партийную организацию, которая могла бы быстро и оперативно провести в жизнь руководящие директивы ЦК КП (б) Латвии. Надо было укрепить нелегальные уездные партийные комитеты.

Подпольные уездные комитеты партии совместно со штабами партизанских отрядов должны были стать у руководства движения народного сопротивления в своих уездах.

Перед такими задачами стояло в начале лета 1943 года движение сопротивления латышского народа и его организационный штаб — Оперативная группа ЦК КП (б) Латвии. Исходя из этих задач, Оперативная группа выработала конкретный план развертывания партизанского

движения. Согласно этому плану было предусмотрено создание пяти руководящих центров партизанского движения: 1-й — в Восточной Латвии (уже существовавший), 2-й — в Северной Латвии, 3-й — в Центральной Латвии, 4-й — в Земгалии и 5-й — в Курземе. В Риге предстояло создать единую подпольную организацию, связанную с организациями уездов и других городов Латвии, укрепить и развернуть её работу. Этот план был принят ЦК КП (б) Латвии, и в мае 1943 года Оперативная группа ЦК и ЛПБ приступили к его осуществлению.

«Дальше на запад» — такова была установка ЦК КП (б) Латвии. Практически это означало — перебазировать часть боевых отрядов ЛПБ в новые районы.

События на советско-германском фронте выдвинули перед всеми советскими партизанами новые задачи. На них указал Верховный Главнокомандующий Советской Армии товарищ Сталин в своем приказе от 1 мая 1943 года. «Вовлечь широкие слои советского населения в захваченных врагом районах в активную освободительную борьбу, спасая тем самым советских граждан от угона в немецкое рабство и от Истребления гитлеровскими зверями»³¹.

Эти указания товарища Сталина блестяще осуществили коммунисты-партизаны и подпольщики во временно оккупированных врагом советских областях и республиках. В 1943 г. партизанское движение стало особенно внушительной силой. Если в 1942 году в оккупированных областях и республиках партизаны насчитывались десятками тысяч, то во второй половине 1943 года их было уже сотни тысяч.

Советские партизаны и подпольщики, благодаря централизованному руководству партизанским движением на всей временно оккупированной территории Советского Союза, были мощной военной силой, которая громила и парализовала тылы врага. Действиями партизан в отдельных областях и республиках руководили республиканские и областные штабы партизанского движения. Последние, в свою очередь, получали руководящие указания и приказы от Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД).

Исторические приказы Верховного Главнокомандующего товарища Сталина всегда доходили до каждого бойца в тылу врага. Каждый партизан сознавал, что любая проведенная им боевая операция полна глубокого содержания; он знал, что и его деятельность учтена в сталинском плане разгрома фашизма; он был горд тем, что действовал по заданию великого Сталина и по его приказу. Это сознание во много крат поднимало боевое воодушевление партизан, укрепляло чувство ответственности и долга при выполнении каждого задания.

³¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза Госполитиздат, изд. 5, 1946, стр. 91.

III ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ

(весна — осень 1943 года)

1. ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ

Перебазирование 1-го латвийского партизанского отряда в район Зилупе (май-июль 1943 года)

Согласно плану развертывания партизанского движения в Латвии, конкретизированному Оперативной группой ЦК КП (б) Латвии и штабом ЛПБ, весной 1943 года в Северную Латвию должен был перебазироваться из Освейского района 1-й латвийский партизанский отряд численностью в 70 бойцов (командир отряда *Самсон*, комиссар *Риктер*, начальник Штаба *Бурцев*, начальник разведки *Максимов*, парторг *Липовский*, комсорг *Зеберг*). Отряд должен был там закрепиться, объединить местные партизанские группы и организовать централизованное партизанское движение, которое охватило бы весь намеченный район деятельности. Военно-стратегическая задача отряда заключалась в том, чтобы максимально парализовать важнейшие коммуникации немцев, ведущие к северным секторам фронта, а именно — железнодорожные линии и шоссейные дороги Резекне—Остров, Иерики—Абрене, Резекне—Себеж, Рига—Валка.

Стоявшая перед отрядом задача усложнялась тем обстоятельством, что весной 1943 года бригада не располагала точными данными о действовавших в Северной Латвии партизанских группах и местах их базирования. 1-му отряду предстояло их разыскать в полном смысле этого слова. Две группы разведчиков-связистов Латышского спецотряда, посланные в январе 1943 года с заданием разведать восточную часть Абренского уезда и связаться с местными партизанскими группами, вернулись ни с чем. Оно и понятно. Связаться с хорошо законспирированной партизанской или подпольной группой, не зная ни пароля, ни явок, притом в условиях глубокой зимы, было очень трудным, почти невозможным делом.

Несмотря на большие трудности, 1-й отряд уже осенью 1943 года в основном выполнил стоявшую перед ним задачу. К этому времени удалось установить связь с местными партизанскими группами и отрядами, централизовать их деятельность, основать во всех крупнейших лесах Абренского и Валкского уездов новые группы, ликвидировать царившую прежде раздробленность партизанского движения в Северной Латвии. Таким образом, прослеживая дальнейшую историю организации партизанского движения в Северной Латвии, надо иметь в виду, что она неразрывно связана и тесно переплетается с деятельностью 1-го отряда.

В апреле 1943 года разведчики отряда под руководством Поча произвели разведку маршрута предстоящего перехода. 9 мая отряд начал рейд на север и, пройдя 60 км, обосновался в лесном массиве на правом берегу реки Зилупе, в районе Синего озера. Начиная с середины мая, отряд быстро распространил свою деятельность на всю северную часть Лудзенского уезда — Мердзенскую, Циблскую, Нирзскую, Бригскую волости. Прежде всего необходимо было укрепиться в одном из районов Северной Латвии, чтобы в дальнейшем, опираясь на него,

охватить и остальные. Это соображение и определило направление деятельности отряда в мае и июне.

В сравнительно короткий срок, за два месяца, политработникам отряда удалось создать широкую антифашистскую подпольную организацию. Успеху деятельности отряда в большой степени содействовало то, что в этих волостях уже была проделана некоторая предварительная работа по организации масс. В то время в отряде находились многие жители этих волостей и среди них такие известные латгальские партизаны, как Пеличев, Дударев и др., которые активно работали в своих волостях уже с 1942 года.

Первый из вышеупомянутых — трудовой крестьянин Бригской волости, советский активист Пеличев, — был одним из активнейших руководителей подполья с весны 1942 года, когда в Бригской волости и в Зилупе появились первые антифашистские группы. А к осени 1942 года Пеличев уже имел тесный контакт с активнейшими антифашистами своей волости.

Зимой 1942 года целая группа вооруженных подпольщиков Бригской волости, следуя примеру Пеличева, перешла границу и вступила в Себежский партизанский отряд, а затем влилась в Латышский партизанский спецотряд.

Тем же путем в 1-й отряд попал и уроженец Циблской волости Дударев. В начале 1943 года в Красногородском районе он установил связь с русской партизанской спецгруппой. Под руководством бесстрашного латгальского юноши эта группа осуществила весной 1943 года успешный ночной налет на пограничный кордон «Веруми», уничтожив при этом 18 фашистов и захватив богатые трофеи. Узнав о действиях латышского партизанского отряда в районе Зилупе, Дударев в мае пришел в 1-й отряд.

Осенью 1943 года в 1-й отряд вступил один из старейших партизан Северной Латвии — бывший парторг Наугренской волости Игнат Кадаковский. Он начал свою боевую деятельность в конце июня 1941 года, организовав в своей волости облавы на немецких парашютистов и банды местных фашистов. В июле и августе 1941 года, после оккупации Латгалии, он действовал вместе со своим взводом комсомольцев-партизан в Карсавской и Мердзенской волостях. С осени 1941 года и вплоть до прихода в 1-й отряд Кадаковский был командиром в нескольких партизанских группах и отрядах Калининской области. В 1943 году Кадаковский с помощью русских партизан провел ряд успешных операций в пограничных волостях Латвии — возле Мердзене и Карсавы.

Связи и знакомства этих и других руководителей местных партизан с населением значительно облегчили коммунистам 1-го отряда работу по организации масс в районе Зилупе. Быстро росло число групп содействия партизанам. В таких деревнях, как Акиши, Шнитники, Виндрижи, Рейки и других уже летом 1943 года до 70—80 процентов крестьянских семейств активно поддерживали партизан. Помощь этих групп имела огромное значение. Они снабжали отряд одеждой и продовольствием, сообщали сведения о силах противника, привлекали жителей в партизанский отряд, помогали политработникам отряда проводить агитационную работу в массах, распространяя антифашистскую литературу и сообщения Советского Информбюро.

Несмотря на то, что помощь партизанам каралась смертной казнью или, по крайней мере, заключением в концентрационный лагерь, группы содействия с большой готовностью выполняли задания партизан.

Характерен социальный состав этих групп: в них преобладала латгальская беднота, которая, следовательно, первой пришла к выводу, что спасение от кровавого фашистского ига надо искать в активной борьбе и что её единственными защитниками на территории оккупированной родины являются красные партизаны.

Непрерывно росла и численность вооруженных бойцов отряда. В течение первых двух месяцев только через группы содействия в отряд поступило 29 новых бойцов. Многие приходили в отряд сами, находя его по народной молве. Среди них были и первые дезертиры из латышского легиона и бежавшие из концентрационных лагерей военнопленные.

В это же время отряд получил из Латвийского штаба партизанского движения первую партию оружия и боеприпасов, прибыла также группа командиров и политработников, прошедших боевую школу в Гвардейской Латышской стрелковой дивизии. Это была ценная и своевременная помощь, которая обеспечила дальнейший рост боеспособности отряда.

Наряду с работой по организации масс, отряд не переставая проводил боевые операции. Их необходимо было начать с первых же дней пребывания в новом районе деятельности, чтобы, во-первых, выполнять долг перед Родиной и партией — помогать Советской Армии; во-вторых, надо было показать народу, что существует сила, способная не только оказывать сопротивление «могущественной» армии оккупантов и её террористическому режиму, но способная также успешно бороться с ними. Пропаганда за партизанскую борьбу с оружием в руках была наиболее действенной и убедительной. Надо было показать крестьянам, что представляют собою советские партизаны, каковы цели их борьбы; нужно было доказать, что в тылу у немцев красные партизаны являются единственными защитниками поруганного и замученного трудового народа, что они — верные помощники освободительницы Советской Армии.

За два месяца (с середины мая по июль) силами отряда были взорваны на стратегически важных магистралях 5 воинских эшелонов, 2 тяжёлых и 1 легковая машины с фашистами.

Отряд произвел несколько успешных нападений из засад на отдельные подразделения немецких пограничников и полицейских. Самое значительное из них имело место 4 июня у Клешского кордона недалеко от города Зилупе.

Ход операции вкратце был таков: два взвода партизан выманили из укрепленного гарнизона отряд немецких пограничников, ловким маневром окружили его и уничтожили, а прибывшая на помощь пограничникам рота полицейского батальона, предназначенного для борьбы с партизанами в районе Зилупе, была отброшена и рассеяна. Противник потерял 22 фашиста убитыми и среди них начальника кордона — немецкого офицера; троих фашистов партизаны взяли в плен³².

Эта смелая операция была произведена среди бела дня, на открытом месте, в одном километре от укрепленного немецкого кордона и роты полицейского батальона. Со стороны партизан в ней участвовало всего лишь 35 бойцов.

Нападение из засады — один из наиболее часто применявшихся и самых действенных тактических приемов партизанской войны. Суть его заключается в том, чтобы захватить врасплох находящегося в движении противника, не дать ему опомниться и развернуться в боевой

³² О количестве раненых точных сведений не имеется.

порядок; быстрым, метким, уничтожающим огнём прижать к земле, т. е. парализовать огневые средства и организованное сопротивление, а затем окружить и уничтожить его.

Полная неожиданность и внезапность нападения обеспечиваются тем, что партизаны укрывают свои силы в засаде. Место для засады обычно выбирается в естественных укрытиях (в лесу, кустарнике, овраге и т. п.), а иногда используются и такие искусственные прикрития, как, например, постройки, высокие хлеба и т. д. Смелая, стремительная, продуманная и внезапная атака из засады всегда решалась в пользу партизан при ничтожных потерях с их стороны.

Чаще всего в своей боевой практике партизаны Северной Латвии применяли нападение из засады небольшими силами, численностью до двух партизанских взводов.

Клешскую операцию — одну из первых и наиболее успешных операций — можно рассматривать как удачный пример этого приёма партизанской борьбы. Описание её даст читателям наглядное представление об этом виде партизанской борьбы, поэтому ниже помещаем выдержку из сохранившихся боевых заметок о Клешской операции (см. схему)³³.

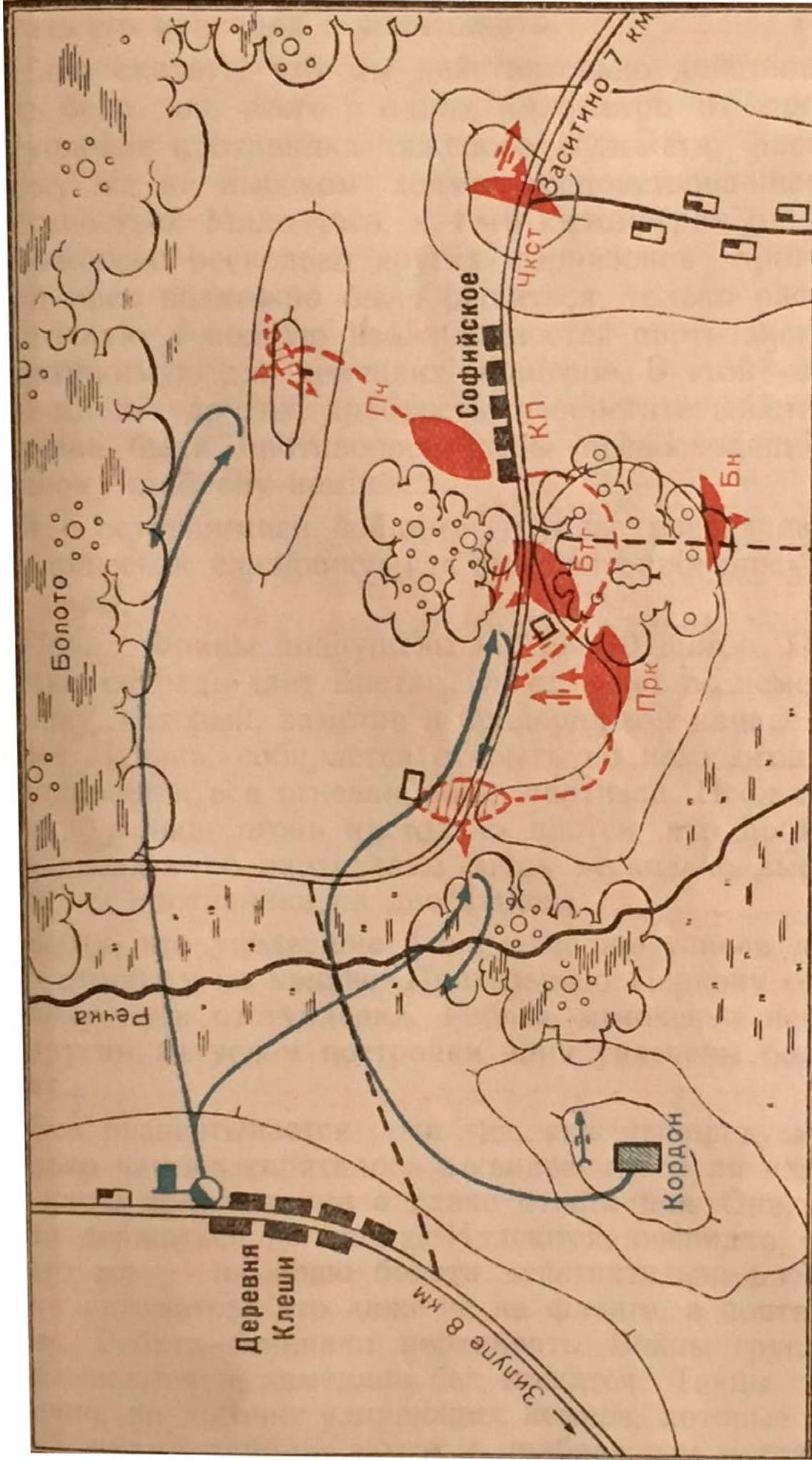
«...В начале июня разведка донесла о том, что пограничники Клешского кордона грабят и терроризируют жителей русских пограничных деревень, особенно в районе деревни Софийское. Мы решили их хорошенько проучить.

Ночью, согласно заранее разработанному плану, 4 боевые группы партизан залегли в засаде на западной окраине деревни Софийское. Дорогу к Клешскому кордону блокировала группа Биетага (см. схему), имевшая в своем распоряжении два пулемёта. Пулемётчику Путану было приказано занять позицию в придорожной канаве и замаскироваться. Его дня, задача заключалась в том, чтобы держать под огнём во время боя обе придорожные канавы. Второй пулемёт поставили на ронь левом фланге группы — у крайнего сарайчика.






Группа Перкона заняла позицию возле хутора и должна была держать под фланговым огнём дорогу к кордону. Появления немцев ждали на дороге Клеши — Софийское. Так как по обеим сторонам дороги расположены открытые поля, единственную возможность к отступлению представляли для противника канавы. Задача группы Перкона состояла поэтому также и в том, чтобы, укрывшись за дугообразным холмом от огня тяжёлого пулемёта, установленного на кордоне, отрезать противнику этот единственный путь отхода. Обеим группам было дано указание подпустить колонну противника на расстояние нескольких десятков шагов, ошеломить внезапным огнём и прижать к земле, парализуя его способность к организованному сопротивлению.

Чакстинь с полугруппой и пулемётом укрепился на пригорке в восточной части деревни, чтобы предотвратить какую-либо неожиданность со стороны заситинского гарнизона и прикрыть отход партизан после проведения операции. Другая половина группы во главе с Бендиком заняла позицию на южной окраине парка у тропинки, по которой возможно было патрулирование пограничников. Поч с группой разведчиков остался в резерве у командного пункта. Его группа выделила патрули для наблюдения за тем, чтобы никто не покинул деревни и не донёс противнику о появлении партизан. Со стороны кордона деревня не видна, потому что между ними раскинулся парк. Можно было видеть лишь отдельные хутора.

³³ О Клешской операции также читайте в книге В. Самсона «К весне», стр. 49. — Ред.



Засада партизан у деревни Клеши

- ОБОЗНАЧЕНИЯ:**
-  Путь следования противника
 -  Группа и полугруппа в засаде
 -  Тяжелый пулемет противника у кордона
 -  Резервная группа партизан
 -  Передвижные группы на поле боя
 -  Пулемет партизан
 -  Расположение „добровольческой“ роты (противника)

Рано утром охрана кордона заметила наши патрули на хуторах и открыла по ним пулемётный огонь, который, однако, не достиг цели: дистанция была около двух километров. Одновременно из кордона немцы выслали отряд в 16 человек, очевидно, с заданием «проучить» смельчаков — партизан, появившихся днём у гарнизона. Отряд шёл по дороге в строю, выслав вперед дозорных. Немцы двигались открыто, ибо, как выяснилось позднее, они даже не предполагали, что здесь, под носом двух их гарнизонов, была возможна засада. Кроме того, движение отряда пограничников прикрывалось огнём тяжёлого пулемета, которым немцы прощупывали со стороны кордона кусты по обе стороны дороги. Наши группы превосходно замаскировались и спокойно лежали под пулемётным огнем.

На краю поля колонна остановилась, командиры ещё раз осмотрели в бинокль деревню, но надёжно укрывшихся партизан они не могли, конечно, заметить. Впоследствии выяснилось, что этот отряд пограничников предварительно согласовал свои действия со взводом «добровольцев», который в это время тайком пробирался по краю болота, обходя деревню с севера, с целью отрезать её от леса. Этот маневр противника обнаружили наблюдатели Биетага. Немедленно посылаю пять вооружённых автоматами разведчиков во главе с Почем с приказом — занять холм, расположенный севернее деревни, внезапным огнём захватить «добровольцев» врасплох и загнать их в болото. Предупреждаю о создавшейся ситуации Чакстиня и приказываю ему во что бы то ни стало удерживать оставшийся теперь единственным путь нашего отхода.

Быстро взвешиваю все возможности. Наша круговая оборона довольно прочна: подходы к деревне хорошо просматриваются, так что мы можем удержать деревню даже при наступлении значительных сил; у ребят настроение бодрое. Опасения вызывает лишь район обороны Чакстиня, где лес довольно близко подходит к деревне. Он хорош для отхода, но и опасен в случае наступления противника. Однако там все спокойно, и по всем расчётам противник сможет подбросить туда силы не раньше, чем через полчаса (из Заситино или Зилупе). Времени, следовательно, достаточно. Кроме того, чем более смело и дерзко мы будем действовать, тем слабее будет бдительность противника, тем более он будет рассчитывать на превосходство своих сил, тем вероятнее, что мы сможем застать его врасплох и уничтожить.

Надо сказать, что мы действительно действовали дерзко: среди бела дня, всего в одном километре от прикрывавшего наступление противника тяжёлого пулемёта, расположенного к тому же на высоком холме, господствовавшем над всей окрестностью. Мало того, в 4—6 километрах от засады было расположено несколько других гарнизонов противника. На такой риск возможно было решиться, только рассчитывая на эластичную и полную неожиданностей партизанскую тактику, непостижимую для немецких офицеров. В этой операции, как и во многих других, храбрость, изобретательность и хитрость партизан были противопоставлены превосходящим силам и военному шаблону немцев...

Я с оставшимися бойцами группы разведчиков скрытно пробираюсь к сарайчику, где сконцентрировались наши ударные силы.

Пора... Фрицы подпущены на 30—40 шагов. Первую автоматную очередь дает Биетаг. Он стреляет по немецкому пулемётчику, который, заметив в придорожной канаве пулемётный расчет Путана, собирается открыть по нему огонь. На врага обрушивается вся огневая мощь партизан. Неожиданность так велика, а наш огонь настолько плотен, что противник успевает сделать по партизанам лишь несколько выстрелов. Мы загоняем противника на дно канавы.

Вижу, что уцелевшие фрицы всё же успели довольно далеко отползти по канаве. Приказываю Перкону отрезать противнику путь отступления. Ребята мгновенно исчезают один за другим за углом постройки. Они увлечены боем, глаза их горят...

Бой разворачивается пока так, как мы предусмотрели. Несколько немцев спрятались в канаве, где пули их не достают. На наши предложения о сдаче ответа нет. Они, видимо, решили держаться до конца. Надеются, очевидно, на помощь. И что же — на краю болота действительно раздаётся трескотня автоматов. Это даже не на фланге, а почти что в тылу у нас. Ребята начинают нервничать. Бойцы группы Перкона оглядываются и, замедлив бег, ложатся. Таким темпом они, конечно, не догонят удирающих немцев, которые небольшими перебежками приближаются к прибрежным кустам у речки.

А туда уже на помощь фрицам спешит второй взвод «добровольцев».

Ребята продолжают стрелять, но огонь стал неровным и, как кажется, неприцельным. Надо действовать быстро и решительно. Боевую ситуацию, в которой мы сохраняем пока инициативу, надо немедленно использовать и смелым ударом решить исход боя в нашу пользу. Я не сомневаюсь в том, что Поч удержит фланг, ибо на его автоматные очереди немцы отвечают лишь одиночными выстрелами из винтовок. Противник там также застигнут врасплох, и, пока он соберётся с силами для ответного удара, пройдет ещё порядочно времени.

Несколько слов ребятам о прочной позиции Поча, затем с криком «ура!» мы бросаемся вперед. Подымается и группа Перкона, и в несколько мгновений обе канавы «очищены». Добраться до кустов удаётся лишь одному раненому фрицу. Остальные лежат на дне канавы, среди них и комендант гарнизона. Двоих фашистов мы забираем в плен...

Группа Перкона занимает позицию на краю болота и берёт под обстрел кусты на противоположной стороне. Там залегли «добровольцы», которые спешили на помощь к немцам, но опоздали. Посылаю туда ещё один пулемёт. Наши позиции сильнее, и противник здесь также вынужден отойти.

Поспешно отходит противник и в секторе Поча. И только теперь начинает стрелять со стороны кордона тяжёлый немецкий пулемёт, который в начале боя совсем было замолчал. Очевидно, его расчёт был не менее поражён случившимся, чем те фрицы, которые лежат теперь в канаве...

В последний момент огнём тяжёлого пулемёта один партизан тяжело ранен, другой убит немецким снайпером. Оба они из группы Перкона. «Добровольцы» потеряли в бою 10 человек убитыми, число раненых установить не удалось — сообщает Поч.

В лес отходим в восточном направлении. Захватываем с собой трофеи: 1 ручной пулемёт, 2 автомата, 6 винтовок. 4 револьвера, патроны, гранаты и т. д...»

Так закончилась эта успешная операция партизан Зилупского района.

Неожиданность, отвага, выдержка и настойчивость партизан были основой успеха этой и других подобных партизанских засад.

В других боях и стычках, которые имели место в мае и июне, партизаны этого отряда уничтожили 42 и ранили 33 фашиста. Потери партизан — 2 убитых и 2 раненых.

В отряде к этому времени выдвинулись смелые и изобретательные подрывники — Биделис и Антон Муйжниек. Это было первое поколение наших подрывников, на опыте которых впоследствии выросло довольно многочисленное саперное подразделение отряда.

К началу июля 1-й отряд вырос вдвое. Более внушительным стало и вооружение партизан. Помимо автоматов и ручных пулемётов на вооружении отряда появилось и «тяжёлое» оружие партизанской войны: миномёт, станковый пулемёт и противотанковые ружья. Отряд укрепился настолько, что в случае необходимости мог уже вести фронтальные бои.

В начале июля 1-й отряд помог партизанам Калининской области освободить от оккупантов и полицейских северную часть Себежского района и образовать здесь партизанский район. Во вновь созданном партизанском районе отряд разместил свою хозяйственную часть, госпиталь и штаб с рациями. Все это значительно сократило силы, которые необходимо было выделять для их охраны. Освободившихся в результате этого бойцов командование отряда могло теперь использовать для дальнейшей активизации боевых операций на территории Латвии. Позднее в партизанском районе нашли убежище и защиту от оккупантов многие семьи латгальских партизан. Существование такого стабильного опорного пункта значительно облегчило командованию отряда выполнить задачу по дальнейшей разведке Северной Латвии и по охвату оставшихся её районов партизанским движением.

С быстротою молнии разнеслась по окрестным селениям молва о партизанах Зилупского района. Латышские фашисты после первых же внушительных партизанских ударов стали очень осторожными, а через пару месяцев они уже испытывали панический страх перед партизанами и без значительного превосходства в силах не отважились выступить против них. Это был первый шаг в процессе установления безраздельного господства партизан в лесах Северной Латвии. К концу июля отряд располагал уже широкой агентурной сетью разведчиков, которые доставляли в отряд необходимые сведения военного, политического и экономического характера об Абренском и Лудзенском уездах, о городах Абрене, Лудза, Резекне, Даугавпилс, Рига и др.

В июле закончился первый этап на пути к созданию центра партизанского движения в Северной Латвии: 1 отряд располагал уже необходимой социальной, экономической и военной базой в одном из важнейших районов Северной Латвии и мог теперь приступить к выполнению более широких организационных задач, которые уже были выдвинуты в порядок дня течением событий.

В конце июня разведчикам и проводникам отряда удалось установить связь с подпольной организацией Каупужа — Ларионова и с остатками партизанского отряда «Пламя», действовавшего в окрестностях г. Абрене, а во второй половине июля — с партизанским отрядом Эзерниека—Рашкевица.

Что же происходило в это время в остальной части Северной Латвии? Что помимо вышеуказанного было сделано весной 1943 г. по организации партизанского движения и всенародного движения сопротивления вообще?

* * *

Деятельность отряда Эзерниека в Валкском и Абренском уездах (зима 1942 года — лето 1943 года)

Основными районами деятельности партизанского отряда Эзерниека зимой 1942—1943 года были Алсвикская, Анненская, Балвская, Виксенская, Лиепненская волости Абренского уезда и Литенская волость Мадонского уезда.

Отряд, состоявший из 20 бойцов, провел эту зиму в очень тяжёлых условиях. Оккупанты надеялись, что суровая зима поможет им уничтожить партизан Эзерниека и что тем самым будет выполнена задача, осуществлённая осенью 1942 года им не удалось. С этой целью гитлеровцы провели в районе деятельности отряда многократные «акции по очистке лесов». Отметим крупнейшие из них.

В декабре 1942 года отряд Эзерниека был окружен в Малупском лесу немецкой карательной частью, численностью в 600 человек и вооруженной тяжёлыми пулемётами. Благодаря смелому маневру партизанам удалось вырваться из окружения, запутать свои следы и перебраться в Гулбенские леса.

В начале января 1943 года состоялась другая, гораздо более серьёзная карательная экспедиция. В ней участвовали полицейский батальон и дислоцированные в Гулбене немецкие войсковые части, общей численностью 1500 гитлеровцев. Началось непрерывное преследование отряда. По нескольку дней бойцы не имели возможности подкрепиться и отдохнуть. Погода стояла очень холодная. Нужна была невероятная смелость и несокрушимая вера в правоту начатого дела, чтобы преодолеть все эти трудности. Но спаянный коммунистами партизанский коллектив с честью выдержал все испытания. Несмотря на большие потери, преследователи так и не могли добиться решающего успеха. Когда фашисты почувствовали, что силой им ничего не добиться, они прибегли к хитрости и провокациям, обещая партизанам сохранить жизнь и предоставить всякие льготы, если только они сложат оружие и добровольно сдадутся. Отважные сыны Северной Латвии, претерпевая невероятные трудности и лишения, безбоязненно смотрели смерти в лицо и не запятнали революционных традиций латышского трудового народа — не стали трусами и предателями. В Гулбенских лесах подразделение потеряло бесстрашного командира разведчиков Ласмана, прославившегося ещё во время деятельности партизанского полка. Он геройски погиб, прикрывая вместе с другим товарищем отход отряда.

Борьба с оккупантами и их приспешниками продолжалась...

Оккупанты так и не смогли уничтожить этот отряд. В неравных боях победили высокие моральные качества бойцов и правильная боевая тактика партизан. Эластичные маневры, неожиданные рейды из одного лесного массива в другой расстраивали все планы карательных экспедиций.

Комиссар Рашкевиц так описывает тактику отряда:

«Мы находились в постоянном движении, производя одновременно и разведку и широкую разъяснительную работу среди населения. Батальоны противника неотступно следовали за нами по пятам, но тогда, когда они нас искали в одном месте, мы уже находились в 20—30 километрах...»

Как мы уже упоминали, главной работой, на которой отряд Эзерниека сосредоточил всё своё внимание и энергию зимой 1943 года, было политическое воспитание и организация масс.

Несмотря на бесконечные преследования фашистов, связи партизан с населением росли изо дня в день. Коммунисты отряда 1 во главе с комиссаром Рашкевицем повседневно работали над созданием антифашистского подполья. Быстрый рост групп содействия свидетельствовал, с одной стороны, об активности коммунистов отряда, а с другой — о поддержке населения и симпатиях его к партизанам.

В районе деятельности отряда осенью 1942 года сформировалось 15 групп содействия; весной 1943 года их было уже 40, а в начале августа — 63. Были созданы две первичные парторганизации: одна — в партизанском отряде, вторая — в Анненской волости (секретарь — трудовой крестьянин Гуго Мейер, которого впоследствии убили фашистские выродки).

Большое внимание руководство антифашистского подполья уделяло привлечению молодёжи к нелегальной работе. В алуксненской гимназии удалось организовать антифашистскую молодежную группу, во главе которой стояли комсомольцы братья Мелгалвы.

Основной формой массово-политической работы, которую проводила подпольная организация, была устная агитация. Кроме того, она широко распространяла партизанскую агитационную литературу — размноженные от руки воззвания, в которых коммунисты разоблачали политические и экономические мероприятия оккупантов, разъясняли события на фронте, учили, как надо бороться с оккупантами.

С особенным нетерпением ждали в крестьянских домах записанные и размноженные партизанами сообщения Советского Информбюро. За время своей деятельности партизаны отряда распространили 42 различных воззвания.

Когда весной 1943 года была объявлена мобилизация в немецкую армию, десятки крестьянских юношей потянулись в отряд. Однако из-за недостатка оружия в апреле, например, отряд смог принять лишь незначительное число желающих — 23 человека. Число бойцов отряда значительно возросло, и он из небольшого формирования превратился в полнокровный партизанский отряд (командир Эзерниек, комиссар Рашкевиц, начальник штаба Савицкий, командир разведки Суровцев).

В конце июля в отряде было уже 53 партизана. Он базировался отдельными группами в трёх различных местах; центр отряда находился в Яунанненских, группа Матулена — в Алсвикских, группа Суровцева — в Лиепненских лесах.

Боевой счёт отряда на 1 августа 1943 года составлял: один транспортный самолет, убито 34 и ранено 15 солдат и офицеров противника, неоднократно повреждены телефонные и железнодорожные линии. Все это было проделано собственными силами отряда. Партизаны потеряли 15 человек убитыми.

История партизан Северной Латвии будет недостаточно полной, если не упомянуть об интересном и смелом партизанском рейде в Ригу и обратно, который был осуществлён в апреле и мае 1943 года небольшой группой партизан во главе со своим командиром Эзерниеком. Цель рейда заключалась в том, чтобы установить связь с рижскими рабочими. Валдемара Эзерниека, потомственного рижского рабочего и отважного революционера, прекрасно знали и уважали рабочие многих заводов Риги. Длинный маршрут, пересекавший всю Видземе, был полон опасностей, но партизаны успешно выполнили свою задачу.



Героический командир отряда северолатвийских партизан Валдемар Эзерниек.

Первое крупное столкновение во время осуществления этой операции произошло в Лигатне в ночь на 1-е мая, когда группа наткнулась на дежурный полицейский патруль. Два пособника оккупантов были убиты, один ранен. Жандармские команды, которые на следующий день были вызваны для поимки партизан, потеряли след. Партизаны благополучно добрались до Риги, где установили связь с рабочими завода «ВЭФ» и Милгрависа.

Обратный путь группа прошла «с большим шумом»: где только было возможно, она поднимала на ноги оккупантов в их пособников. 16 мая партизаны вывели из строя работавший на оккупантов торфяной завод на Лигерском болоте.

Самая большая схватка с немцами произошла 18 мая не далеко от Ропажы — в усадьбе «Глазниеки» Рижского уезда. Партизаны застрелили пятерых гитлеровцев и среди них — одного немецкого офицера, который в то время отдыхал на соседней даче и «для развлечения» взял на себя руководство преследованием партизан. Однако оказалось, что даже в окрестностях Риги борьба с партизанами была далеко не развлечением.

С тех пор партизанский отряд Эзерниека имел постоянную связь с рижскими рабочими.

Летом 1943 года дальнейшему росту отряда препятствовали два обстоятельства: недостаток оружия и командиров. Отряд потерял многих своих старых командиров, имевших большой опыт партизанской борьбы, — Ласмана, Рудзита, Мелналксниса и других. Нехватка руководящих кадров стала особенно остро ощутимой после того, как 19 июля 1943 года на хуторе «Лэтэс» Белявской волости Валкского уезда, вместе с группой руководящих товарищей, пал смертью храбрых выданный врагу негодяями и окруженный со всех сторон командир отряда Эзерниека. Отряд нуждался в срочной помощи

Значение партизанского отряда Эзерниека в истории партизанского движения в Северной Латвии очень велико. В сравнительно короткий срок — всего лишь за год своей деятельности — он установил широкие и прочные связи с населением, т. е. проделал необходимую предварительную работу для распространения партизанского движения в том районе Латвии, где впоследствии развернули свою деятельность три больших партизанских отряда. Это был первый партизанский отряд на территории Северной Латвии. Он был также единственным отрядом, пережившим тяжёлую зиму 1942— 1943 года в боевом строю, без всякой связи с советским тылом. Причем надо иметь в виду, что это было время, когда огромное политическое значение имел сам факт партизанской борьбы.

* * *

Абренский антифашистский комитет и партизанский отряд «Пламя» (зима 1942 года — лето 1943 года)

Объединенная подпольная группа Ларинова—Каупужа начала свою деятельность в декабре 1942 года. Район её деятельности охватывал Гаурскую, Аугшпилсскую, Пурмалскую, Балтинавскую и Карсавскую волости, а также город Абрене. Благоприятная социальная база создавала возможность образования здесь широкой подпольной организации уже зимой 1942— 1943 гг.

Эту возможность отлично использовал Абренский антифашистский комитет, созданный и руководимый самоотверженными коммунистами-подпольщиками Домиником Каупужем, Ларионовым, В. Константиновым. Руководство комитета провело большую организационную и

политико-воспитательную работу. Её трудно описать в нескольких словах. В качестве иллюстрации назовем следующие наиболее характерные факты. Помимо будничной организационной работы и повседневных бесед с крестьянами, коммунисты провели зимою 1942—43 года 30 собраний крестьян, написали и распространили в нескольких стах экземплярах 20 различных воззваний. В марте 1943 года антифашистский комитет объединял уже до 300 организованных крестьян. Под непосредственным влиянием комитета находились крестьяне 60 крупнейших деревень окрестных волостей. Так, например, в деревне Барсуки, которая была расположена всего лишь в 2 км от Абрены, было 20 организованных антифашистов. Под руководством комитета работало много антифашистских молодёжных групп.

Самой крупной из них была организация учащихся абренской гимназии, состоявшая из 22 юношей и девушек, которая работала под руководством комсомольской группы во главе с Петром Гродненским, Анатолием Ивановым и Валентином Хитровым. Многие из этих юношей и девушек впоследствии стали отважными партизанами. Из абренской гимназии тянулись нити нелегальной работы во многие отдаленные районы Абренского уезда, они достигали даже Ругай, Балви и других более отдаленных населенных пунктов. Антифашистская молодёжная группа возникла также и в Карсавской гимназии; ею руководила Эде Каупуж. Позднее деятельность этих молодёжных групп была объединена Абренским уездным антифашистским молодежным комитетом (секретари Гродненский и Хитров).

Антифашистский комитет установил связь с рабочими абренского депо и вовлек их в работу подпольной организации. Подпольной группой абренских железнодорожных рабочих руководили братья Иван и Петр Шеленковы. По заданию комитета железнодорожные рабочие выводили из строя паровозы, портили цистерны с горючим, похищали из вагонов боеприпасы и доставляли их боевым группам, поджигали склады, нанося таким образом значительный ущерб оккупантам.

Антифашистские группы железнодорожников были организованы также на станциях Карсава и Пундури.

Из многочисленных членов подпольной организации комитет выделил так называемые боевые группы. Члены каждой из этих групп во главе с командиром (командирами были члены антифашистского комитета) собирали оружие и готовились к вооруженной борьбе. До марта 1943 года было создано 15 боевых групп.

На объявленную в марте 1943 года мобилизацию в легион антифашистский комитет реагировал немедленно. В ночь на 11 марта в деревне Волково состоялось заседание антифашистского комитета с участием всех командиров боевых групп. После доклада председателя комитета Д. Каупужа собрание единогласно приняло решение уберечь окрестную молодежь от мобилизации и с этой целью начать вооруженную борьбу.

В ближайшие же дни был создан партизанский отряд «Пламя» (командир Ларионов, комиссар Д. Каупуж, начальник штаба В. Константинов, начальник разведки Дергач).

Отряд базировался в Бриежаукском лесу Карсавской волости. К отряду присоединилась группа бежавших военнопленных, и на 1 апреля в отряде уже насчитывалось свыше 70 бойцов. В тот же самый день вновь организованному партизанскому отряду пришлось выдержать наступление объединенной карательной экспедиции, состоявшей из немцев и латышских полицейских. Вооруженный лишь наполовину партизанский отряд целый день отбивал ожесточенные атаки

превосходящих сил противника. Небольшой по размерам лесной массив не давал возможности маневрировать. Несколько раз партизаны поднимались в атаку и, наконец, отбросили наседавшие цепи противника. В этом бою гитлеровцы потеряли только убитыми, не считая раненых, 36 человек и в их числе коменданта ближайшего гарнизона. Потери партизан — 7 убитых, 4 раненых.

Было ясно, что в ближайшие дни, получив подкрепление, противник снова предпримет наступление. В связи с весенним половодьем и ввиду того, что вокруг была открытая местность, не было никакой возможности перебраться в другой лесной массив. Запасы боеприпасов иссякли. К тому же, так как отряд состоял главным образом из не получивших ещё боевой закалки бойцов, а опытных командиров в отряде было мало, боеспособность и настроение бойцов после кровопролитного боя были довольно низки.

Исходя из этих соображений, боевое подразделение «Пламя» было расформировано, а бойцы возвратились в свои подпольные организации с тем, чтобы с появлением первой же возможности продолжать вооруженную борьбу. Однако не всем удалось уйти в подполье: полиция «СД», встревоженная действиями партизан, произвела массовые аресты, многие юноши были насильно мобилизованы на работу или в немецкую армию.

После расформирования боевого отряда, антифашистский комитет продолжал свою деятельность, правда, несколько сократив её размах. Он разделился на две части: одна под руководством Д. Каупужа, действовала в Гаурской и Аугшпилсской волостях, другая под руководством Дергача, — в Линавской и Пурмалской волостях.

В конце июня 1943 года, после того как была установлена связь с 1-м партизанским отрядом, руководители подполья — всего 12 вооруженных бойцов — влились в него.

Широкие связи антифашистского комитета с населением дали возможность 1-му отряду немедленно развернуть активную деятельность в этом районе: создать разведывательную сеть, организовать вовлечение в отряд новых партизан. Бывшие члены боевых групп впоследствии составили основное ядро вновь организованного подразделения подрывников. Антифашистский комитет, пополнившийся новыми членами, продолжал работу по организации масс в районе города Абрене.

Таково, коротко, место Абренского антифашистского комитета в партизанском движении Северной Латвии.

* * *

Помимо этих отрядов, летом 1943 года в Северной Латвии действовал целый ряд более мелких групп и группок, состоявших из 3—8 вооруженных бойцов и имевших много сочувствующих среди населения. Впоследствии их объединил вокруг себя 1-й отряд: в районе Тилжа к отряду присоединилась группа Балодиса, в Карсавской волости группа Потапова, в Лиепненской и Педедзенской волостях — группа Кейве, в районе Але — группа Торниса и т. д.

Из вышесказанного видно, какое большое значение в развитии партизанского движения в Северной Латвии имели все эти большие и маленькие партизанские и подпольные группы, которые с 1942 года действовали в различных волостях Северной Латвии. В районах их деятельности, в большей или меньшей степени, были созданы предпосылки для деятельности больших партизанских отрядов.

2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВШИРЬ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ И ПЕРВЫЙ ЭТАП ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РУКОВОДСТВА ИМ

Укрепление существовавших партизанских отрядов и распространение деятельности на новые районы — главная задача 1-го отряда летом 1943 г.

Таким образом, в августе 1943 года в деятельности 1-го партизанского отряда наступил новый период, ознаменовавшийся новыми задачами. Эти задачи состояли в том, чтобы, во-первых, немедленно укрепить отряд Эзерниека и создать в районе деятельности бывшего партизанского отряда «Пламя» новый жизнеспособный боевой отряд, причем всё это необходимо было сделать с таким расчётом, чтобы способность обоих этих отрядов организовывать массы и их военная мощь непрерывно росли; во-вторых, надо было внести «зачатки организации» и в те районы Северной Латвии, где партизанское движение — и вообще движение сопротивления — ещё находилось в мало организованном состоянии, где действовали только отдельные инициаторы, или же небольшие группы, о существовании которых руководство 1-го отряда в то время не имело никаких сведений. Карта базирования партизанских отрядов свидетельствует о том, что летом 1943 года в Абренском уезде имелось два таких «белых пятна» — окрестности Тилжи и Виляки, а также вся западная часть Валкского уезда. Для того чтобы практически выполнить обе эти актуальные задачи, необходимо было перебазировать партизанские группы отряда в вышеуказанные районы Северной Латвии, а для этого, в свою очередь, необходимо было, чтобы 1 отряд, как организационный центр, находился где-либо в центральной части Северной Латвии, а не в одном лишь её углу — в районе г. Зилупе. Рано или поздно — штаб 1-го отряда должен был перебазироваться в глубь Латвии, чтобы действительно превратиться в эффективный организующий центр партизанского движения. Необходимость в этом назрела особенно тогда, когда партизанское движение приобрело массовый характер.

Задача перебазирования, в свою очередь, выдвинула целый ряд новых серьезных проблем: проблему снабжения и размещения партизан, установления связи с населением и т. д. Без их предварительного разрешения рискованно было перебазировать большой отряд, ибо в таком случае эта операция могла не оправдать себя и окончиться плачевно, поставив под угрозу всю организацию партизанского движения в районе. Помимо того, с военной точки зрения, передвижение по сильно укрепленному и безлесному пограничному району как об этом свидетельствовал опыт рот партизанского полка — было очень трудным делом и требовало серьезной подготовки и большой изворотливости. Надо было как можно целесообразнее использовать имевшиеся в распоряжении отряда немногочисленные, но прошедшие школу войны боевые кадры, стараясь свести потери до минимума.

Первую конкретную задачу — укрепление имевшихся в центральной части Северной Латвии отрядов — можно было разрешить в сравнительно короткий срок.

Гораздо более серьезной и продолжительной работы требовало разрешение второй задачи: охвата новых районов.

Чтобы организовать новые партизанские отряды в ещё «не затронутых» районах, там нужно было проделать всю ту предварительную работу, которая в остальных районах Северной Латвии была проделана уже в 1942 году и весной—летом 1943 года упомянутыми партизанскими отрядами и группами. Интересы развертывания партизанского движения в Северной Латвии требовали, чтобы здесь партизаны проделали её в гораздо более короткий срок. Общая

политическая обстановка к тому времени изменилась в пользу партизанского движения, 1-й отряд представлял собою внушительную боевую единицу. Всё это создавало новые возможности, которыми в 1942 году организационные группы располагать не могли, и поэтому можно было надеяться на близкий успех.

* * *

Применение 1-м отрядом новой тактики перебазирования и освоения новых районов (создание системы подотрядов)

В новых условиях было бы конечно нецелесообразно повторить прежнюю перебазирования, согласно которой в 1942 году целые партизанские отряды и группы сразу, за один рейд, перебрасывались в незнакомые районы. Эта тактика была очень рискованной — приходилось слепо ставить всё на одну карту — и потому часто приводила к непредвиденным и тяжёлым потерям. Учитывая ранее накопленный опыт и новые условия, руководство 1-го отряда разработало другую тактику перебазирования и освоения новых районов. Эта тактика была подсказана самой жизнью, она повседневно вырабатывалась и обогащалась.

Впоследствии её принципы легли в основу всей оперативной деятельности I Латвийской партизанской бригады, в основу организационных мероприятий её отрядов, поэтому на ней стоит остановиться особо.

Основная идея этой тактики состоит в том, чтобы создать и укрепить прогрессивно растущую систему подотрядов. Для наглядности попытаемся проследить процесс создания одного такого подотряда.

Прежде чем перебазироваться на новое место, руководство отряда с помощью агентуры и разведчиков собирало все необходимые сведения о новом районе деятельности. Центр нового района, обычно лесной массив, чаще всего располагался не ближе чем в 50—60 километрах от штаба отряда, т. е., по крайней мере, на расстоянии двух ночных переходов³⁴, а нередко даже на расстоянии 100 километров и больше. Серьёзно организованное предварительное ознакомление с районом предстоящей деятельности обычно давало прекрасные результаты, и часто можно было уже заранее наметить контуры будущей сети групп содействия.

Затем в район направлялась первая группка наиболее опытных организаторов. Она обычно состояла из 5—6 человек, из которых, по крайней мере, двое—трое были хорошо знакомы с местностью. Маленькой группке легко было избежать нежелательных в этих условиях стычек с противником, её труднее было обнаружить во время перехода. Задача такой группы заключалась в том, чтобы ближе познакомиться с новым районом, установить связи с местными крестьянами и с их помощью организовать продовольственную базу для партизан. Когда эта работа была успешно выполнена, руководство отряда постепенно направляло в «осваиваемый» район новые группки, пока там не создавалось крепкое организационное ядро для развертывания партизанского движения. Это ядро подотряда обычно состояло из 20—25 человек.

Подотряд отличается от обычных боевых партизанских взводов и рот (которые по своей численности и вооружению приблизительно одинаковы) тем, что функции подотряда гораздо разнообразнее и требуют значительного разделения труда в его руководстве. Поэтому подотряд

³⁴ Латышские партизаны совершали переходы, главным образом, в ночное время.

имел свой штаб с полным штатом командиров и в числе их — командира отряда, комиссара, начальника штаба, помощников командира по разведывательной работе и по хозяйственной части, руководителя контрразведки и заместителя комиссара по комсомольской работе. Остальные — отборные бойцы — будущие командиры групп и взводов, а также несколько подрывников. Подотряды имели свои первичные партийные и комсомольские организации. Одним словом, это был партизанский отряд в миниатюре, полностью подготовленный для организации партизанского движения в своём районе.

Превосходящие силы противника могли, конечно, нанести ощутимые потери такому партизанскому формированию, однако они были не в силах его полностью уничтожить, ибо оно было тесно связано с народными массами и им руководил опытный коллектив командиров. Об этом свидетельствуют многие примеры из жизни партизан Северной Латвии. И если бы даже такой случай имел место, «материнский» отряд всегда имел возможность организовать новый подотряд. Такого рода случайности уже не могли парализовать работу по организации партизанского движения. После тяжёлых боёв подотряд всегда получал подкрепление от отряда, а в случае особых трудностей он всегда мог временно вернуться на основную базу отряда. Обязанностью каждого «материнского» отряда было оказать максимальную помощь своим подотрядам с тем, чтобы они со временем выросли в самостоятельные партизанские отряды. Эти выросшие на базе подотрядов новые партизанские формирования, в свою очередь, создавали вокруг себя новую сеть подотрядов.

Созданные таким образом партизанские отряды представляли собою крепко спаянные боевые коллективы, руководимые коммунистами; командиры лично воспитывали своих бойцов, знали их сильные и слабые стороны, умели правильно оценить их боевые качества; бойцы же выдвигали из своей среды авторитетных и способных командиров, которым без колебаний доверяли свою судьбу.

Для того, чтобы читатель мог свободно ориентироваться в употребляемой нами терминологии и получил бы более ясное представление о партизанских отрядах Северной Латвии, оформившихся в основном уже к осени 1943 года, постараемся их наглядно охарактеризовать.

Отряд, или иными словами — партизанский батальон, обычно состоял из 100—250 вооружённых бойцов. Это было устойчивое и в большой степени самостоятельное партизанское формирование, располагавшее значительным резервом в подполье и широко разветвленными организациями содействия, имевшее обширное хозяйство, санитарную часть и даже свой госпиталь. Обычно отряд имел непосредственную радиосвязь с Латвийским штабом партизанского движения. Широкое поле деятельности отряда требовало, чтобы руководство его было инициативным, эластичным и сведущим во всех видах партизанской войны.

Подотряд, или партизанская рота, состоял обычно из полусотни вооружённых бойцов. Масштабы его деятельности были меньше размеров деятельности отряда, но только по объёму.

Необходимое вооружение и пополнения он получал от отряда. План его деятельности определял штаб отряда; перед ним же руководство подотряда отчитывалось о проделанной работе. Операции подотряд проводил самостоятельно, за исключением тех случаев, когда туда командировался специальный представитель штаба отряда.

Отряды и подотряды, в свою очередь, подразделялись на боевые взводы, а последние — на боевые группы. Для осуществления особых функций в каждом отряде и подотряде выделялись

взводы (в подотрядах — группы) разведки, подрывников, а также агентурные и хозяйственные группы. Взводы состояли из 20—30 бойцов, группы — из 7—10.

Создание системы подотрядов впоследствии себя прекрасно оправдало и дало хорошие результаты: отряды получили возможность без больших потерь быстро перебазироваться в новые районы Северной Латвии и легко их освоить.

Партизаны Северной Латвии разработали эту тактику на опыте борьбы в новых условиях. В её создании и совершенствовании активно участвовали сами партизаны, внося в нее всё новые и новые элементы. Руководству 1-го отряда оставалось подметить и обобщить эти элементы новой партизанской тактики, разработать на основе отдельных её элементов цельную тактическую систему и целеустремленно применять её.

* * *

Создание в Северной Латвии 4-го партизанского отряда и трёх новых подотрядов. Организация Валкского и Абренского подпольных уездных комитетов КП(б) Латвии.

После краткого обзора тактики партизан Северной Латвии возвратимся к организационным задачам, которые стояли перед партизанским отрядом летом 1943 года.

Прежде всего необходимо было укрепить боеспособность бывшего отряда Эзерниека. С этой целью 1 партизанский отряд со второй половины июля начал выделять из своего состава опытных командиров и бойцов для создания из них компактных боевых групп, которые и направлялись постепенно в Лиепна-Анненские леса. Одновременно с первыми группами туда отправился также первый секретарь Валкского уездного комитета КП (б) Латвии Фрицис Берг. К ноябрю 1943 года подотряд значительно вырос и окреп. Приказом Латвийского штаба партизанского движения он был выделен из состава 1-го партизанского отряда как самостоятельная единица — 4 латышский партизанский отряд (командир Калван, комиссар Рашкевиц, начальник штаба Сивицкий, начальник разведки Суровцев, комсорг Лизинь, впоследствии — Густавсон).

Осенью 1943 года, на базе нелегальных партийных организаций и групп, которые уже ранее действовали в Валкском уезде, организовался Валкский подпольный уездный комитет партии (секретари: Берг, Рашкевиц). Основное ядро уездного комитета находилось в 4-м отряде. Печатным органом укома партии была газета «Мусу земе» («Наша страна»). Нелегальная типография уездного комитета, в которой печатались газета и воззвания, помещалась в Калнцемпской волости, на хуторе одного из трудовых крестьян. Работой среди молодёжи уезда руководил уездный комитет комсомола во главе с Лизинем.

Боевая и массово-организационная деятельность 4-го отряда охватывала восточную часть Валкского уезда, северо-западный угол Абренского и ближайшие (вплоть до Гулбене) волости Мадонского уездов. Две отдельные группы отряда закрепились: одна — в Палсманских (под руководством Путана), а другая — в Алсвикских (под руководством Матулена) лесах. В Жигурских лесах отряд начал создавать новый подотряд (командир Отанькис). Штаб отряда вместе с основной массой бойцов маневрировал в обширном массиве Лиепна — Яунанненских лесов.

В августе 1943 года 1 отряд приступил к организации трёх новых подотрядов в Абренском уезде. Строго придерживаясь новой тактики перебазирования, эту работу удалось в основном закончить без особых происшествий и потерь уже к ноябрю. В этом была большая заслуга

коммунистов и комсомольцев Лудзенского и Абренского уездов, которые, благодаря своей стойкости и самоотверженности, в на редкость тяжёлых условиях, спаяли в одно целое коллективы подотрядов и повели их за собой.

Подотряды обозначались начальными буквами латинского алфавита — «А», «В» и «С».

Основным районом деятельности подотряда Пона (комиссар Кадаковский, начальник штаба Бурбо, командир разведки Потапов, командир контрразведки Балодис, комсорг Рудзиш) были Тилженская, Наутренская и Карсавская волости. Штаб его находился в Рускуловском лесу. Подотряд создал вокруг себя широкую сеть организаций содействия, вырос и быстро окреп. В этом отношении большая заслуга принадлежит влившимся в подотряд осенью 1943 года небольшим группам Балодиса и Потапова, которые, возникнув в Карсавском районе уже летом 1942 года, были хорошо знакомы с местностью и окрестным населением. Подотряд часто подвергался нападениям со стороны организованных оккупантами и местными фашистами карательных экспедиций. Редкий, небольшой лес, близость важнейших коммуникаций противника были тому причиной. Всё это требовало от подотряда особенно эластичной тактики боевых операций, передвижения и размещения.

Основным районом деятельности подотряда Биетага (комиссар Дергач, начальник штаба Анджан, командир разведки Владимир Константинов, комсорг Мальков) были Вилякская, Шкилбенская и Пурмалская волости. Лагерь подотряда располагался в лесном массиве между Балви и Виляка. Развернуть массово-организационную работу подотряду облегчили группы, ранее организованные в Пурмалской и Линавской волостях членами Абренского антифашистского комитета Дергачом и Константиновым.

Район деятельности подотряда Ларионова (комиссар Д. Каупуж, комсорг Пименов, командир разведки Андреев) охватывал Гаурскую, Аугшпилсскую, Балтинавскую волости и город Абрене. Подотряд был создан на базе бывшего партизанского отряда «Пламя». В связи с особыми географическими условиями тактика подотряда приобрела специфический характер, что в значительной мере делало ее отличной от тактики остальных подотрядов.

Неофициальное название — «подотряд подрывников», — которое позже стало популярным среди остальных подотрядов метко характеризует род его деятельности. Именно минирование железных дорог и шоссе, как главная задача, определяли специфику деятельности этого подотряда. Он дислоцировался недалеко от важного военного объекта — Абренского железнодорожного узла. Пересекавшиеся здесь коммуникации вели к северному флангу немецкого фронта, потому Абренский узел являлся одним из наиболее уязвимых и наиболее тщательно охраняемых опорных пунктов оккупантов в Северной Латвии. Все силы и ресурсы подотряда использовались с таким расчётом, чтобы наносить этому узлу наиболее чувствительные удары.

Особый характер имело также и базирование подотряда; это было вызвано неблагоприятными географическими условиями — в районе не было лесов. Однако этот недостаток полностью компенсировался широкой поддержкой населения. Бойцы подотряда селились небольшими группами на крестьянских хуторах, у сочувствующих партизанам крестьян. Оттуда они направлялись на выполнение операций, там же укрывались после их выполнения.

Подотряд мог расти численно лишь до известных границ, насколько позволяли особые условия базирования и интересы выполнения основной задачи подотряда — подрыва коммуникаций

противника. Число вооруженных бойцов в подотряде никогда не превышало 25—30 человек, но зато все они были отборными, опытными бойцами и специалистами — саперами. Благодаря тому, что вновь прибывавшие партизаны отправлялись на базу отряда, а оттуда — в другие подотряды, подотряд Ларионова численно не увеличивался и не превращался поэтому в самостоятельный отряд. Результаты деятельности подотряда, вплоть до весны 1944 года, были довольно внушительными. Это говорило за то, что была, наконец, найдена наиболее подходящая для этого района форма организации партизанской борьбы.

Политотдел подотряда продолжал начатую Абренским антифашистским комитетом работу по организации антифашистского подполья и руководству им.

Осенью 1943 года, на базе партийных групп бывшего Абренского антифашистского комитета и первичных партийных организаций новых подотрядов, был создан Абренский уездный комитет КП (б) Латвии (секретари: Д. Каупуж, Дергач, члены укома — Кадаковский, Пименов, Берзинь).

Уездный комитет и типография находились на основной базе 1-го отряда. Редактором уездной газеты «Латгальская правда» с декабря 1943 года был Доминик Каупуж. Подпольной работой комсомола в уезде руководил Пименов.

* * *

Преодоление осенью 1943 года раздробленности партизанского движения в Северной Латвии

Таким образом, осенью 1943 года деятельность подразделения 1-го отряда распространилась на весь Абренский уезд и северную часть Лудзенского уезда. 4 отряд в основном охватил все волости Алуксненского уезда, а в ноябре 1943 года, приступив к организации новой базы в Палсмানে-Леясциемских лесах, он проник в центральную часть Валкского уезда.

Все партизанские формирования Северной Латвии были тесно связаны между собой, а также со своим организационным центром — штабом 1-го отряда. С этих пор стало возможным планировать партизанское движение и руководить им в масштабе всей Северной Латвии. Отныне оно имело свой деятельный центр, устойчивые боевые формирования, охватившие своей деятельностью всю территорию Северной Латвии, постоянную и быструю связь между центром и районами. Раздробленность партизанского движения Северной Латвии была ликвидирована.

Нелегальные партийные комитеты Валкского и Абренского уездов идейно и организационно руководили широким антифашистским движением на территории Северной Латвии. Комиссар 1-го отряда, будучи одновременно уполномоченным Оперативной группы ЦК КП (б) Латвии, координировал эту работу.

Таким образом, к осени 1943 года централизация партизанского движения в Северной Латвии была закончена.

Волна народного сопротивления, поднимавшаяся против оккупантов осенью и зимой 1943 года, непрерывно росла и приняла характер массового движения потому, что организаторами и руководителями этого движения были коммунисты — лучшие сыны и дочери советского народа, самоотверженно и неустанно боровшиеся за интересы трудящихся. Партийное руководство движением сопротивления обеспечило также быстрый рост и распространение партизанского



Члены Оперативной группы ЦК КП (б) Латвии и штаб Латвийской партизанской бригады
(осень 1943 года)

движения, явившегося мощным фактором активизации фронта народной борьбы против фашизма.

Массовость движения сопротивления, в свою очередь оказала решающее влияние на масштабы партизанского движения, превратила его во всенародное движение.

Партизанские формирования Северной Латвии входили в состав Латвийской партизанской бригады вплоть до конца 1943 года.

1 отряд получал от штаба бригады руководящие директивы, определявшие характер его деятельности. Кроме того, база бригады, вплоть до того момента, когда отряд укрепился в своём районе и установил радиосвязь с Латвийским штабом партизанского движения в Москве, оказывала ему необходимую помощь вооружением и командными кадрами.

Благодаря четкому руководству Оперативной группы ЦК КП(б) Латвии, работа по централизации и дальнейшему развертыванию партизанского движения на территории Латвии проходила успешно.

2-й латвийский партизанский отряд (командир Ратинь, комиссар Блюм) перебазировался в Лубанский лесной массив; часть боевых групп 3-го отряда во главе с комиссаром бригады Ошкалном — в Екабпилсские леса; группа Мацпана — в район города Айзпуте. В Восточной Латвии (в Даугавпилсском уезде и южных волостях Лудзенского и Резекненского уездов), а также в Освейском районе под непосредственным руководством штаба бригады действовали 3-й отряд (командир Пизан, комиссар Бравин), вновь сформированный 5-й отряд (командир Бриссон, комиссар Павулинь) и бригадная разведка. В Риге действовала подпольная антифашистская организация под руководством члена Центрального Комитета ЛКСМ Латвии Иманта Судмалиса. Поздней осенью были уже оформлены все четыре подпольные областные комитеты КП (б) Латвии — Латгальский, Видземский, Земгальский и Курземский.

Таким образом, осенью 1943 года во всех четырёх частях Латвии и в городе Риге были созданы организационные центры антифашистской борьбы. От них тянулись нити связи к оперативной группе ЦК КП (б) Латвии, базировавшейся в Восточной Латвии. Централизация движения сопротивления в масштабе всей Латвии в главных чертах была закончена.

3. БЫСТРЫЙ РОСТ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ И АКТИВИЗАЦИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИИ ПАРТИЗАН

Тактика и боевые успехи 1-го отряда летом и осенью 1943 года

Как мы уже выяснили, в этот период развития партизанского движения на территории Северной Латвии, т. е. летом и осенью 1943 года, главным звеном в деятельности партизанских отрядов были мероприятия организационного и политико-воспитательного характера. Одновременно с перебазированием и охватом новых районов Северной Латвии партизаны начали развертывать боевые операции, которые постепенно становились все более интенсивными.

За лето 1943 года 1 отряд значительно вырос. В начале сентября в его рядах, включая также и подотряд Калвана— Рашкевица, насчитывалось несколько сот вооруженных бойцов.

Однако и эти силы были слишком малы для того, чтобы выделить для военных действий во всех районах Северной Латвии более или менее значительные боевые группы. Это обстоятельство определило боевую тактику отряда, характерную тем, что операции проводились небольшими партизанскими боевыми группами в наиболее важных в стратегическом отношении районах.

Основными видами операций, проводившихся группами, были взрывы железнодорожных путей, ночные налеты на местные оккупационные учреждения, внезапные атаки из засад на небольшие отряды оккупантов, на штабные и транспортные машины, не считая, конечно, постоянных стычек с бандами местных полицейских. Эта тактика давала возможность отряду с минимальным количеством бойцов достигать максимально возможных результатов военного характера и значительно расширять район операций. Партизанская мудрость гласит: чем меньше численность бойцов в оперативных группах, тем в большем количестве может их выделить отряд и тем больше, следовательно, ударов будет нанесено врагу. Эта тактика принуждала оккупантов расплывать свои силы по всему обширному району деятельности отряда. Небольшие группы после выполнения операций всегда могли незаметно возвратиться на базу, которая, как правило, никогда не находилась поблизости от объекта операции, и поэтому противник был вынужден без какого-либо плана кидаться с места на место, безуспешно разыскивая места скопления партизан. Такие операции выводили оккупантов из себя, ибо партизан так и не удавалось найти. Зато население теперь на гораздо большей территории наблюдало активность партизан и получало ясное представление о мощи партизанского движения, что, несомненно, повышало популярность партизанской борьбы.

Такой боевой тактике партизан оккупанты могли противопоставить только одно — усиление охраны всей «находившейся под угрозой» территории. Это, по сравнению с тактикой оккупантов, применявшейся в борьбе с партизанами в 1942 году, в основе которой лежали действия нескольких быстро перебрасываемых карательных отрядов, требовало несравненно большего количества живой силы и техники. Однако осуществление даже этой меры давало лишь незначительные результаты. Решающего успеха в борьбе с партизанами немцы добиться так и не могли. В худшем случае оккупанты могли уничтожить одну оперативную группу партизан, но не весь отряд — жизненный нерв, центр связи и руководства десятком таких групп. Партизаны Латвии перешли к тактике наступления в полном смысле этого слова.

Разнообразнее стали к этому времени и формы партизанской борьбы. В боевых операциях начали принимать участие легальные агенты партизанской разведки и сочувствующие: сначала лишь в качестве проводников и помощников, а впоследствии, когда они приобрели необходимый боевой опыт, партизаны стали возлагать на них и самостоятельные боевые задания. Особенно активно в этом отношении проявили себя рабочие железной дороги и Абрэнского депо. Искусно пользуясь своим легальным положением, они провели несколько серьезных подрывных операций, не говоря уже о многочисленных случаях саботажа, повреждения путей и подвижного состава, которые имели место почти ежедневно. Здесь следует отметить, в первую очередь, взрыв двух фашистских воинских эшелонов на переводе Резекне — Остров, осуществленный в конце июля. Эти операции по поручению разведчасти отряда и при помощи доставленных ею мин провели железнодорожники Я. Петров (из деревни Пузырёво) и Уланов с сыном Николаем (из деревни Силище).

В районе деятельности 1-го отряда в активную борьбу с оккупантами включались все более широкие народные массы.

Летом и осенью 1943 года особое внимание было уделено подрывным операциям на железных дорогах, имевших тогда особенно большое стратегическое значение для немцев. В то время на южных секторах советско-германского фронта развернулись грандиозные бои: Советская Армия, разгромив немецкие танковые и мотомеханизированные армии у Курской дуги, очистила от оккупантов левобережную Украину и форсировала Днепр. С целью хотя бы немного выправить положение на юге, верховное командование немецких вооруженных сил начало поспешно перебрасывать туда войска и технику из северных секторов, частично с Ленинградского и Волховского фронтов. Задача 1-го отряда заключалась в том, чтобы как можно чаще и на более продолжительное время выводить из строя основную железнодорожную магистраль Псков-Даугавпилс, по которой перебрасывались войска противника.

Результаты операций за четыре месяца — с середины июля по ноябрь — говорят о том, что отряд со своей задачей справился довольно успешно. За это время были пущены под откос 33 фашистских воинских эшелона (не учитывая операций, проведенных подотрядом Калвана).

Особенно успешным был осенний период, когда длинные и темные ночи значительно облегчали проведение операций. Успешному выполнению задачи способствовало также и то обстоятельство, что к тому времени Латвийский штаб партизанского движения в целом мог удовлетворить потребность отрядов в взрывчатке и механизмах, недостаток которых партизаны Латвии, к сожалению, испытывали в продолжение всей войны и особенно летом 1944 года. Часть необходимых взрывчатых веществ отряду удалось раздобыть на месте, своими силами. Так, например, летом 1943 года отряд на несколько центнеров увеличил свои запасы тола, разряжая подобранные снаряды и мины. Летом 1944 года несколько сот килограммов тола и мин было отбито у оккупантов.

Особенно больших успехов добились в своих «набегах» на железные дороги подрывники взвода разведки и партизаны подотряда Ларионова. Именно в это время выдвинулась славная плеяда подрывников отряда — Балтынь, Кононов, Паэглис, Лепкин, Кузьмин и другие. Они, в свою очередь, подготовили «третье поколение» партизанских подрывников Северной Латвии, действовавших позже в рядах I Латвийской партизанской бригады.

Осуществляя подрывные операции по предварительно разработанному плану, отряд добился значительной эффективности ударов. Железнодорожный узел Абрене был буквально заключен в огненное кольцо.

В качестве иллюстрации приведем лишь две выписки из боевого журнала 1-го отряда, свидетельствующие о силе операций, проводившихся на главной магистрали противника в конце октября и начале ноября.

«...В ночь на 20 октября в 2-х километрах северо-восточнее станции Карсава взорван направлявшийся на фронт эшелон с живой силой противника. Паровоз и пять вагонов с войсками разбиты... Много жертв. Движение прервано на 6 часов. Минировали Паэглис, Егоров и другие.

...В ночь на 22 октября в 2-х километрах севернее станции Скангали пущен под откос направлявшийся на фронт эшелон из 60 вагонов и нескольких платформ с автомашинами. Разбиты паровоз, 3 вагона, 2 платформы. Имеются жертвы. Минировали Д. Кузьмин, Быстров и другие.

...В ночь на 22 октября в 2-х километрах восточнее станции Нирза взорван направлявшийся на фронт эшелон. Спущены под откос и разбиты паровоз и 3 вагона с грузом. Повреждены 3 вагона. Движение прервано на 12 часов. Минировала группа Балтыня.

...В ночь на 22 октября в 3-х километрах северо-восточнее Абрене взорван эшелон с награбленным немцами в прифронтовых районах имуществом. Под откос спущены паровоз и 2 вагона, 3 вагона сильно повреждены. Минировала группа Кононова.

...В ночь на 23 октября в 2-х километрах южнее станции Пундурн взорван шедший с фронта эшелон из 40 вагонов. Сильно повреждён весь состав. Разбит паровоз и 6 вагонов с живой силой. По агентурным сведениям под обломками погибло 60 гитлеровцев, а около 130 фашистов ранено. Минировали Кузьмин, Быстров и другие.

...В ночь на 24 октября в 3-х километрах северо-восточнее Абрене подорван направлявшийся на фронт эшелон. Паровоз перевернулся, 3 вагона разбиты, 6 повреждены. Минировал Лепкин со своей группой.

...В ночь на 26 октября близ станции Пираги взорван возвращавшийся с фронта эшелон с войсками. Мина взорвалась посередине состава. 10 вагонов разбиты и сброшены под откос. Минировали Кононов, Лепкин.

...Вечером 27 октября в 1,5 км западнее станции Пираги группа Кононова взорвала направлявшийся на фронт эшелон. Разбиты паровоз и 3 вагона с солдатами. Один вагон с грузом сгорел.

...В ночь на 29 октября северо-восточнее станции Вавере Кононов и Лепкин взорвали следовавший из Абрене состав. Разбиты паровоз, а также 3 вагона, в которых ехали направлявшиеся в отпуск офицеры и солдаты. Много жертв».

В ноябре в связи с ограниченными запасами взрывчатки количество операций на железных дорогах несколько сократилось.

«...В ночь на 11 ноября в 2-х км юго-западнее станции Малнава группа под руководством Паэглиса взорвала шедший с фронта эшелон с различными военными грузами.

...В ночь на 15 ноября в 2-х км западнее станции Пираги группа Кононова взорван следовавший с фронта эшелон, груженный автомашинами...

...В ночь на 17 ноября несколько южнее станции Скангали группа Кузьмина взорвала шедший с фронта состав с живой силой. По сведениям агентуры убито и ранено 110 немцев и 193 полицейских.

...В ночь на 18 ноября в 2-х км северо-восточнее станции Вавере взорван эшелон с живой силой противника. Спущены под откос паровоз и 7 вагонов, остальные 8 вагонов сильно повреждены. Вызванный на место катастрофы санитарный поезд в течение 8 часов подбирал убитых и раненых. Убитых и тяжело раненных около 400 фашистов. Минировала группа Кононова.

...В ночь на 19 ноября группа подрывников во главе с Фроловым в 5 км юго-восточнее станции Пурмала подорвала направлявшийся в Абрене эшелон с различными военными материалами. Сброшены под откос и разбиты 17 вагонов.

...20 ноября ударная группа подотряда Поча во главе с Балодисом (Артуром) во время ночного налета разгромила сильно укрепленный Скангальский сторожевой железнодорожный пост и склады. Железнодорожное движение прервано на 10 часов...»

Все эти операции, за исключением последней, когда партизаны потеряли одного убитого и один был тяжело ранен, обошлись без потерь. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что получить сведения о всех потерях, понесенных противником, не было никакой возможности. Оккупанты всевозможными средствами скрывали их. Места крушений обычно оцеплялись войсками, и жителей не пропускали туда до тех пор, пока все следы катастрофы не были уничтожены.

О результатах операций можно было узнать только косвенным путем, например, по количеству раненых, помещенных в госпитали и больницы, по рассказам железнодорожных рабочих и т. п. Понятно, что собранные таким образом сведения обычно не отличались полнотой.

Каждая такая операция наносила оккупантам ущерб не только в технике и живой силе. Оккупанты теряли драгоценное время, ибо освобождение и ремонт путей после каждой операции требовали, как правило, многих часов. Нарушался график движения эшелонов, создавались пробки, приходилось уменьшать скорость движения поездов. И всё это случалось всегда в такое время, когда оккупантам нужно было срочно перебрасывать войсковые части. Движение военных эшелонов находилось под постоянным и неусыпным «контролем» партизанской разведки.

Осуществление подрывных операций на железнодорожных коммуникациях немцев сопровождалось большими трудностями и было полно опасностей. Для охраны железных дорог фашисты выделяли значительные силы. На линиях в изобилии были разбросаны фашистские сторожевые посты, патрули и пулемётные гнезда; на дорогах и тропинках, ведущих к железной дороге, через каждые несколько километров были устроены засады и ловушки. Проникнуть сквозь эту систему охраны могли только небольшие партизанские группы из 4—5 опытных бойцов, хорошо знакомых с местностью и сторожевой системой оккупантов. Поэтому выполнение заданий поручали обычно отважным разведчикам отряда — комсомольцам.

Вот что рассказывал автору об одной из своих подрывных операций, общее число которых достигло полутора десятков, один из лучших подрывников, латгальский комсомолец Василий Кононов.

«Ноябрь 1943 года по сравнению с первыми осенними месяцами был для нас очень неблагоприятным. В первых же числах хлынули проливные дожди; канавы, ручьи и реки вышли из своих берегов, заливая окрестность. Поля и луга настолько раскисли, что превратились в болота. Передвигаться можно было только по дорогам и тропинкам. Все это очень затрудняло, а иногда делало совсем невозможным выполнение боевых заданий. Но их нельзя было прекратить ни на одну неделю. В это время по контролируемой нами магистрали (Ленинград—Варшава) оккупанты перебрасывали свои дивизии и технику с северных секторов на юг, где Советская Армия, руководимая товарищем Сталиным, осуществляла блистательные операции, освобождая от фашистского ига Советскую Украину. Партизаны не могли спокойно наблюдать за тем, как фашистские захватчики беспрепятственно перегруппировывали свои силы. В эти дни партизанские отряды Северной Латвии получили приказ — остановить этот поток эшелонов. В выполнении этой задачи значительную роль сыграл наш подотряд, ибо он действовал в районе



Один из лучших партизан-подрывников Северной Латвии, командир взвода — Василий Кононов.

станции Абрене — этого важнейшего узла железнодорожной магистрали стратегического значения.

С городом Абрене мы в это время были связаны сетью подпольных связей. В самом городе у нас была целая группа хороших разведчиков, которая регулярно, со всеми подробностями информировала подотряд о движении войсковых частей через станцию Абрене. Среди этих разведчиков — жителей Абрене, которые прекрасно выполняли задания командования, имелись железнодорожные рабочие, представители учащейся молодежи и интеллигенты. Особенно ценные сведения доставляли сестры Клава и Шура Семёновы, которые учились в абренской гимназии. Обе они владели немецким языком и всегда находили наилучшие источники информации. Большую и важную для партизан работу проводил уже немолодой абренский врач Переплётников. Немцы заставили его оказывать медицинскую помощь проезжим немецким офицерам. Беседуя со своими «пациентами», советский патриот в невинной форме расспрашивал их и многое узнавал о положении на фронте, об ожидаемых перебросках войсковых частей противника и т. д. Немцам мало помогли лекарства доктора Переплётникова. Свои медицинские познания он применял, оказывая врачебную помощь местным жителям, а также раненым и больным партизанам нашего отряда.

17 ноября наши разведчики принесли из Абрене важные сведения: с фронта прибыли эшелоны с войсками, на станции формируется состав из пассажирских вагонов для отправки на юг офицеров и эсесовцев. Поезд отправлялся в ночь с 17 на 18 ноября в 1.00 на Резекне. Кроме того, нам стало известно, что вечером начальник абренского гарнизона и начальник полиции организуют очередную попойку в связи с одним из престольных праздников ульмановской клики. Немецкие офицеры и эсесовцы перед своим отъездом обещали «осчастливить» этот вечер своим присутствием.

Мы немедленно решили не пускать этих выродков дальше, а уготовить им могилу здесь, в Латвии. Темная ночь и пиршество должны были облегчить нам выполнение этой задачи.

В это время я ходил на боевые задания обычно с тремя партизанами — с Лёней, Ваней и молодым партизаном Геней. Геня пришел к нам недавно, принес с собой в кармане всё своё вооружение — две гранаты и ракетницу, и попросил принять его в ряды народных мстителей. Судьба этого латгальского юноши была очень тяжелой. В 1942 году он вместе со своей семьёй был арестован и отправлен в ненавистный «Рейх» на принудительные работы. Пережив огромные лишения и подвергаясь серьезному риску, молодой патриот убежал из лагеря и тайком пробрался обратно в Латвию. Могли ли мы отказать ему в его просьбе? Конечно, нет!

Эта операция была его первым боевым крещением.

День мы провели в деревне Бредники у гостеприимной хозяйки тети Насти. Это была одна из тех горячих советских патриоток, которые не боялись ни угроз и застенков гестапо, ни косых взглядов шнырявших вокруг шпиков. Она всегда тепло принимала партизан, кормила их, а прощаясь с ними, всегда наказывала: «Заходите почаще. Будем вас ждать. Когда вы поблизости, я чувствую себя как-то увереннее».

К выполнению задания мы готовились долго и тщательно. Прежде всего приготовили мину. Это была самодельная партизанская мина. Она состояла из заряда — куска плавленого тола, весом в 12 килограммов, и простейшего взрывателя, так называемого МУВ'а — металлического цилиндра длиной в 15 сантиметров и толщиной с карандаш. На одном конце его находилась

пружина с ударником, на другом — капсюль и детонатор. Натянутую пружину сдерживал предохранитель. Достаточно было его вырвать, как соскакивал ударник; от удара воспламенялся капсюль, затем — детонатор, который в свою очередь взрывал заряд тола. Такие мины партизаны-подрывники зарывали в землю под железнодорожными рельсами и тщательно маскировали. К предохранителю привязывали длинный шнур, а сами, держа в руках другой его конец, прятались где-либо в кустах. Когда фашистский эшелон проезжал над миной, потянув за верёвку, в любой момент можно было взорвать мину. Этот способ взрыва, который партизаны называли «взрывом с удочкой», был самым эффективным, но в то же время и самым рискованным, ибо взрывная волна могла задеть и самих партизан.

«На сей раз пусть фашистские офицеры сами взорвут себя, не хочется руки пачкать», — сказал я ребятам, обстригая колышек, к концу которого я привязал веревку. Лёня и Ваня понимающе закивали головами. Теня с удивлением смотрел на нас.

«Да, да», — поймав взгляд молодого партизана, начал деловито объяснять Лёня: «Мы воткнём этот невинный колышек между железнодорожными рельсами и привяжем второй конец верёвки к предохранителю. В темноте фрицы не заметят колышек; они будут пялить глаза на кусты, ожидая партизан именно оттуда. А паровоз наедет на колышек, опрокинет его, потянет за верёвку и вырвет предохранитель, и мина взорвется. Просто и верно»...

Мы ещё раз осмотрели мину, добавили к ней оставшиеся два килограмма тола, и Лёня со вздохом положил мину в рюкзак: это ведь был последний заряд. «В другой раз было бы жалко потратить так много тола, но ради отправки к праотцам этих арийских головорезов не жаль и последнего». Я понимал Лёню. Со взрывчаткой у нас в подотряде были большие затруднения. Тол в последнее время можно было раздобыть, лишь разряжая немецкие снаряды, которых становилось всё меньше и меньше. К тому же это очень опасная операция и проделывалась она обычно в лагере отряда. Пополняя запас взрывчатки, нам нужно было пройти туда и обратно не менее полутора сотен километров. Тяжелые мешки с толом несли на спине. При этом приходилось переходить незамерзшие болота, переплывать реки, обходя гарнизоны противника и засады. Так что каждый килограмм тола был для подрывников большой ценностью, которая стоила огромных сил, а подчас даже жизнью. Спустя два месяца, проделав такой тяжёлый переход за толом и минами, погиб Лёня Лепкин. Тропкою пересекая болото, он наткнулся на берегу реки Зилупе на целую толпу фашистов. Молодой герой бился до последнюю патрона и — уже безоружный — взорвал себя гранатой...

Мы осмотрели оружие. Хозяйка вышла первой — посмотреть, что делается вокруг. Мы попрощались с приветливой «тетей Анастасией» и отправились в путь.

На улице свирепствовал ветер, дождь лил как из ведра. Было совершенно темно, вмиг мы промокли до нитки. С первых же шагов мы поняли, что сегодняшний переход до места операции будет особенно тяжёлым. Однако никому из нас не пришла в голову даже мысль отложить операцию.

До железной дороги надо было пройти около 8 километров. Сначала мы шли вдоль выгона, держась один за другого, чтобы не потеряться в темноте. Дорогу нащупывали ногами. Но вскоре мы её потеряли и пошли напрямик, через луга и пашни, с большим трудом вытаскивая ноги из липкой грязи. Иногда проваливались в глубокие канавы и выбирались из них промокшими с головы до ног. Так брели мы молча часа два-три, проклиная фашистов и непогоду. Через каждые 200 метров один из нас подменял несшего мешок с толом. Казалось, пути не будет конца...

Наконец немного посветлело — впереди показалась река Ритупе. Она делала здесь крутой поворот и подходила совсем близко к железной дороге — на расстояние пары сот метров. Однако сейчас было трудно узнать эту реку, которую нам не раз приходилось переходить вброд. Она вышла из берегов и неслась могучим потоком, достигавшим в ширину 100 метров. Тщетны были наши надежды на лодку или плот, при помощи которых мы обычно перебирались через реку: то ли хозяева спрятали, то ли вода унесла их вниз по течению. Можно было добраться до другого берега вплавь, но и на это не было также никакой надежды — вода была холодна, как лёд, а течение очень быстрое, мы уже выбились из сил.

Имелась ещё одна возможность перебраться на ту сторону, которую раньше мы не принимали в расчёт. Однако сейчас другого выхода не было. Нельзя же было остаться на этой стороне и смотреть, как спокойно уезжают фашистские офицеры. Это был путь через мельничную плотину и мост, на котором, как это всем было известно, немцы всегда держали засаду. Ещё совсем недавно здесь был ранен партизан из соседнего подотряда. Но сейчас мы могли добраться до железной дороги только по этому роковому мосту. Как раз напротив мельницы протянулась высокая, круто поворачивавшая железнодорожная насыпь. Это — идеальное место для партизанского налета на фашистский эшелон. Поэтому мы решили рискнуть. Риск в данном случае имел некоторое оправдание: не было никакого сомнения, что полицейские в честь «праздника» хорошо угостили немцев, что они, видимо, уже навеселе, и мы первыми заметим их. Кроме того, можно было ожидать, что ливень загонит избалованных арийцев куда-нибудь под крышу и мы сможем незаметно проскользнуть мимо. А если нас и заметят, будем отстреливаться. Фрицы по ночам стреляют плохо и жгут патроны только лишь для смелости.

Мы приготовили автоматы и начали медленно продвигаться вперед. Я с Ваней шёл впереди и осматривал подозрительные места.

Оставалось всего несколько десятков метров до едва заметного в темноте силуэта мельницы, как вдруг меня остановил неясный шум. Откуда-то, словно из-под земли, доносилась сердитая ругань. Наконец я понял, что это Ваня провалился в глубокую яму и теперь барахтается в ней и ругается, так как никак не может из неё выбраться. Если только немцы здесь где-нибудь поблизости, они непременно должны услышать поднятый Ваней шум. Надо было быстро действовать. Я передал Гене, чтобы он помог товарищу выбраться из ямы, а сам вместе с Лёней, обогнув мельницу, бросился к мосту, где мы и залегли. Все было тихо. Если бы вблизи были фрицы, то после такого шума они непременно начали бы стрелять и пускать осветительные ракеты. Надо было перебираться на другую сторону, медлить нельзя было.

Я первым быстро перебежал через мост, зная, что остальные поддержат меня автоматным огнем, в случае, если впереди все же окажутся фрицы. Но путь был свободен. Перешли через мост и остальные. Ни одного выстрела, только где-то в отдалении слышался неясный шум.

На другой день выяснилось, что на том конце моста действительно была засада — два немца и полицейский с пулемётом. Сидя под раскинутой палаткой, мертвецки пьяные, они, видимо, задремали. Поднятый Ваней шум не на шутку напугал их. У страха глаза велики, и поэтому на всякий случай они поспешно спрятались на ближайшем сеновале, где и провалялись до утра, там-то они как «сообщники партизан» и были арестованы гестаповцами.

К железнодорожной линии мы подошли около полуночи. Было тихо, поезда не ходили, только время от времени слышались тяжелые шаги — то стучали по шпалам подбитые гвоздями сапоги

немцев. Это были патрули. Снизу их темные силуэты были довольно хорошо видны на фоне неба.

Метрах в пятидесяти от нас, рядом с железнодорожной насыпью стояла будка железнодорожного сторожа с наблюдательной вышкой, на которой днём дежурили немцы. Здесь находилась вторая смена патрулей. Сквозь дверную щель пробивался свет, слышались пьяные голоса немцев.

Место для минирования мы выбрали как раз напротив будки, так как здесь был самый крутой поворот железнодорожной линии.

Вот где полетят под откос вагоны с эсесовцами!

Для выполнения боевого задания мы разделились. Леня и Геня остались внизу у будки и блокировали её. Я наказал им: в случае тревоги забросать будку гранатами и не выпускать оттуда ни одного немца. Ваня пошел со мною, чтобы заложить мину. Трудно было взобраться по крутому склону насыпи. Несколько раз мы скатывались вниз, пока, наконец, цепляясь за траву, не достигли вершины насыпи. И сразу же услышали знакомый стук немецких сапог. Мгновенно мы спустились несколько по краю насыпи и приникли к земле, направив автоматы на приближавшиеся силуэты немцев. В двух шагах от нас, стуча коваными каблуками, прошли две пары немецких патрулей с двумя ручными пулемётами.

Когда они исчезли в темноте, мы с Ваней снова взобрались на насыпь, выбрали место и кинжалами начали рыть яму между шпалами.

В две минуты все было сделано: мина заложена и замаскирована, колышек воткнут и — самое опасное — верёвка привязана к предохранителю. Привязать в темноте верёвку к предохранителю — дело не легкое. У того, кто хоть раз в своей жизни проделал это, при одном воспоминании по спине пробегает холодная дрожь. Минёр должен работать с особой точностью, наблюдая одновременно за окрестностью. Он не смеет ошибиться, — минёр ошибается лишь один раз в жизни...

Разбросав вырытую землю, спустились с насыпи, и все четверо отошли метров на сто, к кустам. Дальше идти было нельзя. Мы придерживались правила: не уходи, пока ты не убедился, что мина взорвалась. Засели в кустах и стали ожидать.

Беспокойство ребят росло. Казалось, давно прошло уже то время, когда должен был показаться поезд. Неужели он так и не придет? Тогда все труды были напрасны. Наконец, со стороны Абрене долетел гудок паровоза. Все оживились и повернулись лицом в сторону Абрене, где начало заметно светать. Затем из темноты вынырнули два снопа света. Обреченный поезд быстро приближался к нам. Было ясно, что ничто уже не может его остановить...

Мы вскочили на ноги и, почти не маскируясь, побежали по мельничной плотине. Вот мы уже на той стороне и оглядываемся. Что это, паровоз как будто уже проехал то место, где мы заложили мину? Неужели она не сработала?.. Мощный взрыв прерывает все наши сомнения. На линии тухнут огни, что-то трещит, опрокидывается, ломается. С громким шумом из разбитого паровоза вырывается пар.

Мы поспешно отходим. Шум затихает. Тогда, наконец, в воздух взлетают первые ракеты и начинается яростная стрельба: стреляют из ближайших гарнизонов, стреляют оставшиеся в

живых немцы из эшелона, в страхе им всюду мерещатся партизаны. Выстрелы сопровождают нас всю дорогу, вплоть до самого утра.

Обратный путь ещё более труден. Мы едва передвигаем ноги. Далеко нам сегодня не уйти, поэтому мы заворачиваем в деревню Ракитня. Идем к «тетке Варе» — матери отважных партизанских разведчиц Клавы и Шуры. Три удара в оконное стекло. Хозяйка, не спрашивая, открывает дверь, выпускает нас в комнату, завешивает окна и лишь тогда зажигает огонь.

Мы страшно устали и замерзли. Хозяйка понимающим взглядом осматривает нас и говорит: «Ночью я проснулась от сильного взрыва. Я сразу подумала, что это вы». Видя, что мы медлим с ответом, она прибавляет: «Лучше всё же, когда мы знаем в чем дело: днём будем вас тщательно охранять. Завтра по всем деревням будут рыскать немцы, может быть, доберутся и до нашей».

С благодарностью смотрим на отважную крестьянку. Мы так устали, что отказываемся от предложенного завтрака. Выпили по стакану теплого молока, обсушили одежду и идем на сеновал — постоянное место отдыха и убежище. Несём с собой целый ворох одеял и подушек, которыми снабдила нас хозяйка. Когда мы улеглись на сене, уже начало светать. Проснулись к вечеру, когда сын хозяйки Виктор принёс нам обед. Он рассказал, что все вокруг спокойно, до нашей деревни преследователи еще не дошли.

Вечером из Абрене возвратились наши разведчицы — Клава и Шура. Уже по их лицам мы видим, что взорвали именно тот эшелон, который хотели. Арийцы понесли заслуженное наказание. В ту ночь все немцы в Абрене были пьяны, поэтому лишь к утру удалось им собрать аварийную бригаду с охраной и послать её на место катастрофы. Они вернулись поздно вечером злые и раздраженные и с видимым страхом несли околесицу о том, что будто бы большие силы партизан всю ночь обстреливали эшелон и только поэтому там так много жертв.

А жертв и в действительности было много. Паровоз и 7 пассажирских вагонов с фашистами были сброшены под откос. Три из них были полностью разбиты. Остальные 8 вагонов, хотя и остались на рельсах, были сильно помяты и поломаны. Трупы немцев плавали в лужах собственной крови. Было убито и тяжело ранено свыше 400 фашистских офицеров и эсесовцев. Вызванный на место катастрофы санитарный поезд простоял здесь 8 часов, собирая раненых... Так от партизанской мины проклятые захватчики нашли свою смерть на временно оккупированной советской земле».

Рассказывая об успешных действиях на коммуникациях противника, нельзя не упомянуть о тех результатах, которых добились латвийские партизаны в так называемой «рельсовой войне». В августе 1943 года по приказу Центрального штаба партизанского движения «рельсовую войну» одновременно начали партизаны всех временно оккупированных областей и республик Советского Союза. Смысл такой грандиозной операции состоял в том, чтобы, взорвав на всей оккупированной территории одновременно во многих пунктах железнодорожные пути и сооружения, на длительное время вывести из строя важнейшие железнодорожные магистрали, служившие немцам. Причем надо учитывать, что запасы рельсов в оккупированных областях были невелики, а для того, чтобы привезти их требовалось немало времени. Партизаны взрывали рельсы повсюду, где только возможно было это сделать: на железнодорожных путях, на путевых стеллажах, на складах и т. д. «Рельсовая война» была эффективным средством, значительно ослабившим пропускную способность железнодорожного транспорта.

Партизаны 1-го отряда за время «рельсовой войны» взорвали свыше 3 000 железнодорожных рельсов, а партизаны 4-го отряда — около 6 км железнодорожных путей, и лишь ограниченные запасы взрывчатых веществ не давали возможности удвоить и утроить эффективность этих операций.

* * *

Штаб 1-го отряда, хозяйственная часть, госпиталь, радиостанция и их охрана — всего около 4 боевых взводов — по-прежнему находились в районе г. Зилупе. На латышских партизан здесь была возложена задача охраны западной границы Себежского партизанского района. Часто происходили стычки с разведчиками противника и отрядами полицейских, которые пытались просочиться в партизанский район с целью грабежа местного населения, сочувствовавшего партизанам. Нередко среди этих мародеров были и латышские пограничники и полицейские. Не раз им приходилось удирать от латышских партизан, оставляя убитых и награбленное добро. Так, 31 июля около 100 полицейских во главе с немецкими офицерами атаковали деревню Ноглово с целью конфисковать у крестьян только что снятый урожай ржи. В деревне обычно помещался штаб 1-го отряда и его хозяйственная часть. Несмотря на то, что во время наступления фашистов там находился только один взвод партизан полицейские были отброшены и, потеряв свыше десяти убитых и раненых, в панике бежали, проклиная немецких офицеров, обещавших лёгкую победу и богатую добычу. Местные жители были глубоко благодарны латышским партизанам, защищавшим их от произвола оккупантов и полицейских.

Летом и осенью 1943 года немцы неоднократно предпринимали попытки разгромить Себежский партизанский район большими силами карательных экспедиций. Партизанский район был бельмом на глазу также и для латышских полицейских. Однако выбить партизан из этого района этим объединённым силам так и не удалось; только иногда и то лишь на непродолжительное время партизаны уходили в лес. В общей сложности силы партизан были внушительными³⁵ и в нужном случае всегда могли оказать гитлеровцам серьёзное сопротивление, а оккупанты были уже не в силах позволить себе роскошь держать продолжительное время сконцентрированными в одном месте крупные войсковые и полицейские формирования, ибо число партизанских районов в оккупированных советских областях насчитывалось уже не десятками, а сотнями. Кроме того, немцы должны были непрерывно возмещать те колоссальные потери, которые они несли на фронте. Это требовало «тотальной» мобилизации и очень экономного использования последних людских резервов.

В бессильной злобе оккупанты начали систематически бомбить с воздуха занятые партизанами деревни Себежского района. Всю осень, особенно сентябрь, партизаны подвергались постоянным налётам авиации. 1-му отряду удалось повредить один фашистский самолет, который вынужден был приземлиться на болоте возле Себежа.

В ночь на 19 ноября, как уже было сказано, подотряд Поча совершил успешный налёт на скангальский гарнизон железнодорожной охраны, состоявший из 19 человек, и полностью разгромил его. Партизаны взяли богатые трофеи и уничтожили большой склад боеприпасов. Эта смелая операция была проведена в наиболее тщательно охранявшемся немцами месте, на глазах карсавского и абренского гарнизонов, и сильно встревожила оккупантов. Через несколько дней из Резекне прибыл целый немецкий пехотный полк с артиллерией. После массированного артиллерийского обстрела гитлеровцы окружили и прочесали ближайший лес, но тщетны были

³⁵ В районе помимо латышских партизан обычно находились 4—5 бригад калининских партизан.

их поиски. Взвод А. Балодиса в это время уже отдыхал в безопасном месте — в Тилжских лесах. Попусту потратив два дня, экспедиция прекратилась.

Из остальных крупнейших операций 1-го отряда за этот период следует выделить налеты на четыре волостных управления Абренского и Лудзенского уездов. Выбив охрану, партизаны уничтожили мобилизационные документы и личные счета по поставкам. На близлежащих дорогах отряд уничтожил десяток грузовых и легковых машин с оккупантами; в стычках и из засад — несколько десятков полицейских и немцев. Кроме того, партизаны разрушили на протяжении многих километров телефонную связь, взорвали четыре больших шоссе и железнодородных моста и т. д.

Подотряд Калвана, оформившийся в ноябре в самостоятельный 4-й отряд, взорвал за этот период три воинских эшелона с оккупантами и одну мотодрезину, осуществил несколько успешных операций по подрыву железнодородных линий. Одна из них (в ночь на 21 ноября) была проведена недалеко от станции Пурмала после ожесточённого боя с железнодородной охраной. Отогнав противника, потерявшего 6 человек убитыми боевой взвод отряда взорвал 2,6 км пути, стрелки и дрезину.

Потери партизан Северной Латвии за этот период были ничтожны. Потери немцев за это же время, по далеко не полным данным, были в 40 раз больше.

Хозчасти 1 и 4-го отрядов и группы содействия хорошо воспользовались благоприятной сухой осенней погодой, подготовив к зиме склады зерна, картофеля и других продуктов. Непрерывный численный рост отрядов требовал более четкого организованного снабжения.

Осенью в 1-й отряд влилось много военнопленных, бежавших — очень часто благодаря непосредственной помощи партизан — из концентрационных лагерей.

* * *

Контрмеры оккупационных властей, предпринятые летом и осенью 1943 года в связи с быстрым ростом партизанского движения

Партизанское движение в Северной Латвии превратилось в грозную силу, с которой гитлеровцы не могли справиться, но которая наоборот, изо дня в день становилась всё более внушительной. Такое же положение наблюдалось и в других районах Советской Латвии.

25 октября 1943 года так называемый «начальник СС и полиции Латвии» вынужден был издать секретное «распоряжение для обеспечения личной безопасности каждого члена штаба командующего», которое свидетельствует о том, что к этому времени в Латвии широко развернулось партизанское движение и что немцы смертельно боялись его.

Приводим выдержку из этого распоряжения. «...Усилившаяся деятельность групп (партизан — Ред.) приводит к почти ежедневным нападениям. Даже вблизи населённых пунктов и в городах уже были совершены нападения как на отдельных лиц, так и на легковые и грузовые машины с пассажирами.

Поэтому приказываю следующее:

- а) каждый офицер, чиновник, унтер-офицер и вахмистр не должен ходить в одиночку с наступлением темноты;

- б) офицеры, чиновники, унтер-офицеры и солдаты должны всегда носить огнестрельное оружие наготове;
- в) работники штаба не должны, по возможности, ходить в одиночку с наступлением темноты. Если они всё же должны выходить по делам службы в вечернее и ночное время, то им, следует просить для охраны в качестве провожатых офицеров, чиновников, унтер-офицеров или солдат.
Их просьба должна быть удовлетворена, поскольку это не препятствует в значительной мере выполнению служебных поручений;
- г) входы в учреждения, казармы, гаражи, склады горю- г; чего и т. д. должны с наступлением темноты запираются на ключ, если они не охраняются особо; квартиры должны быть всегда на запоре;
- д) поездки мотосредств вне расположения частей по возможности не должны проводиться с наступлением темноты.

При всех поездках вне расположения частей должны быть взяты с собой заряженные автоматы. Достаточная охрана провожатыми обеспечивается по приказу.

Настоящее распоряжение должно быть немедленно сообщено всем работникам штаба командующего и ознакомление с ним должно ежемесячно повторяться. Вновь прикомандированные должны быть немедленно ознакомлены»³⁶.

Земля Советской Латвии горела под ногами фашистских оккупантов. Эти контрмеры оккупантов свидетельствуют о серьезности создавшегося положения. Характерно, что фашистская газета «Тевия», которая в 1942 году пренебрежительно высмеивала и «опровергала» сообщения Советского Информбюро о деятельности партизанских групп на территории оккупированной Латвии и была готова даже полемизировать со шведскими и другими иностранными газетами по вопросу о «возможности» партизанского движения в Латвии, летом 1943 года потеряла всякое желание, затрагивать эту тему. Уж слишком многочисленны были те факты, которые не могли открыто отрицать даже продажные писаки из этого бульварного листка. Они перестали даже угрожать партизанам, так как, видимо, поняли, что за потоком ругани и угроз народ может рассмотреть их животный страх перед народными мстителями. К тому же опыт показал, что предсказания всяческих адских мук и всевозможных кар не оставляют никакого впечатления на бесстрашных борцах. «Тевия» и другие фашистские газеты попросту встали на путь замалчивания действий партизан в Латвии. Начали появляться анонимные брошюры, издатели которых специализировались на баснях о «зверствах» партизан. Даже само слово «партизан» исчезло со страниц казённой печати, словно в Латвии их совсем не было. Продажные писаки всеми силами тужились отвести внимание читателей в другую сторону, без конца крича о «героях» и их «подвигах», имея в виду латышских фашистов-легионеров. Однако им не удалось отвлечь внимание народа от этого актуального вопроса: народ сочувствовал успехам партизан и был в курсе событий партизанского движения.

Это было одним из симптомов бессилия гитлеровцев.

О серьёзности факта партизанского движения летом 1943 года свидетельствуют и военные меры оккупантов. Первой из них было создание системы так называемых опорных пунктов. Территория Северной Латвии, в особенности ее восточная часть, была покрыта густой сетью гарнизонов. Больше всего их было в местах, имевших важное стратегическое значение —

³⁶ ЦГА, ф. Ро. 83/257 с. д. 128, л. 2. Перевод с немецкого.

главным образом, вблизи основных коммуникаций. Численность этих гарнизонов была невелика — не больше роты, а обычно даже взвода. Они комплектовались в основном из солдат латышских полицейских батальонов и других подобных «национальных» формирований под командованием немецких офицеров и инструкторов. Каждый гарнизон должен был охранять от партизан свой определенный район. С этой целью на дорогах, в возможных местах перехода партизан, по ночам устраивались засады, расставлялись патрули и секреты. Было почти невозможно незаметно пересечь такой район. Партизаны должны были прокладывать свои маршруты через топкие болота и леса, используя малейшее прикрытие. Знающие, опытные проводники стали незаменимыми людьми в каждом партизанском начинании. Если продвижение партизан обнаруживалось — операция была обречена на провал...

Систему опорных пунктов дополняла деятельность так называемых «лжепартизан», банды которых комплектовались оккупантами из уголовных элементов. Среди них было много белогвардейцев и репрессированных советской властью кулаков. Выдавая себя за партизан или бежавших военнопленных, будто бы ищущих возможности установить связь с партизанами, они старались выследить партизанские связи, явки, лагеря, подстерегали отдельных партизан и небольшие группки, чтобы убить выстрелом в спину. Помимо обычного вознаграждения оккупанты выдавали им за каждого убитого партизана по особому «тарифу» 20 «единиц» — для получения 10 литров водки. Кроме того, им разрешалось под маской партизан безнаказанно грабить трудовых крестьян. «Вознаграждение» за голову партизанского командира было особенно велико и доходило до 25 000 марок, с правом приобрести на них промтовары.

Вначале и шуцманы были непрочь получить такого рода «вознаграждение». Купленные таким образом убийцы довольно часто появлялись в партизанских отрядах. Контрразведка подотряда Поча выловила, например, одного такого типа, подосланного тилжской полицией с целью убить командира. Однако постепенно охота до иудиных денег у этого низкого сброда стала пропадать, ибо партизаны, как правило, разоблачали их.

Очень важное место в фашистской системе борьбы с партизанами занимала шпионская и агентурная сеть гестапо и полиции СД. Шпионы и агенты стремились проникнуть в подпольные организации и партизанские отряды, чтобы затем выдать их местонахождение руководству карательных экспедиций. Но благодаря бдительности и помощи народа партизанской контрразведке обычно удавалось вовремя их разоблачать. Подпольные организации в этот период были особенно бдительны и монолитны. Предателям редко удавалось проникнуть в них и нанести хоть сколько-нибудь серьезный ущерб, а в руководящие центры они пробраться, конечно, не могли. Коммунистам удалось создать сплочённое и деятельное подполье. Огромное значение сыграло здесь то обстоятельство, что коммунисты строго соблюдали организационный принцип, данный Центральным Комитетом КП (б) Латвии: численность подпольных групп обычно не превышала 3—5 человек.

Наряду с указанными мерами гитлеровцы постоянно терроризировали местное население.

В конце июля и в начале августа на территории Северной Латвии, в особенности в волостях Латгалии, начались повальные аресты среди населения. Аресты и следовавшее за ними заключение в концентрационные лагеря проводились без судебного следствия, без доказательства виновности, только на основании подозрений местных фашистов. Эту «кампанию» проводили вооружённые войсковые части. Они окружали деревни и хутора, хватали жителей, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей, набивали ими машины, и отправляли их в

сопровождении вооруженной охраны в концентрационные лагеря. В списки подлежащих заключению попадали все те, на кого падало малейшее подозрение в поддержке партизан. Понятно, что эти репрессии касались, главным образом, бедняков и рабочих.

Количество жителей Северной Латвии, сосланных в концентрационные лагеря, было очень велико. Мы располагаем лишь неполными данными, но и они дают возможность судить о широком размахе этой «кампании».

В августе в Виксенской волости было арестовано 27 семейств, в Лиепненской волости — 30 семейств и т. д., а из Бригской, Аугшпилсской и Гаурской, т. е. из тех волостей, которые летом 1943 года дали партизанскому движению больше всего бойцов, было вывезено по 100—120 семейств.

Согласно данным Абренской уездной чрезвычайной комиссии, за время оккупации фашисты арестовали и выслали в Германию и в концлагеря 3778 человек, из них в 1941 году — 85 человек, в 1942 году — 346, в 1943 году — 1595 и в 1944 году — 1752. Высланные, как правило, полностью ограблялись.

Не прошло и двух лет после массовых убийств советских активистов летом 1941 года, как фашисты предприняли уже вторую массовую «акцию против коммунистов»... в «успокоенной Латвии».

Фашисты снова просчитались, рассчитывая, что при помощи террора и угроз они смогут приостановить рост партизанского движения. Как раз наоборот: репрессии открыли глаза трудовым крестьянам и наглядно показали, что гитлеровский режим ведёт к физическому уничтожению трудящихся. Сама жизнь убеждала крестьянские массы в необходимости активной борьбы всего народа с гитлеровскими оккупантами.

Конечно, глаза крестьянам открыли не только политические репрессии оккупантов против наиболее активной части трудящихся. Жизнь во временно оккупированной Советской Латвии становилась невыносимой. Оккупанта вывозили всё, что производили промышленность и сельское хозяйство Латвии. Особенно быстро росли масштабы грабежа сельского населения. И это понятно. Осенью 1943 года немецкие оккупанты были уже почти изгнаны из плодородной Украины, а из тех областей, которые ещё находились в руках оккупантов, «великая Германия» получала очень незначительное количество сельскохозяйственных продуктов. Советские партизаны расстраивали «планы по изъятию» сельскохозяйственных продуктов. Поэтому можно себе представить, с какой невероятной жадностью голодные гитлеровцы набросились на сравнительно мало разрушенную в начале войны Латвию. Новые поборы всей тяжестью легли на плечи беднейшего и среднего крестьянства и фактически были непосильны даже в том случае, если бы крестьянин, умирая с голоду, хотел бы их выполнить.

Коммунисты успешно выполняли указание Центрального Комитета КП (б) Латвии о срыве немецкого плана заготовок сельскохозяйственных продуктов. Крестьяне прятали хлеб, скот, молочные продукты. Большую часть продовольствия, подлежавшего сдаче оккупантам, они переправляли партизанам. Много продовольствия партизаны сами отбивали у оккупантов. Выполняя волю населения, 1 и 4-й отряды выводили из строя молочные заводы, уничтожали заготовительные пункты и тем самым парализовали поставки.

Для запугивания крестьян оккупанты и здесь применяли репрессии. У несдавших продукты, а таких насчитывались тысячи, оккупанты конфисковывали скот, зерно и, наконец, все имущество, а самих «виновников» посылали на принудительные работы — батрачить у курляндских кулаков и прусских баронов, или же на германские заводы.

В ноябре выродки Данкер и Бангерский вновь «осчастливили» латышский народ, объявив мобилизацию в «легион» очередных шести возрастов.

Физическое уничтожение латышского народа изо дня в день принимало все более ужасающие размеры. Как реагировали на это трудящиеся? — Массовым движением сопротивления оккупантам во всех его формах, начиная с вредительства, саботажа распоряжений и мероприятий оккупационных властей и вплоть до вооруженной партизанской борьбы.

4. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Массовый характер партизанского движения сопротивления в Северной Латвии в конце 1943 года и в 1944 году

В Северной Латвии организационный период движения народного сопротивления закончился в конце 1943 года. Были созданы подпольные партийные организационные верной Латвии в центры и центры партизанского движения с широко разветвлённой сетью низовых звеньев, были созданы базы будущих партизанских отрядов Северной Латвии, были заложены основы будущей I Латвийской партизанской бригады — руководящего штаба массового партизанского движения в Северной Латвии. Начался новый этап в истории движения сопротивления.

Существенные изменения произошли не только в организации движения. Произошел перелом и в сознании людей. Коренным образом изменилось отношение крестьянских масс к: движению сопротивления.

Партизанское движение и движение сопротивления в целом на последней стадии своего развития приняло массовый характер.

Для доказательства этого здесь используются лишь неполные статистические данные, собранные штабом I Латвийской партизанской бригады, которые, однако, в достаточной степени иллюстрируют правильность этого утверждения.

В списках партизанских отрядов Северной Латвии с осени: 1943 года до лета 1944 года числилось свыше полутора тысяч вооруженных бойцов³⁷.

Помимо того, к моменту перехода бригады в советский тыл, она насчитывала около полутора тысяч нестроевых партизан, т. е. бойцов, которые не числились в боевых группах, а проживали легально или полуполюгально и по приказу партизанского руководства выполняли боевые или разведывательные задания и обеспечивали снабжение партизан. Первая Латвийская

³⁷ В это число не входят бойцы тех отдельных групп, которые действовали не под руководством I ЛПБ, как, например, группы, посланные разведкой фронта, действовавшие в Абреномском уезде отдельные партизанские группы из Ленинградкой и Калининской областей, а также небольшие группы местных партизан, не связанные с отрядами I бригады. Таких бойцов насчитывалось в Абреномском, Валкском и Валмиерском уездах несколько сот человек.

партизанская бригада как по количеству бойцов, так и по объему своей деятельности, была массовой организацией. Летом 1944 года в её состав входило 7 боевых отрядов, 3 подотряда, 7 отдельных боевых взводов и групп, взвод бригадной разведки и штабной отряд. Общее количество партизан, активно действовавших в Северной Латвии, составляло не менее 3 000. Это был мощный передовой отряд антифашистских сил.

Количество групп содействия партизанам и их рост также наглядно свидетельствуют о том, что партизанское движение в Северной Латвии, начиная с осени 1943 года, стало массовым движением. Группы содействия были именно той организационной формой движения сопротивления, которая была способна охватить широкие массы трудящихся и на которую опиралось партизанское движение. Другими словами, это было организованное партией активное антифашистское подполье.

Возьмём, к примеру, один из семи отрядов I Латвийской партизанской бригады — 4 партизанский отряд (командир Савицкий, комиссар Рашкевиц) и проследим рост числа и численности его групп содействия. Осенью 1942 года в районе деятельности будущего отряда партизаны организовали 15 постоянных групп содействия. Весной 1943 года количество таких групп выросло до 40, в августе 1943 года — до 63, а в июле 1944 достигало 283. Причем надо учитывать, что в 1944 году, в связи с созданием новых отрядов, «территория» 4-го отряда сократилась в 3 раза. Таким образом, самый большой скачок в росте групп содействия имел место поздним летом 1943 года. В течение неполного года количество групп содействия выросло более чем в 4 раза, а учитывая сокращение района деятельности отряда — не менее чем в 10 раз. И это произошло в тот момент, когда сотни активнейших помощников партизан арестовывались и выслались. Можно себе представить, сколько же таких активных групп содействия было организовано в районе деятельности всей бригады. К сожалению, мы не располагаем этими данными.

О массовом характере движения свидетельствует также тот факт, что в 1944 году трудно было найти в Северной Латвии такую трудовую семью, которая в той или иной степени не помогала бы партизанам и не вредила оккупантам и их подручным. Все эти люди, несмотря на то, что не были организованы, имели огромное значение как основа для роста партизанского движения.

В этой связи следует сослаться также на материалы, которые характеризуют точку зрения самих оккупантов на размах партизанского движения в Северной Латвии. Руководители полиции «СД» Абренского уезда, удирая в панике от стремительно наступавшей Советской Армии, не успели уничтожить «черную книгу» (черную как по внешнему виду, так и по содержанию) — солидной толщины том, в который были занесены имена «активных помощников коммунистов» Абренского уезда, подлежавших выселению и уничтожению. Летом 1944 года после многочисленных арестов и высылки лишь в одном Абренском уезде по данным оккупантов было несколько тысяч семейств, «содействовавших коммунистам». Можно себе представить, каким было действительное число «активных помощников коммунистов», если учесть, что большую их часть полиция СД, конечно, не знала и не могла знать.

Фашистские негодяи были не в силах уничтожить социальную базу, на которую опирались партизаны. Чтоб сделать это, они должны были бы расстрелять или посадить за решетку весь народ.

От полного уничтожения трудящиеся Латвии были спасены стремительным наступлением летом 1944 года Советской Армии — армии освободительницы.

Таково было отношение трудящихся Латвии к фашистам и оккупационным властям. Так выглядело на деле «добровольное вступление Латвии в новый порядок в Европе». Такова была «преданность» латышей фюреру, о которой болтали фашистские газеты. Ни истерические вопли фашистской пропаганды, ни инсценированные немцами собрания «народного протеста», ни создание «добровольческих» формирований — ничто не могло скрыть того факта, что народные массы, руководимые коммунистами, подымались на борьбу с гитлеровскими оккупантами и их подручными — латышскими буржуазными националистами.

* * *

Фальсификация истории движения народного сопротивления буржуазными националистами

Однако нельзя ограничиться одной лишь констатацией того факта, что Латвия была охвачена массовым движением сопротивления фашистским оккупантам. Его не отрицали даже гитлеровцы. Все помнят и по сей день, с каким животным страхом «солдаты могущественной немецкой армии», находясь на территории Латвии, упоминали в 1943—44 годах слово «партизаны». Животный страх перед народными мстителями был результатом хорошего урока, который долго будут помнить «завоеватели».

Гораздо важнее показать руководящую идеологию этого движения.

Буржуазные националисты как в Латвии, так и за границей не прочь были бы считать себя участниками народного движения сопротивления, ибо это создало бы им в глазах общественного мнения бесспорный моральный кредит. Однако, не искажая, не фальсифицируя исторической правды, невозможно это сделать. Латышская националистическая буржуазия никогда не стеснялась заниматься такого рода грязными делами. Не трудно себе представить, что такая фальсификация истории имеет не мало покупателей и покровителей за границей и сегодня.

Ещё во время войны латышская националистическая буржуазия готовила себе пути отступления, отступления из лагеря гитлеровцев в лагерь англо-саксонских империалистов. Уже тогда она начала искажать историю латышского народа в период Отечественной войны. Перед нами изданная в 1943 году в Нью-Йорке брошюра «Латвия во время немецкой оккупации 1941—1943 гг». Авторы этой книжонки не называют своих имен. Оно и понятно, ибо их имена, видимо, настолько известны латышскому народу, что одно их упоминание, не говоря уже о содержании этого «труда», раскрыло бы грязные помыслы как заказчиков, так и усердных исполнителей этой галimatъи. Этот сброд уже во времена буржуазной Латвии усердно служил хищным англо-американским империалистам. Во время второй мировой войны, когда миролюбивые народы вступили в схватку с фашистскими захватчиками, они разыгрывали «демократов», слоняясь без дела по дипломатическим задворкам Лондона и Нью-Йорка в качестве «представителей» латышского народа, и палец о палец не ударили, чтобы помочь народу в смертельной борьбе. В конце второй мировой войны ряды этих «представителей» пополнились латышскими фашистами — убийцами и военными преступниками, которым удалось удрать на запад от народного возмездия и которых с распростертыми объятиями встретили англо-американские монополисты. Поджигатели войны сохраняют всю эту банду и щедро подкармливают её, чтобы использовать ее в качестве убийц и погромщиков, для проведения в жизнь своих авантюристических агрессивных планов. Потеряв всякое чувство меры, американские империалисты пытаются их использовать

для своих интриг в Организации Объединенных Наций³⁸. Латышский народ с ненавистью и глубоким презрением отвернулся от этих выродков.

Для того, чтобы скрыть от мирового общественного мнения свои кровавые злодеяния, они бессовестно пытаются представить латышскую буржуазию «защитником» национальных интересов народа во время немецкой оккупации. Как раз в этой связи и примечательна вышеназванная лживая книжонка. Авторы брошюры совсем не знакомы с действительным положением вещей в оккупированной Латвии, хотя и называют себя её «представителями». Они прилежно списали сообщения геббельсовских газет, даже не упомянув о тех сведениях, которые помещались в заграничной печати.

Нельзя без возмущения пройти мимо того, как эти наймиты империалистов пишут о подпольном движении в Латвии во время немецкой оккупации.

«Подпольное движение во всех трех Балтийских странах растет вширь, — отмечается в заключении книжонки. — Увеличивается также число нелегальных лиц, которые скрываются в лесах и других местах»...

Хотя авторы брошюры не подкрепляют это утверждение фактическими данными, оно все же соответствовало бы действительности, если б под стыдливо упоминающимся «подпольным движением» имелось в виду движение народного сопротивления, быстрый рост которого в 1943 году показан в предыдущих главах настоящей работы. Но характерно то, что о вооруженной борьбе против оккупантов не говорится ни слова. Дальше следует характеристика подпольного движения, которая уже не оставляет никаких сомнений по поводу того, что авторы подразумевают под «подпольным движением».

«Но это подпольное движение ни в коем случае не является коммунистическим, оно определенно носит национал-патриотический характер. Если в нём и имеется хоть один коммунист (?) или тому подобные элементы, то их количество очень невелико(!?) и им постоянно оказывают противодействие патриотические организации».

Если все сказанное в начале этой выдержки представляет собою бесстыдную ложь, то последнее утверждение о том, что коммунистам, этим самоотверженным организаторам и вдохновителям движения сопротивления, в их пламенной патриотической деятельности вредили различные «подпольные» организации «националистов», — это утверждение является позорной правдой.

О том, что первое утверждение является бесстыдной и неумной ложью, убедительно свидетельствуют те фактические данные, которые приведены в начале главы и касаются лишь одной части Латвии — северных её уездов. В подполье работали не коммунисты-одиночки, как врут холуи империалистов. Коммунисты создали огромную подпольную организацию и успешно направляли её деятельность. Более того. Они руководили всем движением народного сопротивления и многочисленными партизанскими формированиями.

Человеку, незнакомому с фактами, может, конечно, показаться, что были два движения сопротивления: одно — о котором говорится в настоящей работе и которым руководили коммунисты, и другое — «движение», существование которого до сих пор не могли и не смогут доказать, но о котором охотно болтали и болтают националисты.

³⁸ См. «Правда» от 25 августа 1950 года.

Чтобы до конца разоблачить буржуазных националистов, злейших врагов латышского народа, надо показать, что в действительности представляло собой так называемое «национальное подполье» и какова была его судьба, какую позицию заняло оно по отношению к движению народного сопротивления, под знаменем какой идеологии зарождалось, росло и ширилось действительное движение народного сопротивления во время Великой Отечественной войны. Другими словами, надо показать, что и подобия «второго» движения сопротивления в Латвии не было и быть не могло.

Чтобы осветить все эти серьезные вопросы, необходимо выяснить соотношение политических сил в оккупированной немцами Латвии.

Политическое лицо многих социальных групп, а следовательно, и соотношение сил изменялось, причём довольно быстрыми темпами. Эти изменения, которые в обычных мирных условиях потребовали бы десятилетий, в условиях обостренной классовой борьбы и антифашистской Отечественной войны происходили в течение нескольких лет.

* * *

Социальный состав движения народного сопротивления

Партизанское движение в Северной Латвии по своему социальному составу было крестьянским. Это объясняется тем, что в движении принимали участие широкие массы населения, а, как показывает статистика, большую часть населения Северной Латвии составляло крестьянство. Состав партизанских отрядов тоже отражает эту истину. Возьмем к примеру 4-й отряд I Латвийской партизанской бригады, ибо он находился в самом центре Северной Латвии — на границе Абренского, Мадонского и Валкского уездов, и его состав поэтому наиболее типичен для бригады. Из отчета отряда видно, что летом 1944 года личный состав отряда по своему социальному положению представлял собою следующую картину³⁹;

крестьяне	—	71%
батраки и рабочие	—	18%
служащие	—	11%

Таким образом, подавляющая часть партизан бригады была из крестьян.

Вторая группа — пролетариат Северной Латвии — представляла собою основное ядро отряда. В неё входили железнодорожные рабочие, рабочие лесозаготовительных пунктов, батраки, а также небольшое число рабочих рижских фабрик и заводов, которые прибыли в отряд по линии связи подпольных организаций. Рижский пролетариат дал партизанскому движению Северной Латвии таких выдающихся командиров, как Эзерник, Поч, Артур Балодис и другие.

Ещё нагляднее социальный состав партизанского движения отражают группы содействия. Около 90 процентов их членов были крестьяне; остальные — рабочие и интеллигенция.

Дальнейшее ознакомление с составом партизанских отрядов показывает, что большинство партизан принадлежали к среднему крестьянству.

³⁹ Сведения даны о партизанах, выходцах из местного населения; не учтены здесь, таким образом, «перешедшие к партизанам военнопленные, удельный вес которых в отрядах бригады доходил до 15 процентов.

По размерам принадлежавшей им земли партизаны 4-го отряда делились на следующие группы:

с количеством	земли	до 10 га	—	25%
„	„	10—25 га	—	70%
„	„	свыше 25 га	—	5%

К среднему крестьянству надо отнести как большую часть второй, так и всю третью группы, ибо хозяйства входивших в эти группы крестьян не основывались на эксплуатации наемной рабочей силы.

Таков был социальный состав партизанского движения в его заключительный период — в 1944 году.

В 1942—43 годах он в значительной степени отличался от только что приведенной характеристики. Данные о личном составе партизанских отрядов Северной Латвии свидетельствуют о том, что в период с 1942 года вплоть до весны 1943 года в партизанские отряды вступали, главным образом, рабочие и крестьянская беднота. Самыми активными сочувствующими в то время были также рабочие и крестьянская беднота. В этой связи стоит упомянуть о характерных эпизодах из истории первых организационных групп. В июле 1942 года, когда голодные и валившиеся с ног от усталости партизаны Рашкевица, преследуемые карательными экспедициями противника добрались до своего района деятельности, первым хозяином, к которому они решились обратиться и который им сразу же оказал материальную поддержку и, рискуя своей жизнью, впоследствии собирал для них сведения о силах противника, был крестьянин-бедняк Лиепненской волости Берзинь. Следующими активными помощниками партизан в этой волости были крестьяне-бедняки Август и Антон Пугейсы и др.

Наиболее надёжными помощниками подпольной группы Каупужа в начальный период её деятельности в районе Абрене на первых порах были также крестьяне-бедняки. Антифашистские и боевые группы возглавлялись, главным образом, представителями крестьянской бедноты. Так, например, самыми крупными подпольными организациями в районе Абрене руководили: в деревне Барсуки — крестьянин-бедняк В. Максимов, а в деревне Селивалы — малоземельные крестьяне братья Борковы и т. д. Такое же положение было и в Зилупском районе, когда там появился 1-й отряд. Так было повсюду, и это вполне закономерно.

Как уже указывалось в предыдущих главах, рабочие и беднейшее крестьянство с первых же дней оккупации подвергались наиболее жестокой эксплуатации и репрессиям. Кроме того, в первые же дни войны они без колебаний заняли определенную позицию в борьбе двух противоположных общественных систем: позицию борьбы против оккупантов за советскую власть. Нужно было только организовать эту массу, умело руководить ею, показав на положительных примерах, что в тылу противника возможна успешная борьба с фашистами. Всюду, где в 1942 году эти предпосылки были созданы, результаты не замедлили сказаться.

В конце 1942 и начале 1943 годов в группах сочувствующих растёт процент крестьян-середняков. Их приток в возглавляемое коммунистами активное движение сопротивления принимает массовый характер с осени 1943 года. Включение середняцких масс крестьянства в активную борьбу придало движению народного сопротивления в Северной Латвии массовый

характер. Понятно, что без участия этой социальной⁴⁰ группы нельзя было говорить о каком-либо массовом начинании. Без участия середняка партизанское движение Северной Латвии не стало бы всеобъемлющим.

Большой удельный вес крестьян в партизанском движении Северной Латвии не мог, конечно, не наложить своего отпечатка на историю его развития. Организаторы этого движения — коммунисты — должны были иметь это в виду, в своей практической деятельности.

Игнорирование этого обстоятельства не даёт возможности правильно понять весь ход партизанского движения в Латвии.

Часть среднего крестьянства довольно продолжительное время занимала колеблющуюся, выжидательную позицию. Во взглядах среднего крестьянства должны были произойти глубокие сдвиги, его сознание должно было пережить крутой идеологический перелом, который не успел произойти в свое время — за короткий срок существования советской власти в 1940—41 годах. Среднему крестьянину предстояло пройти путь серьезной борьбы, прежде чем у него могла выкристаллизоваться ясная позиция. Надо было решиться не только на борьбу с оккупантами. Это было не так трудно, потому что уже первый год господства оккупантов ясно показал те перспективы, которые сулил оккупационный режим. Надо было решиться на непримиримую борьбу со всей национальной буржуазией, ставшей на защиту этого режима. Для этого надо было убедить середняка в том, что национальная буржуазия, в том числе и так называемые либералы, является злейшим врагом трудового народа, её нужно было наглядно разоблачить. Надо было преодолеть губительное влияние националистической идеологии, десятилетиями внедрявшейся в сознание народа, сбросить с пьедестала воздвигнутых национальной буржуазией идолов, которым ещё поклонялась известная часть среднего крестьянства.

Сравнительно длительный период колебаний среднего крестьянства в данных исторических условиях был столь же закономерным и неизбежным явлением, как и то, что этот перелом должен был произойти и произошел именно осенью 1943 года.

Подводя итог, можно сказать, что резкая перемена в позиции среднего крестьянства, наметившаяся летом и осенью 1943 года, была важнейшим политическим событием в ходе движения народного сопротивления в Северной Латвии. Более того, положительное отношение среднего крестьянства к вооруженному движению сопротивления свидетельствовало о тех существенных сдвигах, которые произошли за это время в сознании всего народа.

Идея движения народного сопротивления овладела массами в борьбе между двумя противоположными идеологиями: в борьбе прогрессивной, советской социалистической идеологии с реакционной буржуазной националистической идеологией.

Ознакомление с политикой националистической буржуазии, с её эволюцией во время оккупации поможет нам глубже раскрыть причины качественных изменений, происшедших в народном движении сопротивления осенью 1943 года.

⁴⁰ Необходимо отметить, что в этом разделе автор ставит своей задачей показать основную линию развития движения сопротивления в Латвии. Конечно, эта общая закономерность имеет ряд исключений, например, в пограничных волостях Абренского и Лудзенского уездов, большинство населения которых составляют русские. В этих волостях тенденция развития движения была такой же, как и в остальной Латвии, Однако, включение масс трудящихся крестьян в народное движение сопротивления произошло уже в начале 1943 года, т. е. значительно раньше. Здесь сказываются результаты усиленной национальной дискриминации и экономического гнёта, проводившихся оккупантами в Латгалии.

Что представляла собой так называемая «национальная оппозиция»

Позиция латышской буржуазии по отношению к социалистическим преобразованиям в Латвии (1940—1941 годы) выяснилась уже в самом начале этих событий. Все её группировки, начиная с кровавых фашистов, ульмановцев и вплоть до либерального крыла, были непримиримыми врагами советского строя, а вместе с тем и врагами революционного блока трудового народа. Эта позиция буржуазии неизбежно вытекала из её классового положения. Она не могла простить трудящимся проведенную в 1940 году экспроприацию капиталистов и свой вынужденный уход с политической арены. Однако открыто выступать против трудящихся без прямой поддержки иностранных империалистов буржуазия не решалась и на этот раз. Понятно, что она была благодарна гитлеровцам за оккупацию Советской Латвии летом 1941 года. Она давно ждала этих вешателей и душителей.

В начале оккупации завоевателей чествовали не одни лишь откровенные латышские фашисты. Оды оккупантам писали и представители либеральной национальной буржуазии. «Тевия» была переполнена восторгами буржуазных интеллигентов и излияниями верноподданнических чувств по поводу «свобод», которые латыши получили из «рук представителей могущественной немецкой армии», за «свободу» вывесить красно-бело-красный флаг буржуазной Латвии и петь «Боже, благослови Латвию». Многие бывшие либеральные писаки, захлебываясь, воспевали «национальное возрождение под крылышком великой Германии» и... с нетерпением ждали, когда же придут «добрые, старые времена», прежние почести и привилегии. Националистическая буржуазная интеллигенция мечтала о возврате своих «неотъемлемых прав» на пост идеологического руководителя (читай: душителя) народа и, конечно, на соответствующее материальное вознаграждение от хозяев — оккупантов.

Откровенные латышские фашисты на деле доказали свою верность оккупантам; они травили и убивали лучших представителей трудящихся и всех хоть сколько-нибудь демократически настроенных латышей. Именно этого и добивались оккупанты. Гитлеровцев совсем не интересовали слащавые рифмы о «национальной Латвии». Они терпели их авторов из политических соображений: все эти националистические вопли были удобным прикрытием для осуществления главной цели оккупантов — подчинить латышский народ немецкому империализму, а со временем уничтожить его как нацию, колонизировав Латвию немецкими гроссбауэрами и уничтожив физически её коренное население. Для реализации этих преступных намерений оккупантам нужны были люди, способные одновременно и на безжалостные убийства и на подвывание геббельсовскому пропагандистскому аппарату.

Политический «курс оккупационных властей определился в первые же месяцы «преобразований». На руководящие посты в оккупационных учреждениях и аппарате «самоуправления» были поставлены немцы или предатели, обгравившие свои руки в крови трудового народа.

Либералам достались крохи — незначительные места мелких чиновников. Так была в городах, так было и на селе. Наконец им дали понять, что пора перестать играть национальной фразеологией, что она терпима лишь постольку, поскольку нужна для демагогических трюков гитлеровцев. Оккупанты начали требовать у буржуазной интеллигенции более определенных услуг: пропаганды фашистской расовой идеологии, рекламирования геббельсовских

измышлений, восхваления великой Германии и фюрера. Остальное было не нужно. Мало того, всем тем латышам, которые пытались заговорить о своей национальности, они дали почувствовать их «ничтожность» по сравнению с представителями «культурной и высшей расы».

В 1941 году верхушка арийских авантюристов считала, что немцы достаточно сильны для того, чтобы поставить на колени и заковать в цепи гитлеровского террора весь мир.

Было ясно, что либеральным слоям латышской буржуазии гитлеровский оккупационный режим ничего хорошего не сулит. Уже осенью и особенно зимой 1941—42 года в либеральном лагере появились первые признаки разочарования, не чувствовалось уже прежнего «энтузиазма». Ликовал лишь лагерь откровенных латышских фашистов.

Произошли сдвиги и в международном положении, что также не могло не сказаться на позиции всегда осторожного либерала. В борьбе с фашизмом образовался мощный блок свободолюбивых народов, — это также несколько отрезвляло. После разгрома гитлеровских армий под Москвой стало очевидным, что план «молниеносной войны» провалился и война затянется. Появилась возможность для новых политических комбинаций. «Почему бы, собственно говоря, не продаться другому империалистическому хозяину, если он имеет шансы на победу?» — рассуждали либералы. Именно в это время и возник в Латвии тот политически близорукий, полуфантастический прогноз, за который впоследствии националисты ухватились, как за спасительную соломинку. Этот прогноз предсказывал, что Советский Союз и Германия истощат друг друга во взаимной борьбе и что последнее слово во второй мировой войне останется за Соединенными Штатами Америки и Англией.

В 1942 году либералы ещё и не подозревали о приближении исторического возмездия. Они продолжали вынашивать свои планы. Обстоятельства казались благоприятными. Им мерещилось, что для восстановления социалистического строя в Латвии нет реальной внутренней базы, что оставшаяся в Латвии наиболее активная часть трудового народа уничтожена, а другая — эвакуировалась в глубь Советского Союза. Так что здесь, в Латвии, помощь гитлеровцев не нужна была больше. К тому же по расчетам националистов победителями в войне должны были оказаться Англия и США. Была надежда, что империалистам США и Англии можно будет продать свой народ на более выгодных условиях...

Неудивительно, что уже в первой половине 1942 года националисты заметно оживились. Всё чаще стали они собираться за кружкой пива с тем, чтобы обсудить политические вопросы. Начали строить увлекательные планы на счёт будущего, иногда поругивали оккупантов, которые не оправдали возлагавшихся на них розовых надежд. Тогда же появились разные версии о предстоящих «шведских и английских десантах».

Либералы, или так называемая «национальная оппозиция», могли импонировать мелкой буржуазии, не сумевшей сразу же разглядеть настоящее лицо этой «оппозиции». Либеральное крыло латышской буржуазии ещё не успело себя окончательно скомпрометировать в глазах мелкобуржуазных масс, ещё не разоблачило себя как предателей народа. В массовых убийствах оно не участвовало, не проявляли себя либералы и ревностными исполнителями распоряжений оккупационных властей и их налоговой политики. Всеми силами они стремились сохранить свою уже затасканную маску «народности».

Политические цели «национальной оппозиции» заходили, без сомнения, очень далеко. Она стремилась подчинить своему идеологическому влиянию мелкобуржуазные массы, мечтала

стать их политическим вождём и, таким образом, превратиться в значительную политическую силу, с которой должен был бы считаться любой противник, любой империалистический хозяин.

Весною 1942 года обстоятельства, казалось, особенно благоприятствовали этому стремлению либеральной буржуазии к гегемонии. Трудовой народ стихийно поднялся против оккупантов, недовольство масс росло изо дня в день. Стихийное движение нуждалось в руководителе, в вожде. А коммунистические подпольные организации на местах существовали в то время ещё не везде или были слабы...

Расплывчатое националистическое «оппозиционное» знамя казалось либералам вполне достаточным, чтобы собрать вокруг себя массы. Кроме того, это знамя ни к чему не обязывало. Играя на святых чувствах трудового народа — на чувстве любви к Родине и свободе, на ненависти к оккупантам, — они хотели усыпить его бдительность, связать его по рукам и ногам, подчинить своему влиянию и навсегда оторвать от начатого в 1940 году пути социалистического развития.

Явным латышским фашистам, конечно, нечего было надеяться на какое-либо политическое влияние в народе. Весь народ презирал этих убийц. Если бы либералы тоже открыто пошли с гитлеровцами, они немедленно потеряли бы всякое влияние на массы.

Так называемая «национальная оппозиция» так никогда и не превратилась в централизованную организацию, несмотря на то, что в отличие от антифашистского подполья, возглавляемого коммунистами, в её распоряжении были все возможности легальной и нелегальной деятельности. Это была ничем не связанная сумма разрозненных групп. Сначала создавались только отдельные группы на основе личного знакомства, не имевшие ясно сформулированной и даже ясно создаваемой программы и тактики. Претендент на руководство стихийным движением, таким образом, ещё беспомощно плавал в стихии мелкобуржуазной нерешительности.

Некоторая активизация «национальной оппозиции» и централизация её деятельности как во всей Латвии, так и в её северной части (конечно, в границах, дозволенных оккупантами) произошла лишь в первые месяцы 1943 года, когда её организационным центром стало... гитлеровское гестапо. Только тогда появились вполне сформировавшиеся организации так называемого «национального подполья».

Оккупационные власти хорошо понимали, что с развернувшимся в Латвии движением народного сопротивления трудно бороться одним лишь террором. Они рассчитывали, что некоторых, хотя и временных успехов можно будет достичь при помощи шовинистической демагогии. Именно так начинал Гитлер в Германии, которому удалось на некоторое время опутать отсталые слои населения сетями буржуазного национализма. В Латвии роль «троянского коня», по расчётам гитлеровцев, могли сыграть «нелегальные» и «оппозиционные» националистические организации. Надо было только развернуть и активизировать их деятельность и соответствующим образом направлять её. Это не представляло особой трудности: в руководящих центрах националистических организаций было достаточно людей, верных гестапо. Они взяли инициативу и руководство в свои руки. И только теперь «подпольная» деятельность забурлила во всю; издавался даже целый ряд «нелегальных» газет, выходивших довольно большим тиражом. С тех пор «либеральная оппозиция» настолько тесно переплелась с официальными организациями латышских фашистов, что их трудно было различить. И это

понятно — различие было совершенно не существенным, отличались друг от друга только их тактика и пути, которыми они шли к одной и той же цели.

Каковы же были тактика и политические лозунги «национального подполья»? Хотя различные буржуазные течения и имели некоторые особенности, все они имели следующие общие черты: по отношению к советскому строю и коммунистам националисты солидаризировались с геббельсовскими антисоветскими лозунгами; по отношению к немцам они лицемерно советовали занять пока что «выжидательную позицию», а для одурачивания мелкобуржуазных масс они пускали в ход, точно так же, как и официальная гитлеровская пропаганда, яд шовинистической демагогии.

Крайние правые — «вальдмановцы», которые тоже прикрывались «оппозицией», — проповедовали программу создания «национальной армии», сквозь которую — даже слишком явно, как это признавали «более умеренные» — виднелась указующая рука Гитлера. Надо, мол, создать «своё» войско, которое в момент, когда «силы русских и немцев иссякнут», сможет «освободить Латвию». Под этим будущим войском подразумевались легионеры и айзсарги. «Вступайте в легион», — призывали эти агенты гестапо. Это была открытая пропаганда ненавистного народу легиона, и не удивительно, что указанная «программа» с самого начала не нашла приверженцев даже в среде либеральной буржуазии, не говоря уже о мелкобуржуазной массе, и полностью провалилась.

На мелкобуржуазные элементы оказал некоторое влияние только лозунг самых умеренных националистических групп, создававшихся обычно в провинции. Они открыто не призывали вступать в легион, а предлагали скрывавшимся от мобилизации «сплотиться» вокруг националистических групп и выжидать, не начинать никаких активных действий, направленных против оккупантов, и ни в коем случае не связываться с красными партизанами. Только таким образом будто бы можно будет «сохранить живую силу нации». Но о том, что латышский народ действительно погибал под игом гитлеровцев, что гитлеровцы использовали насильственно согнанных «легионеров» в качестве пушечного мяса для латания своего разваливающегося фронта, что тысячи латышей гибли на каторжных работах, в концентрационных лагерях и тюрьмах, что десятки тысяч умирали голодной и мучительной смертью, — обо всём этом подлые святоши лицемерно вздыхали: это не в нашей власти.

Кроме того, проповедовавшееся этими «друзьями народа» пассивное дезертирство не имело вообще никакого смысла, ибо существовали специальные команды для вылавливания дезертиров. Рано или поздно немецкие жандармы нападали на след тех, кто пассивно скрывался от мобилизации и, схватив их, гнали под вооруженной охраной на фронт или на принудительные работы.

Для того, чтобы народным страданиям пришел конец, необходимо было в активной борьбе уничтожить фашизм. Только так можно было спасти латышский народ от уничтожения, которому способствовала предательская политика латышской националистической буржуазии. Именно этой борьбе учили коммунисты.

Латышский народ боролся не на жизнь, а на смерть с режимом насилия и уничтожения, который принесли с собой гитлеровские оккупанты. Огромную поддержку в этой борьбе оказали латышскому народу народы Советского Союза и в первую очередь великий русский народ. Историческая общность судеб латышского и русского народов сложилась в многовековой борьбе против немецких захватчиков. Именно в этой борьбе сложилась та глубокая истина, что основой

существования латышского народа является тесный союз с русским народом. Латышская буржуазия продалась немецким оккупантам и предала жизненные интересы народа.

Мы не располагаем подробными данными о том, как глубоко проникала рука гестапо в «оппозиционные» националистические организации и группы и в каких конкретных формах оккупанты проводили в них необходимый им политический курс. Но факты свидетельствуют об одном: все те «национальные организации», с которыми латвийским партизанам приходилось сталкиваться, находились во власти подлой политики национальной предательства. Многократные попытки партизанских командиров привлечь к общей партизанской борьбе с оккупантами ту или иную вооруженную группу либерально настроенных националистов (в городах Алуksне, Карсаве, Лудзе и в Цибле) были безуспешны: их руководители категорически отказывались вести в этом отношении какие-либо переговоры. Впоследствии эти группы или распадались, а их участники вступали в организацию айзсаргов и легион, или же были разогнаны.

* * *

Борьба с идеологией буржуазного национализма

Коммунисты в своей работе по организации и политическому воспитанию масс не могли не столкнуться с «националистическим подпольем» и его пропагандой.

Более того, обязанностью коммунистов была повседневная идеологическая борьба с ними. Разоблачение буржуазного национализма являлось необходимой предпосылкой для объединения трудового народа, сплочения середняцких слоёв вокруг рабочих и крестьянской бедноты и вовлечения их в активную борьбу против фашизма. Поэтому подпольная деятельность партии всегда была связана с борьбой как против идеологии фашизма, так и против идеологии латышских буржуазных националистов.

Сама действительность и, в особенности, результаты проводившейся «националистами» предательской «политики нейтралитета», сказавшиеся летом 1943 года, наглядно показали трудящимся предательскую сущность буржуазного национализма. Однако существенные сдвиги во взглядах середняцких масс сами собою произойти не могли. Этот процесс должна была организовать, целеустремленно направить и возглавить коммунистическая партия.

Перелистывая сегодня издания Центрального Комитета КП (б) Латвии, Оперативной группы ЦК и подпольных областных и уездных комитетов партии за 1943 год и особенно воззвания к латышам на оккупированной территории Советской Латвии, легко заметить, где находился центр тяжести идеологической борьбы против буржуазного национализма. Под руководством ЦК ВКП(б) латышские коммунисты нанесли этому противнику удар в главном и в то же время наиболее уязвимом пункте его политики — в вопросе о необходимости активной борьбы с оккупантами, против которой выступала вся псевдооппозиция националистов. Насколько дальновидно руководство нашей партии определило в этой идеологической борьбе направление главного удара, свидетельствуют результаты этой борьбы. Это был наиболее простой и в то же время наиболее чувствительный для противника удар. Коммунисты призывали латышский народ к активной борьбе с оккупантами и разоблачали истинную сущность занятого националистами псевдонейтралитета. Трудовое крестьянство, наученное жизненным опытом, стало на сторону коммунистов.

Главным средством идеологической борьбы, которое применяли коммунисты, была устная агитация. Она подкреплялась печатной и рукописной партизанской литературой. Как уже упоминалось, в 1943 году в Северной Латвии имелись две нелегальные типографии. Издавались газеты Абренского и Валкского уездных комитетов партии, каждая тиражом в 1000 экземпляров. Кроме того, через 1-й отряд регулярно поступали из типографии Оперативной группы ЦК периодические издания Оперативной группы ЦК «партии и Оперативной группы ЦК комсомола, печатавшиеся в тылу врага газеты «Пар Падомью Латвию», «Бривайс Яуниетис»⁴¹ и воззвания. ЦК КП (б) Латвии в изобилии снабжал партизан политической литературой, присылая её на самолетах из советского тыла. Множество воззваний, сообщений Информбюро было сброшено с самолетов над населенными пунктами.

Самую значительную долю работы в области политической пропаганды и воспитания масс проводили, конечно, политотделы партизанских отрядов. В качестве иллюстрации приведу хотя бы один пример. В отчете комиссара 4-го отряда Рашкевица за период с августа 1943 года по июль 1944 года перечислены следующие мероприятия, проведенные политотделом: составлены, размножены от руки и распространены среди населения 12 воззваний, в типографии напечатаны в нескольких тысячах экземпляров 7 воззваний; распространено несколько тысяч экземпляров политической литературы, полученной от Оперативной группы Центрального Комитета и политотдела 1-го отряда; силами членов партии отряда организовано 250 массовых собраний местных жителей, проведено множество бесед в крестьянских домах и т. д.

Огромное значение в политвоспитательной работе имели сообщения советского радио и особенно радиопередачи ЦК КП (б) Латвии на латышском языке.

Невозможно описать все конкретные формы пропагандистской и политмассовой работы и те практические пути, по которым голос коммунистической партии доходил до населения, да в этом и нет необходимости. Важно отметить, что к голосу латышских коммунистов население чутко прислушивалось, и он вывел крестьянские массы на правильный путь активной борьбы.

Наилучшим свидетельством тому, что проводившаяся коммунистами работа по воспитанию масс оставила в сознании народа глубокий след, является успешная и самоотверженная деятельность многочисленных организаций содействия партизанам. История антифашистских групп знает многочисленные примеры того, как крестьяне, рабочие и представители трудовой интеллигенции с риском для жизни помогали народным мстителям успешно выполнять задания.

* * *

Несколько слов о партизанском отряде, действовавшем под руководством Поча в Карсавском районе. Здесь зимой 1943— 1944 года партизан поддерживала 61 антифашистская группа. Каждая такая группа охватывала от 3 до 5 крестьянских дворов. Эти группы оказывали отряду огромную материальную помощь. Так, например, одна антифашистская группа, состоявшая из 4 крестьян, в течение одного месяца собрала и доставила партизанам 7 полушубков, 12 пар шерстяных чулок, 8 пар рукавиц, 6 пар белья, 30 кг мяса, 100 кг муки, 5 кг масла, 50 кг сахара и т. п. Проводившаяся членами групп содействия работа требовала не меньше героизма и самоотверженности, чем вооруженная партизанская борьба. Поэтому имена этих советских патриотов войдут в историю Великой Отечественной войны рядом с именами отважных партизан.

⁴¹ «За Советскую Латвию», «Свободная молодёжь».

Вспомним судьбу одной из таких антифашистских групп, которая организовалась в октябре 1943 года в Карсавской волости и состояла из трёх трудовых крестьян. Большую помощь она оказала партизанам. В январе 1944 года два члена группы — Берзинь и Сарва — были арестованы фашистами. Орудия пыток оказались бессильными и не смогли сломить любовь и преданность этих героев своей Родине и боевым товарищам. Оба патриота погибли, но не выдали ни места расположения партизан, ни имени третьего члена группы. Последний не испугался трагической судьбы своих товарищей и, чтобы отомстить за их смерть, стал работать ещё более активно и смело, продолжая снабжать партизан продуктами, сообщать сведения о немцах, прятать в своём доме раненых партизан.

В борьбе с фашистскими убийцами весь трудовой народ,, руководимый коммунистами, становился героем.

* * *

Распад «национальной оппозиции». Триумф советской идеологии в движении народного сопротивления

Осенью 1943 года классовые противоречия в оккупированной Латвии особенно обострились. Стало совершенно очевидным, что каждая социальная группа должна занять определённую позицию в борьбе двух противоположных систем и двух противоположных идеологий. Альтернатива была такова: или вместе с фашизмом, который в Латвии был представлен гитлеровскими завоевателями и всей националистической буржуазией, или же вместе с социализмом, который представляла на фронте Советская Армия и организованные коммунистами массы трудящихся — на оккупированной территории Советской Латвии. Третьего пути не было. Народ имел теперь ясное представление о том, что означал каждый из этих путей. Активно участвуя в движении народного сопротивления, можно было ускорить изгнание оккупантов из Латвии, и это положило бы конец принесённым фашистами ужасам и разрушениям, помогло бы восстановить советскую власть в Латвии, власть трудящихся — залог будущего расцвета. Идти же вместе с буржуазией, следовать её лозунгам означало — в том случае, если бы планы буржуазии осуществились, — способствовать в той или иной мере сохранению фашистских порядков. Естественно, что массы выбрали путь активной борьбы против оккупантов.

Любое движение, любая борьба против оккупантов и их пособников была борьбой за советскую власть.

Пришлось делать выбор и либералам. Выждать было невозможно. В борьбе с коммунистами на идеологическом фронте они потерпели поражение. Вместе с этим национальная буржуазия потеряла последнюю надежду стать гегемоном крестьянских масс. Таким образом все её планы окончательно провалились.

Влияние предательской политики националистов на массы населения Северной Латвии оказалось незначительным. Особенно ничтожным было влияние контролируемых гестапо центров. В этих «организациях» преобладали только буржуазные элементы. Несколько более «успешной» была деятельность провинциальных групп, которым удалось вовлечь в свои организации некоторое количество городской и сельской мелкобуржуазной интеллигенции. И то лишь тогда и в тех местах, где и когда поблизости не было подпольной коммунистической организации. Вообще это движение носило ярко выраженный аристократический характер и, как

мы это видим на примере Латгалии и Валкского уезда, крестьянская беднота и тому подобные «плебейские» слои населения туда совсем не допускались.

Целый ряд симптомов, появившихся уже летом и осенью 1943 года, свидетельствовал о политическом поражении националистов. Один из них — внутренний распад «национального подполья». Во-первых, убедившись в бессилии и предательстве этой организации, от неё начали откалываться снизу мелкобуржуазные элементы. Во-вторых, руководящему буржуазному ядру стала ясна бесплодность «оппозиционной» деятельности. Более того. Успехи Советской Армии на фронте и укрепление коммунистов во главе движения народного сопротивления осенью 1943 года ясно свидетельствовали о том, что приближается время, когда в Латвии снова будет возрождена советская власть.

Политическая эволюция либералов пришла к своему логическому концу: они отказались даже от псевдооппозиционной борьбы и открыто объединились с бандами гитлеровских убийц и грабителей. Конечно, этот процесс произошёл не сразу, а постепенно. Вначале либералов зачислили в специально для этой цели восстановленную «национальную» организацию айзсаргов, которая, между прочим, была совсем незначительной, ибо в неё так и не удалось вовлечь крестьянские массы. Она состояла в основном из кулацких элементов — шуцманов и других латышских гитлеровцев. Несколько дольше сохранили свою «нейтральную оппозицию» сельские группы, которые сохранились вплоть до 1944 года. Однако в главных чертах идеологический разгром националистов и распад их «оппозиции» закончился летом —осенью 1943 года. Кратковременной и бесплодной была их «деятельность», закончившаяся позором.

Подобный результат эволюции «либеральной» буржуазии был неизбежен. Его предопределила, как мы показали выше, сама логика развития классово-борьбы.

Открытый переход националистов на сторону гитлеровцев оказал, в свою очередь, влияние на позицию крестьянских масс, а именно — он ускорил их переход к активной борьбе с фашизмом.

Так латышская национальная либеральная буржуазия ещё раз показала лживость своих националистических фраз. Она не только предала народ, но и способствовала его физическому уничтожению. Даже тогда, когда вековой враг латышского народа угрожал жизненным интересам нации, когда стоял вопрос о том, быть или не быть латышскому народу, она пальцем не пошевелила для спасения нации. В течение 700 лет латышский народ с презрением отворачивался от Кангара⁴²; в эпоху социалистической революции трудящиеся должны были бороться не на жизнь, а на смерть с целым племенем кангаров — с националистической буржуазией.

Начавшийся внутренний процесс распада «национального подполья» завершило само гестапо. Так как «подполье» было не в состоянии выполнить отведенную ему предательскую роль, а в его низовые организации попадали и такие люди, которые искали настоящую боевую организацию, оно стало не только лишним, но даже и нежелательным. Эти ставшие обузой для гестапо националистические организации были быстро ликвидированы.

В июле—августе 1943 года как в Риге, так и в провинции произошли аресты националистов. Как и следовало ожидать руководящая верхушка отделалась легко, а кое-кто из активных рядовых

⁴² В национальном эпосе «Лачплесис» имя Кангара дано старейшине древнелатышского племени, который гнусно предал свой народ и стал служить у чужеземных поработителей — немецких рыцарей. — *Ред.*

деятелей, серьёзно рассчитывавших найти в псевдоопозиции организацию для борьбы с оккупантами, был арестован или же потерял работу.

Однако этим не закончились услуги, которые «национальное подполье» оказывало гитлеровцам. Вынужденные оставить Латвию, гитлеровцы укрепили ещё сохранившиеся и верные им организации своими людьми, тщательно подготовили их и оставили на территории Советской Латвии для организации террористических банд.

Они надеялись, опираясь на кулацкие круги и спекулянтов — последние остатки латышской буржуазии, развернуть широкую подрывную деятельность. Тщетны были эти надежды!

Благодаря бдительности трудящихся руководящие центры диверсантов были быстро уничтожены, а банды выловлены.

* * *

Таков был идеологический перелом, который произошел в оккупированной Латвии осенью 1943 года.

Подведем итог. Осенью 1943 года в Северной Латвии закончился сравнительно продолжительный период организации движения сопротивления и его идеологического укрепления. Начался новый период — период массовой антифашистской борьбы.

IV МАССОВАЯ АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА

(осень 1943 года — 1944 год)

1. ВОВЛЕЧЕНИЕ МАСС В ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ И ПОДГОТОВКА ИХ К ВООРУЖЁННОЙ БОРЬБЕ

Движение сопротивления и партизанская борьба в новых условиях массовой борьбы

Осенью 1943 года движение народного сопротивления вступило в новый период — в период массовой народной борьбы против гитлеровцев. Эта борьба носила теперь целеустремленный и организованный характер, ибо во всех основных районах Латвии и в Риге выросли мощные центры партийного подполья и партизанского движения. Таким образом, Оперативная группа Центрального Комитета КП (б) Латвии и штаб Латвийской партизанской бригады успешно выполнили свою историческую задачу.

Осенью 1943 года Оперативная группа ЦК находилась в партизанских отрядах Восточной Латвии, базой деятельности которых были Освейские леса. В результате успешного наступления Советской Армии в районе Невеля линия фронта значительно приблизилась к границе Латвии. Лагерь штаба бригады и Оперативной группы ЦК КП (б) Латвии находился теперь в сфере непосредственной деятельности фронта и подвергался постоянным нападениям со стороны фронтовых частей немцев. В связи с этим было отдано распоряжение руководству бригады вывести в советский тыл Оперативную группу во главе с секретарем ЦК КП (б) Латвии тов. К. Озолинем.

В конце декабря 1943 года ударный батальон бригады, под командованием комбрига Лайвиня, с боями прорвался через линию фронта. Вместе с Оперативной группой ЦК партизаны вывели в советский тыл много членов семей латышских партизан, которые в поисках защиты от гитлеровского террора скрывались в лесах Освейского партизанского района.

В тылу Оперативная группа ЦК КП (б) Латвии слилась со Штабом латвийского партизанского движения.

Эти изменения в центральном руководстве партизанского движения определялись новыми условиями партизанской борьбы в Латвии.

Партизанское движение охватило всю Латвию. Руководить этим движением из одного центра, находившегося на оккупированной территории, стало практически невозможно, ибо возможности связи между этим центром — Оперативной группой ЦК и уездными комитетами партии и партизанскими отрядами были очень ограничены. Более высокая степень движения требовала теперь более эффективной формы центрального руководства и средств связи. Этим требованиям отвечала организованная к тому времени на территории Латвии сеть партизанских радиостанций. Через радиоузел Штаба латвийского партизанского движения ЦК КП (б) Латвии и Правительство Латвийской ССР имели возможность в течение нескольких часов связаться со всеми, даже наиболее отдаленными уголками Латвии. Вместе с тем, возникла необходимость сконцентрировать в одном месте центральное руководство партизанским и подпольным движением.

Таков смысл выхода Оперативной группы ЦК в советский тыл в конце 1943 года. С этого времени руководство движением на территории оккупированной Латвии перешло в руки подпольных областных и уездных комитетов партии и штабов отдельных партизанских отрядов и бригад. Как мы уже указывали, они были неплохо подготовлены к выполнению этой задачи.

Перед партизанами Латвии на этом этапе борьбы встали новые задачи.

Ясную и конкретную формулировку очередных задач партизан в масштабе всего Советского Союза дал товарищ Сталин в приказе от 7 ноября 1943 года, в котором подчеркнута как сущность партизанского движения в рассматриваемый период, так и единственно правильное направление дальнейшего развития партизанского движения.

Товарищ Сталин указывал, что основные задачи партизан и партизанок в этот период заключаются в том, чтобы «поднимать советских людей на вооружённую борьбу против немцев, всемерно усиливать помощь наступающей Красной Армии, громить тылы и штабы врага, спасать советских людей от истребления и угона их на каторгу в Германию, беспощадно уничтожать немецко-фашистских мерзавцев.»⁴³

Партизанское движение в Северной Латвии на этом этапе своего развития шло наравне с задачами партизанского движения в старых советских республиках.

Особенно наглядно это показал 1944 год.

* * *

Массовый наплыв в отряды зимою 1943—44 гг.

Январь 1944 года изобилует важными событиями, которые оказали ощутимое влияние на дальнейшее развертывание партизанского движения в Северной Латвии. Во-первых, началось освобождение от блокады города-героя Ленинграда и наступление частей Советской Армии на прибалтийских фронтах. К границам Латвии приближался наступавший латышский стрелковый корпус. Непосредственная близость фронта чувствовалась на всей территории Латвии. Жалкие остатки разбитых немецких дивизий непрерывным потоком текли с фронта. В Латгалии уже был слышен гром артиллерии. Трудящиеся заметно оживились, несмотря на то, что гнет террора оккупантов был по-прежнему невыносимо тяжёлым.

Используя все возможности, в одиночку, группами и даже целыми толпами с фронта дезертировали legionеры. Распадались целые «добровольческие» формирования. Много солдат из «легиона» и из так называемых «русских сторожевых батальонов»⁴⁴ перешло в это время к партизанам. Так, например, в 1-й отряд с фронта, из района Опочки в один день явились сразу 43 мобилизованных латышских юношей с полным вооружением. Чаще они приходили поодиночке или группками по 2—3 человека.

Вторым важнейшим событием того времени была объявленная оккупационными властями третья по счёту мобилизация, охватившая теперь девять возрастов. Под прямой угрозой уничтожения находились уже люди 20 призывных возрастов! В эти решающие январско-февральские дни руководство 1 и 4-го партизанских отрядов получило указание секретаря ЦК КП

⁴³ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, 1946, стр. 118.

⁴⁴ В эти части, в порядке мобилизации, заставляли вступать проживающих в Прибалтике русских.

(б) Латвии тов. Калнберзина — любыми средствами сорвать очередную мобилизацию. Партийное руководство неустанно заботилось о судьбе латышского народа и постоянно ориентировало свои организации на необходимость максимального спасения населения от когтей гитлеровских людоедов.

Выполняя указания партии, политотделы отрядов и уездные комитеты партии немедленно развернули разъяснительную и агитационную работу в районах. Сотни агитаторов-партизан пошли по деревням и хуторам. Пришел в движение весь широкий аппарат антифашистского подполья. Типографии уездных комитетов печатали воззвания, в которых трудящиеся предупреждались о надвигающейся опасности, объяснялась серьезность положения и необходимость саботировать объявленную гитлеровцами мобилизацию. Коммунисты призывали молодежь не являться в комиссии по мобилизации, бежать с мобилизационных пунктов и эшелонов, применяя полученное оружие. 1-й отряд за это время распространил около 2000 воззваний на латышском, латгальском и русском языках. В этих воззваниях руководство отряда обращалось к подлежавшей мобилизации молодежи, призывая ее вступать в партизанские отряды. Используя хорошо налаженные связи, партизанские агитаторы, снабженные литературой, проникали не только во все волости Северной Латвии, но и в соседние уезды, вплоть до Резекне и Даугавпилса, а из 4-го отряда — даже в Ригу.

С помощью подпольных организаций коммунисты знакомили население с призывом ЦК КП (б) Латвии саботировать гитлеровскую мобилизацию. О том, что народ услышал и понял этот призыв, свидетельствуют плачевные результаты третьей мобилизации в Латвии. Несмотря на то, что оккупационные власти применяли жестокие репрессии по отношению к семьям дезертиров, на мобилизационные пункты явилось только 5—20 процентов общего числа подлежащих мобилизации. Причем это преимущественно были те, кто из-за физических недостатков имел надежду на освобождение. Так, например, в Бригской волости из 300 подлежащих мобилизации крестьян явилось только 20. В Циблской волости из 360 — только 60, причём половина из них была признана негодными к военной службе; в Вилякской и Балвской волостях явилось около 10 процентов. В Наутренской, Карсавской и Тилженской волостях мобилизация также была сорвана.

Третья мобилизация провалилась в масштабе всей Латвии. Население, следуя призыву коммунистической партии, саботировало мобилизацию. Тон «Тевии», в особенности в январе и феврале, приобрел явно истерический оттенок. В бессильной злобе она начала открыто грозить всем тем, кто «читает и распространяет большевистскую литературу», «слушает большевистских агитаторов» и т. д.

Помимо агитации партизанские отряды провели ряд организационных мероприятий. Был организован приём в отряды тех, кто уклонился от мобилизации и решил участвовать в вооружённой борьбе. Однако приток новых партизан был настолько велик, что отряды, в связи с некоторыми неблагоприятными обстоятельствами, большую часть из них не могли принять. Одной из таких помех был недостаток оружия.

Несмотря на то, что партизаны захватывали в боях большое количество трофейного вооружения⁴⁵, его все же не хватало для удовлетворения даже третьей части той потребности,

⁴⁵ Согласно отчету I ЛПБ, за последний год партизаны Северной Латвии захватили 711 винтовок, 23 пулемёта, 37 автоматов, 79 револьверов и т. п. Эти данные относятся к периоду до июня 1944 года, т. е.

которая возникла в связи с притоком новых партизан. Но держать в лесу толпы невооружённых людей было невозможно, потому что, используя зимние условия, оккупанты устраивали большие карательные экспедиции в контролируемые партизанами лесные массивы. Так как в Восточной Латвии был расположен второй эшелон немецкого фронта, то вооружённые силы для этих кампаний всегда имелись у немцев в изобилии. Маневрировать и оказывать сопротивление карательным экспедициям могли только вооружённые партизаны. Невооружённые люди подверглись бы бессмысленному уничтожению. Процент невооружённых партизан в партизанских отрядах зимой 1943—1944 года был сравнительно велик. Так, например, в начале февраля 1944 года в боевых группах 1-го отряда насчитывалось 60 невооружённых бойцов. Это значительно уменьшало боеспособность отряда.

В общей сложности в оба отряда за эти месяцы вступило около 250 укрывшихся от мобилизации трудовых крестьян.

Большинство оставшихся пряталось. Многие из них скрывались организованно под руководством партизан. Они составляли часть так называемого партизанского резерва, который постепенно, с получением оружия, вливался в боевые отряды.

В феврале 1-й отряд располагал уже более 200 невооружённых резервных бойцов.

Особенно интенсивный характер принял приток новых партизан в отряды с приближением весны — в марте, когда северолатвийские партизаны получили, после трёхмесячного перерыва, довольно крупную партию оружия.

* * *

Обучение и воспитание молодых партизан

Массовый приток новых партизан, не прекращавшийся, несмотря на зимнее время и жестокие карательные экспедиции, весь зимний период, оказал своё влияние на внутреннюю жизнь и боевую деятельность отрядов. Речь шла уже не о десятках, а о сотнях новичков. В большинстве это была молодежь, которая не только никогда в своей жизни не воевала, но не умела даже обходиться с таким простым оружием, как винтовка. Тактика партизанской войны была им, естественно, незнакома. Более подготовленными к партизанской жизни были только те, кто до прихода в отряд работал в сети разведывательной агентуры или выполнял обязанности проводников. Небольшое ядро старых партизан, обладавших боевым опытом, растворилось, в полном смысле этого слова, в массе вновь прибывших и уменьшалось изо дня в день как относительно — поскольку общее количество бойцов непрерывно росло, так и абсолютно, ибо борьба требовала жертв, а зимою 1943—44 года они были довольно чувствительными. За это время 4 отряд потерял своего командира Калвана, руководителя группы подрывников Биделиса и командира по особым заданиям Ниедру; подотряд Ларионова лишился своего отважного командира, а также руководителя разведки Андреева; база 1-го отряда — командира подрывников, опытного сапера Балтыня и других опытных командиров и закалённых бойцов.

Перед партизанскими отрядами встала ответственная задача. Во-первых, необходимо было воспитать из вновь прибывших трудовых крестьян и рабочих полноценных партизан — отважных, умелых, идейно выдержанных и морально устойчивых бойцов. Во-вторых, надо было

здесь не учитываются трофеи, захваченные у отступающих частей немецкой армии. В заключительный период деятельности партизан количество трофеев значительно увеличилось.

создать новые кадры командиров, которые бы возглавили вновь создаваемые партизанские группы и подразделения. Рост числа отрядов не должен был отрицательно сказаться на их боеспособности. Однако такая опасность в то время существовала. Необходимо было, по крайней мере, сохранить и закрепить высокую боеспособность существовавших отрядов и подотрядов. Это требовало проведения определённых мер организационного характера. Штабы и политотделы отрядов и подотрядов перенесли в связи с этим центр тяжести своей деятельности с подпольных организаций на воспитательную работу в отрядах.

Новые задачи отряды разрешили в сравнительно короткий срок. За плечами они имели уже годичный опыт подготовки молодых партизан. Кроме того, руководство отрядов ещё осенью предыдущего года подготовило известный резерв командиров: несколько десятков наиболее инициативных рядовых бойцов вполне возможно было использовать в качестве командиров групп. Они приняли командование вновь сформированными группами. Лучшие командиры групп, в свою очередь, были выдвинуты на посты командиров взводов, а последние — командирами подотрядов.

Создать из опытных партизан хороших командиров не представляло вообще особой труды. Их сильной стороной был богатый боевой опыт и выработавшееся умение быстро схватывать и оценить обстановку, ориентироваться в сложных ситуациях партизанской войны. Необходимыми теоретическими знаниями, основными оперативными и тактическими принципами новые командиры овладевали постепенно — на занятиях и совещаниях командиров. Опыт 1-го отряда свидетельствует о том, что особенно большое значение для теоретического роста командиров имели практиковавшаяся в штабе отряда предварительная разработка плана операции и последующий её анализ с участием всего командного состава. Это давало возможность обобщить накопленный военный опыт, выработать на практике прошедших боёв основные принципы партизанского военного искусства, чтобы впредь целеустремленно и неуклонно применять их.

Используя эти внутренние ресурсы отрядов, партизаны Северной Латвии к весне 1944 года сравнительно легко разрешили проблему командных кадров. Кроме того, в марте оба отряда (получили от ЛШПД значительную помощь — в тыл врага было послано несколько десятков латышских гвардейцев — солдат, сержантов и офицеров. Всех их после беглого ознакомления с особенностями партизанской войны также можно было использовать в качестве командиров подразделений.

Прибывшие из дивизии латышские стрелки ещё более укрепили тесные узы боевой дружбы, которые в течение всей Великой Отечественной войны связывали латышских партизан с бойцами на фронте.

Каждый отряд по-своему разрабатывал методы обучения молодых партизан. Хотя они и были очень разнообразны, сущность их, однако, сводилась к одному и тому же. Поэтому схематически ход обучения молодых партизан можно представить следующим образом.

Вновь прибывший прежде всего проходил известный «курс обучения» и овладевал минимумом партизанских знаний. Обучение начиналось сразу же после вступления партизана в отряд и продолжалось 6—10 дней, в зависимости от состава «курсантов» и обстановки. В эти несколько дней молодые партизаны теоретически и практически изучали по очень сжатой, требовавшей большого напряжения программе (время и противник не дожидались, пока партизаны «выучатся»), главные положения партизанского военного искусства. Основными

предметами были политучёба, материальная часть оружия, переходы и ориентировка, топография (чтение карты), оборонительная и наступательная тактика партизан, конспирация, агентурная и боевая разведка.

Овладев этим минимумом, молодой боец давал перед всем отрядом торжественную партизанскую клятву.

«Я, красный советский партизан, — говорил молодой народный мститель, — клянусь своим боевым товарищам — красным партизанам, что всегда буду смелым, дисциплинированным бойцом, стойким и беспощадным к врагу.

Я клянусь, что никогда не изменю своему отряду, своим командирам, комиссарам и товарищам-партизанам, всегда буду строго хранить партизанскую тайну, даже если бы мне это стоило жизни.

Я буду до конца предан своей Родине, партии, своему вождю и учителю товарищу Сталину.

Если я нарушу эту святую партизанскую клятву, пусть постигнет меня суровая партизанская кара»...

Затем молодой партизан получал оружие, и его, как полноправного бойца, зачисляли в боевую группу.

Конечно, на этом воспитание и обучение молодого партизана не заканчивалось. На самом деле оно только начиналось, ибо теперь к воспитанию и обучению бойца приступал коллектив — руководимый коммунистами советский партизанский отряд. Этот дружный, сплочённый коллектив самоотверженных советских бойцов был замечательным воспитателем — поистине творцом новых людей. Он воспитывал морально устойчивых, политически сознательных и пламенных патриотов советской Родины.

После нескольких месяцев, проведённых в боях и переходах, молодого, обычно неловкого, застенчивого крестьянского паренька нельзя было узнать, настолько он преобразался, полностью слившись с коллективом и восприняв все его положительные качества.

И как же ему было не преобразиться? На каждом шагу он чувствовал, что является полезным, даже необходимым человеком в большой партизанской семье, он видел, что его, может быть, и незаметная деятельность есть вклад в священное, общее дело всех советских людей — в освобождение Родины от ненавистных оккупантов. Его жизнь, его деятельность приобретала более глубокий смысл. До сих пор гитлеровцы оценивали его жизнь не дороже жизни рабочего скота. Скрываясь от мобилизации, таясь от преследователей, он чувствовал, что спасает лишь собственную жизнь, не имевшую без борьбы против оккупантов почти никакого смысла. А в отряде его жизнь приобретала новое, общественное значение.

Раньше молодежь терроризировал и угнетал страшный призрак концентрационного лагеря; молодые люди вынуждены были подчиняться «судьбе», понимая всю ничтожность своих личных сил для того, чтобы изменить ход вещей. Теперь они чувствовали себя сильными, способными защищать себя и самим решать свою судьбу, ибо были членами сильного, дружного коллектива, сплочённой военной боевой организации, за которой стоял весь советский народ. Они чувствовали себя не бесправными рабами, а свободными и сознающими свое значение членами

великой семьи советских народов, выполняющими историческую миссию. Это не могло, естественно, не преобразить простого крестьянского паренька.

* * *

Массовый героизм

Партизанский коллектив воспитывал не только морально стойких советских людей. Он воспитывал также бесстрашных героев. Герои в партизанских отрядах Северной Латвии насчитывались сотнями, и обо всех их рассказать здесь невозможно. Это — обязанность наших писателей и художников. Мы постараемся лишь на нескольких примерах показать, как самоотверженно боролись и, если это было необходимо, жертвовали своею жизнью рядовые бойцы, выросшие в партизанских отрядах герои — юноши и девушки Северной Латвии.

Утром 29 ноября 1943 года 1-й отряд потерял отважного разведчика, 17-летнего паренька из Лудзенского уезда Павла Моисёнка. В ту ночь Моисёнок вместе с другим связным возвращался из подотряда Поча на базу отряда, имея с собой секретное донесение 40-километровый ночной переход по полузамёрзшим болотам и заснеженным полям сильно утомил обоих юношей. Они немного задержались и пересекли дорогу Мердзене—Лудза лишь к рассвету. Здесь их заметил дежурный пост немецкого опорного пункта. По свежим следам связистов начал преследовать целый взвод полицейских под командованием немецкого офицера. Юноши маневрировали, долго петляли в заболоченном Мердзенском лесу, отстреливались. Но становилось ясно, что рано или поздно противник их настигнет. Силы были слишком неравными. С одной стороны — двое молодых, смертельно уставших партизан, а с другой — 30 хорошо отдохнувших и откормленных гитлеровцев.

В столкновении этих неравных сил наглядно проявилось огромное моральное превосходство советских партизан над наемными фашистскими холопами, в котором советские партизаны черпали силы и решимость, вступая в борьбу с гораздо более сильным противником.

Юноши поняли, что остаться вместе — значит обоим погибнуть и не выполнить важного задания. Один из них во что бы то ни стало должен был доставить секретное донесение в штаб отряда. И Павел Моисёнок без колебаний расстался с товарищем, решив стоять насмерть. Передав секретный пакет, этот юный, почти ещё не знавший жизни герой остался, чтобы прикрыть автоматным огнем отход своего товарища. И это ему удалось. Меткие автоматные очереди заставили эсесовцев остановиться, развернуться в цепь и начать осаду партизана. Павел продолжал борьбу один против тридцати. Один из негодяев был убит, многие ранены. Будучи ранен в обе ноги и в правое плечо, юноша прислонил автомат к пню и продолжал стрелять левой рукой.

Вышли все диски. «Только бы не попасть в плен», — таково было единственное желание героя.левой рукой он выхватил гранату и зубами пытался вырвать предохранитель, чтобы взорвать себя и подбежавших эсесовцев. Непривычно было действовать левой рукой... и эсесовец опередил героя-партизана.

Тяжело раненный юноша был взят в плен. Негодяи ликовали, офицер радостно потирал руки — наконец-то удастся узнать, где находится неуловимый партизанский лагерь. Они даже не допускали мысли, что этот худенький, тяжело раненный крестьянский паренёк будет молчать. Но он молчал! Молчал, когда гитлеровцы предлагали ему медицинскую помощь, жизнь и

вознаграждение за указание местонахождения лагеря; молчал и тогда, когда эти изверги бросили его раздетого, залитого кровью в снег и начали избивать шомполами. И только тогда, когда офицер нагнулся к растерзанному юноше в надежде услышать то, что он ожидал, герой выдохнул единственное слово — «негодяй» и плюнул немцу в лицо. Взбешенный ариец тут же застрелил Моисёнка. Тем временем его товарищ и оторвался от преследователей и благополучно доставил в штаб отряда важное донесение.

Откуда у этого простого, тихого, почти незаметного в отряде юноши нашлись силы на такой поистине героический поступок? Он пришёл, в отряд полгода тому назад и ничем не выдвинулся среди других латгальских юношей-крестьян. Ответ и здесь один. Коллектив отряда открыл ему великую правду трудящихся, во имя которой боролись раньше и борются, не жалея своей жизни, по сей день миллионы трудящихся.

В сентябре 1942 года героически погибла партизанка-связная, рижанка Эмилия Аустринь. Окруженная бандой шуцманов в Куправском лесу, она бесстрашно приняла неравный бой, будучи вооружена всего лишь одним револьвером. Фашисты дорого заплатили за свою «победу». Три мерзавца были убиты бесстрашной девушкой пока, наконец, она не упала, сражённая пулей.

Героически погибли, взорвав себя и фашистов последней гранатой, тяжело раненные северолатвийские комсомольцы-партизаны: известный минёр Лепкин — из Абрене, разведчик Чодар — из Циблы, радисты Валентина Калван и Николай Покидов и другие.

Могилы многих таких героев не известны. Таясь от населения, гитлеровцы зарывали их изувеченные тела где-нибудь в канавах, трясинах, замывая следы своих злодеяний. Однако нельзя скрыть от народа героические дела, пламенную любовь к советской Родине этих людей. Их хранят в своём сердце трудящиеся освобожденной Советской Латвии.

Героизм был массовым явлением в партизанских отрядах Латвии. Он выражался не только в твёрдой решимости бороться до последнего дыхания и отдать, если долг того потребует, свою жизнь. Массовый героизм и великая любовь к советской Родине проявлялись и в самом отношении бойцов к боевым заданиям.

Советские партизаны обладали замечательным качеством, которое присуще только сознательным народным мстителям, а именно — неугасаемым боевым пылом, беспредельным желанием победить врага, освободить свой народ от поработителей.

Бойцы рвались на боевые задания. Ярче всего эта никогда неиссякавшая жажда борьбы проявлялась у молодёжи — подрывников и разведчиков. Для выполнения любой задачи добровольцев всегда находилось гораздо больше, чем их требовалось. То, что боец должен был постоянно рисковать своей жизнью, никого не могло остановить. Оставить подрывника в лагере — означало глубоко его огорчить.

Энтузиазм коллектива бойцов был поистине беспределен. Командованию обычно приходилось сдерживать партизан. В коллективе постоянно была ключом творческая инициатива. Партизаны сами предлагали планы новых операций, и очень часто командирам оставалось только оформить уже вызревшие планы и отдать приказ об их реализации. Эта творческая боевая инициатива масс является характерным качеством коллектива советских бойцов.

Бойцы старались наилучшим образом выполнить свой долг народных мстителей. Они были достойными потомками того поколения революционного пролетариата, который вписал яркие страницы в историю революций 1905 и 1917 годов.

* * *

Коммунисты и комсомольцы — идейное и боевое ядро отрядов

Партизанские отряды Северной Латвии стали коллективами героев благодаря тому, что бойцов спланировали и подымали на борьбу великие идеи Ленина—Сталина. Совершенно очевидно, что идейным хребтом каждого отряда были коммунисты и комсомольцы — проводники ленинско-сталинского учения в массах.

Это идейное ядро отрядов было относительно невелико, однако оно было достаточно крепким, чтобы выполнить свою задачу идейного руководителя и организатора. В 1944 году количество коммунистов и комсомольцев в отрядах достигало 15%, причем $\frac{2}{3}$ из них составляли комсомольцы.

Коммунисты и комсомольцы осуществляли в отрядах огромную работу по морально-политическому воспитанию масс. Не будет преувеличением сказать, что только благодаря крепкому идейному ядру отряды смогли стать полноценными боевыми единицами.

Массово-воспитательной работой, которую проводили партийные и комсомольские организации, руководили политотделы отрядов. Форм политико-воспитательной работы было много, и они отличались большим разнообразием. Ими всесторонне охватывалась вся жизнь отряда: вопросы быта, боевые операции, взаимоотношения с населением, повышение политического и культурного уровня бойцов. В каждом конкретном случае коммунисты находили соответствующую форму распространения в массах социалистического сознания. В воспитательных целях использовались боевые листки, общие собрания партизан, беседы у костров, разборы проведенных операций, индивидуальные беседы коммунистов и комсомольцев с бойцами, лекции — о положении на фронтах, о международных событиях, о перспективах послевоенной жизни трудящихся в освобожденной Советской Латвии, а также популярные доклады и беседы по отдельным вопросам истории партии и истории СССР, об основах коммунистического мировоззрения и т. п.

Серьезную политико-разъяснительную работу коммунистам Северной Латвии приходилось вести в борьбе с буржуазно-националистической идеологией, которую агенты оккупантов пытались насаждать в отрядах и подпольных организациях. Не случайно национальный вопрос встал как острая политическая проблема для движения сопротивления в Северной Латвии. Пестрый национальный состав населения Северной Латвии явился причиной того, что в движении сопротивления в целом и, в частности, в партизанских отрядах участвовали люди различных национальностей: латыши, включая латгальцев, русские, белорусы, евреи и другие. Ещё разнообразнее национальный состав отрядов стал в связи с тем, что в партизанские коллективы влилось много бежавших военнопленных. Среди них были украинцы, армяне, татары, узбеки.

Основными национальными группами были, конечно, латыши и русские. Именно между латышами и русскими фашисты стремились посеять национальную рознь, спровоцировать конфликты. Они надеялись на то, что 20 лет господства буржуазии в Латвии и постоянное

провоцирование национальной ненависти во время оккупации создали благоприятную почву для заражения шовинизмом более отсталой в политическом отношении части крестьянства. Однако тщетны были надежды гитлеровцев.

Латгальский трудовой крестьянин не без основания ненавидел курземского и видземского кулака — эксплуататора. Русские ещё со времен Ульманиса также хорошо помнили политическую дискриминацию и экономическое угнетение национальных меньшинств, и в особенности русских, которые сознательно проводились латышской буржуазией. Объективно эта ненависть была направлена, конечно, против латышской национальной буржуазии. Но фашизм стремился завуалировать этот социальный антагонизм и в то же время подменить его якобы существенными национальными противоречиями, которые будто бы делают невозможными нормальные взаимоотношения между латышами и русскими. Аналогичную, по существу, политику, проводил и Ульманис, но его духовные наставники — гитлеровцы — были гораздо более ловкими в провоцировании национальных конфликтов.

Явно провокационный характер уже в первые месяцы оккупации носило назначение латышских фашистов — отъявленных шовинистов — на административные посты и на полицейскую службу в населенные русскими волости Латгалии. С этой же целью немцы использовали латышские полицейские батальоны для проведения карательных экспедиций против партизан в Белоруссии, Ленинградской области и в тех районах Латгалии, где преобладало русское население. Так, например, массовые расстрелы и заключение в концентрационные лагеря 20 тысяч мирных жителей Освейского и Дрисского районов в феврале—марте 1943 года были осуществлены главным образом силами латышских полицейских батальонов. Этих садистов не удовлетворяли массовые расстрелы, они живыми сжигали в наглухо заколоченных сараях и жилых помещениях жителей белорусских деревень, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей. Своими кровавыми делами эти фашистские выродки естественно вызывали к себе жгучую ненависть русского населения.

Эти зверства, осуществлявшиеся под руководством оккупантов и по их планам, но руками злейших врагов латышского народа — латышских буржуазных националистов, использовались фашистской пропагандой для разжигания национальной розни.

Гитлеровская пропаганда соответствующим образом обрабатывала и латышское население. Изо дня в день она пугала латышский народ «Сибирью», которая будто бы грозит латышам в случае возвращения Советской Армии, как «расплата» за зверства латышских фашистов. Взвалить на плечи всего народа тяжелые преступления латышских фашистов, внушить латышам мысль, что они несут ответственность за преступления отдельных мерзавцев, и таким образом вызвать страх и недоверие к русским — это провокационное стремление фашистов пронизывало фашистскую пропаганду во время оккупации.

Просматривая сегодня периодическую печать оккупационного времени, кажется, что вой гитлеровской фашистской пропаганды о «злодеяниях большевиков» не что иное, как бред сумасшедшего, вымысел болезненной фантазии, ибо нормальный человек, не садист, не может не только проделать, но даже представить себе что-либо подобное. Человек не может. Но фашистские изверги могли, ибо в этих «рассказах об ужасах» они описывали свои собственные кровавые преступления в оккупированных странах.

В 1944 году оккупанты пошли ещё дальше. В связи с тем, что разраставшееся партизанское движение было результатом братского сотрудничества латышской и русского населения они

прилагали все силы, чтобы посеять между ними рознь. С этой целью на борьбу с латышскими партизанами и подпольными группами содействия были брошены псевдопартизанские отряды РОА и полицейских, сформированные из белогвардейцев и уголовных элементов.

Фашисты хотели расколоть движение сопротивления, создать пропасть между латышами и русскими, между латгальцами и видземцами, что — по их провокационным замыслам — должно было вызвать распад движения сопротивления и облегчить оккупантам борьбу с изолированными национальными группами.

Разжигание шовинизма было одним из приемов борьбы оккупантов против партизан.

Однако «политика» разжигания шовинизма не привела к ожидаемым результатам. Трудящиеся Северной Латвии за эти годы великих испытаний выросли политически. Великая дружба советских народов закалилась и окрепла в борьбе с фашизмом и стала ещё более могущественной силой. Если в политически менее сознательной мелкобуржуазной массе иногда и проявлялись шовинистические тенденции, то коммунисты, опираясь на политически выдержанные партизанские коллективы и подпольные организации, быстро их ликвидировали. Эти тенденции вообще могли появиться только на основе недостаточной политической сознательности там, где недостаточно проводилась политико-воспитательная работа и слабо разъяснялась марксистско-ленинская национальная политика. Поэтому коммунисты неустанно разъясняли политику партии в национальном вопросе, разоблачали провокационные манёвры оккупационных властей, направленные на то, чтобы изнутри взорвать и тем самым парализовать антифашистскую борьбу народных масс в оккупированных районах.

Правильное проведение сталинской национальной политики как во внутренней жизни отрядов, так и в отношениях с населением, в самой основе подрывало проявления буржуазного национализма. В отрядах и в подпольных организациях креп братский боевой союз трудящихся. Примером тому может служить сплоченный многонациональный боевой коллектив I Латвийской партизанской бригады и распространившееся на всю Северную Латвию антифашистское подполье.

Совместная борьба против оккупантов способствовала преодолению искусственно созданного буржуазией национального недоверия, укреплению нерушимой дружбы между населявшими Северную Латвию жителями различных национальностей, дружбы народов, которая особенно пышно расцвела в послевоенное время, когда латышский народ при братской помощи советских народов, и в первую очередь великого русского народа, вновь приступил к строительству социализма.

* * *

Необходимо особо остановиться на комсомольцах. Они поистине были золотым фондом партизанских отрядов, неутомимыми разведчиками и бесстрашными подрывниками. Комсомольская организация I Латвийской партизанской бригады (секретарь Зеберг) после выхода в советский тыл насчитывала 111 человек, почти все её члены были награждены орденами и медалями Советского Союза. Двое из них — комсомольцы-подрывники Кононов и Паэглис, взорвавшие каждый по 12 воинских эшелонов и значительное число автомашин оккупантов, были удостоены высшей награды — ордена Ленина. Многие воспитанники ЛКСМ Латвии были командирами партизанских отрядов.

Комсомольцы были неустанными агитаторами и первыми помощниками партии в организации подпольной работы. Особенно активными организаторами подпольной работы были комсомольцы братья Иван и Вильгельм Кропы. Эти молодые рижские рабочие, начиная с весны 1944 года, сражались в рядах 4-го отряда. До перевода в партизанскую бригаду Северной Латвии братья Кропы активно работали в рижской подпольной антифашистской организации.

Работая в депо Шкиротава, Иван Кроп организовал молодежную антифашистскую группу «Молодая гвардия». Группа была создана в апреле 1942 года. В ней работало 28 человек рабочей молодёжи. Они писали и распространяли антифашистские воззвания, рисовали антигитлеровские плакаты и издавали небольшого формата газету, печатавшуюся на машинке. За 2 года рижские молодогвардейцы выпустили около полусотни воззваний тиражом по несколько сот экземпляров и 13 номеров газет на русском и латышском языках. Уже в 1942 году эта молодёжная группа установила связь со многими другими рижскими антифашистскими группами, собирала оружие и боеприпасы и посылала их партизанским группам в Сунакте и Бене, помогала бежавшим военнопленным и политзаключенным. Осенью 1943 года группа молодогвардейцев влилась в рижскую централизованную подпольную коммунистическую организацию, которая несколько позже установила связь с партизанами Северной Латвии.

2. ВООРУЖЁННАЯ БОРЬБА НАРОДА

Боевая деятельность и тактика партизан Северной Латвии зимой 1943—1944 года

Во время наступления Советской Армии на Ленинградском, Волховском и Северо-Западном фронтах главная задача северолатвийских партизан заключалась в том, чтобы непрерывно разрушать ведущие к фронту немецкие коммуникации. Железные дороги и шоссе, по которым шли на фронт живая сила и техника гитлеровцев, по-прежнему были главными объектами партизанских операций.

14 января 1944 года 1-й отряд спустил под откос 50-й по счету воинский эшелон оккупантов.

Повреждения железнодорожных линий наносили наибольший ущерб оккупантам. Охранительные меры, которые принимали гитлеровцы, не давали эффективных результатов. Воинские эшелоны по-прежнему сбрасывались под откос, а партизаны несли при этом незначительные потери. Для того, чтобы хоть как-нибудь уберечь подвижной состав от уничтожения, оккупанты вынуждены были предпринимать чрезвычайные меры. Так, например, на участке Ритупе—Резекне важнейшие воинские эшелоны проходили не иначе как большими караванами, один за другим, и только в дневное время. Для охраны этого потока эшелонов оккупанты выделяли целые части регулярных войск. Солдат вытягивали непрерывной цепью по обе стороны железной дороги.

Однако и эти меры не уберегли оккупантов от потерь. Компактные ряды эшелонов представляли собою прекрасные цели для советских пикирующих бомбардировщиков. Близость линии фронта и превосходство советской авиации в воздухе давали возможность нашим летчикам непрерывно бомбить эту важнейшую магистраль северного сектора немецкого фронта.

Каждая партизанская операция в это время имела огромное значение. Каждый взорванный эшелон создавал трудно устранимый затор в движении, а скопившиеся на станциях эшелоны

превращались в идеальную цель для советских бомбардировщиков. Советские летчики умело использовали эти заторы и наносили немецкой армии большой ущерб. Сотрудничество партизан с авиацией превратилось в важный фактор разрушения коммуникаций противника.

Несмотря на то, что железнодорожные линии усиленно охранялись, а глубокая зима создавала дополнительные трудности для минеров, налёты северолатвийских партизан на коммуникации противника не прекращались. В борьбе на рельсах партизаны всегда говорили последнее слово. Нервозность оккупантов и репрессии, которым подвергались части железнодорожной охраны, свидетельствуют о том, что сами гитлеровцы смирились с этой истиной. Теперь они больше не ставили перед собой цели взять под охрану все железнодорожные линии, а лишь стремились довести число железнодорожных катастроф «до терпимого минимума».

Налёты на эшелоны приносили оккупантам потери как в живой силе, так и в боевой технике. Так, например, эшелон, спущенный под откос группой Паэглиса 22 февраля близ станции Малнава, был гружен танками и артиллерией. Несколько танков, среди них два «тигра», были сброшены с насыпи и сильно повреждены.

В течение следующих 6 недель боевой счёт 1-го отряда пополнился еще 12 взорванными воинскими эшелонами.

4 отряд за зиму взорвал 5 эшелонов.

Целый ряд успешных диверсий и налетов из засад партизаны осуществили на шоссейных дорогах, в особенности на шоссе Резекне—Остров.

С целью хотя бы немного отвлечь «внимание» партизан от магистралей, оккупанты со второй половины декабря предприняли против партизан несколько карательных экспедиций, нередко с участием войсковых частей фронта, направляя удары на базы и штабы партизанских отрядов и подотрядов, которые к этому времени значительно выросли, и их было поэтому сравнительно легко обнаружить.

Центральная база 1-го отряда перенесла две такие крупные экспедиции. Последняя из них длилась 5 дней (с 8 по 13 февраля). На этот раз партизанам пришлось принять фронтальный бой. Противник потерял на партизанских минах и от огня 31 убитого и 29 тяжело раненных и вынужден был отступить, так и не добравшись до базы отряда. Наступление нескольких крупных экспедиций перенес и 4-й отряд.

За зиму оба отряда понесли серьёзные потери. Помимо вышеупомянутых командиров погибло несколько десятков рядовых партизан.

Особенно тяжёлое время пережили подотряды, ибо числа невооружённых партизан в них было сравнительно велико, а общее число бойцов составляло не более 40—80 человек. Обнаруженные на снегу следы помогали противнику расшифровывать манёвры партизан и выследить их.

Всю зиму отдельный взвод Матулена был буквально обложен карательными экспедициями в Алсвикском лесу. Оккупанты любыми средствами хотели вытеснить партизан из этого большого лесного массива, расположенного возле важнейшей магистрали — шоссе Рига—Псков. Нанося противнику серьёзные потери, партизаны Матулена ловко уклонялись от губительных ударов противника и по-прежнему оставались хозяевами леса.

На подотряд Поча крупные экспедиции обрушивались трижды. Особенно серьёзной была экспедиция 19—21 марта, во время которой противник бросил на Тилжский—Рускуловский лесной массив 2 500 гитлеровцев. Экспедицией командовал немецкий генерал-лейтенант. В течение последних месяцев через этот массив проходили группы и штаб 1-го отряда, которые перебирались из района Зилупе в Абренский уезд. Очевидно, некоторые сведения об этом передвижении дошли и до немецкого командования. Тщательная и сугубо секретная подготовка экспедиции свидетельствует о том, что противник надеялся захватить здесь главный центр руководства партизанским движением в Северной Латвии.

Утром 19 марта партизаны Поча были окружены в своём лагере. Однако захватить партизан врасплох и уничтожить оккупантам не удалось. Сразу же после поданного передовым постом сигнала тревоги партизанские взводы заняли заранее подготовленные секторы обороны и отбили первую атаку фашистов. Бой продолжался два с половиной часа. Превосходство сил противника было огромным. Кроме того, у партизан не хватало боеприпасов. Поэтому руководство подотряда приняло решение прорваться через кольцо окружения. Осуществить прорыв было поручено взводу Волана, который блестяще выполнил эту задачу, уничтожив в рукопашной схватке значительное число фашистов. В свою очередь взвод Юргенсона прикрыв отход подотряда и обеспечил доставку в безопасное место раненых партизан. Ввиду того, что подразделения экспедиции и в последующие дни продолжали прочесывать лес, подотряд временно перешел в Лубанские леса. В этом бою партизаны потеряли убитыми трех бойцов, 8 были ранены, среди них и комиссар отряда. Потери противника составили 38 убитых и около 60 раненых.

Несколько экспедиций было брошено также против подотряда, которым командовал Биетаг.

Экспедиции оккупантов сильно осложнили действия подотряда подрывников в Гаурском районе.

Однако оккупантам так и не удалось уничтожить созданные осенью организационные центры партизанского движения — подотряды, отдельные взводы и группы, несмотря на то, что зимние условия создали для экспедиций много серьёзных преимуществ. Наоборот, партизанские формирования росли, накапливая боевой опыт, укрепляли своё господство в лесах Северной Латвии. Более или менее серьёзные потери понес лишь отряд Ларионова. Он был единственным, который вышел из зимних боев несколько ослабленным.

Где кроются причины этой удивительной устойчивости партизанских формирований зимой 1944 года?

Первым и решающим источником силы партизанского движения было созревшее в идейном и организационном отношении движение народного сопротивления, которое, в свою очередь, черпало свои силы в морально приподнятом настроении масс, вызванном приближением Советской Армии к границам Латвии. Такого фактора не было ни в 1941 году, ни в 1942 году. Даже в 1943 году этот фактор был по существу потенциальным.

Во-вторых, т зимою 1943—1944 годов партизанам Латвии уже не приходилось сталкиваться с таким огромным превосходством сил противника, каким оккупанты располагали в борьбе с партизанами в 1941—1942 годах. Основные резервы противника были уже перемолоты под ударами Советской Армии, а остававшиеся свободными части противника непрерывно перебрасывались для латания прорех на фронтах. Местные гарнизоны противник также не мог

концентрировать в одном месте на более или менее длительное время для борьбы с каким-либо партизанским формированием, ибо к тому времени фашисты были, в полном смысле этого слова, привязаны к своим опорным пунктам, вынужденные уйти глухую оборону. Как известно, количество партизанских отрядов в оккупированных советских районах исчислялось в 1944 году уже тысячами.

Третьим фактором, который позволил в условиях тяжелых зимних боев сохранить все партизанские формирования, как организованную военную силу, было возросшее боевое мастерство командиров и рядовых. На эластичной тактике маневрирования, которую применяли партизаны в боях карательными экспедициями, стоит остановиться особо.

* * *

Особенно много приходилось маневрировать небольшим партизанским подотрядам, поэтому именно история деятельности подотрядов богата наиболее яркими примерами этой тактики. Для фронтальных лесных боёв эти формирования были слишком слабыми. Противник просто раздавил бы их огромным превосходством сил. Именно поэтому все операции противника ставили своей целью навязать партизанским формированиям фронтальные бои с тем, чтобы вывести из строя как можно больше живой силы партизан.

Тактика зимних экспедиций оккупантов значительно отличалась от экспедиций, проводившихся предыдущим летом. Тогда экспедиционные силы направлялись в большие лесные массивы с целью «прочесать» их. Оккупанты организовывали эти операции вслепую, заранее не зная о местонахождении партизан. Теперь же оккупанты старались сначала обнаружить расположение партизанского лагеря, окружить и внезапной атакой уничтожить его. Выполнение первой задачи возлагалось на предателей-шпионов. С ними партизаны могли бороться только при помощи строгой конспирации и оперативной контрразведки. Конечно, на долгое время нельзя было скрыть от разведки противника местонахождение лагеря. Поэтому партизанская разведка и контрразведка должны были действовать чрезвычайно организованно и внимательно, чтобы вовремя установить момент, когда оккупанты обнаруживали местонахождение партизанского лагеря. Командование же отряда должно было незамедлительно позаботиться о перебазировании на новое место. Если этот момент упускался, противник немедленно атаковал лагерь отряда.

Наступление начиналось обычно ранним утром, причем противник окружал партизан со всех сторон. Однако застигнуть партизан врасплох немцам никогда не удавалось. Так как подступы к лагерю, как правило, минировались, а наблюдательные посты расставлялись со всех сторон, партизаны первыми обнаруживали противника. В районе лагеря партизаны вступали в бой только в случае крайней необходимости, ибо там противник имел возможность сконцентрировать в одном месте все наличные силы и огневые средства или обстреливать партизан издали из тяжёлого оружия. Обычно партизаны бесшумно покидали лагерь. Если же противник обнаруживал манёвр партизан, то они одним ударом прорывались через растянувшиеся цепи противника. Лагерь и путь отхода партизаны минировали, и именно на минах противник нёс свои первые значительные потери. Надо заметить, что гитлеровцы испытывали панический страх перед партизанскими минами и редко решались преследовать партизан. Если же они и отваживались на преследование, то всегда с большими предосторожностями. Тактика партизан в таких случаях заключалась в том, чтобы не допустить

окружения, непрерывно маневрировать, а если нужно — стремительным ударом прорвать цепь противника, дожидаться темноты с тем, чтобы перебраться в новый массив.

Несмотря на то, что концентрическое наступление на лагерь сулило противнику заманчивые перспективы, т. е. возможность окружить и уничтожить всё «партизанское гнездо», немцы далеко не всегда прибегали к этому виду борьбы с партизанами, а если и применяли его, то, как правило, безуспешно. Во-первых, осуществление такого наступления в том виде, как его планировали немецкие офицеры, было очень сложным, и его проведение требовало большой точности. Но оказалось, что хваленая немецкая аккуратность и пунктуальность в условиях лесных боёв отнюдь не обеспечивала необходимой точности для выполнения задачи. Более того: педантичность и слепое преклонение перед буквой приказа больше мешали, чем помогали. Гитлеровским офицерам не хватало того, что необходимо командиру в лесном бою, а именно — творческой выдумки, решимости на быстрое самостоятельное решение и собственной инициативы в тех случаях, когда в ходе выполнения операции неожиданно меняется обстановка, появляются новые обстоятельства, не предвиденные ни планом, ни уставом. Между тем, момент неожиданности был одним из основных элементов боевой тактики партизан.

Опытные партизанские командиры обладали этими ценными качествами. В соединении с личной храбростью и хладнокровием эти качества делали их на целую голову выше выдрессированных, педантичных выучеников буржуазного военного искусства, будь они немцами или латышами. Славные партизанские командиры, павшие смертью храбрых, товарищи Поч, Эзерниек и Ларионов были особенно богато наделены этими творческими качествами командира.

Нередко педантизм вышколенных немецких офицеров приводил к неожиданным и неприятным для них результатам.

Увлеченные выполнением буквы плана, они нередко натравливали одни свои группировки на другие, воображая при этом, что бьют партизан. Причины таких неудач были очень примитивными: оказывалось, что партизаны, не дожидаясь, пока противник поставит их между «молотом и наковальней», действовали сами, причем очень смело — они выбирались из окружения под самым носом у карателей, предоставляя гитлеровцам очередную возможность подражаться между собою.

Особенно много таких примеров было во время зимних боев 1944 года. Рассмотрим, например, наступление карательной экспедиции на подотряд Биетага в Виялском лесу, которое было предпринято гитлеровцами 13 марта 1944 года. Ранним утром значительные силы жандармерии и полиции начали стягиваться вокруг отряда с двух противоположных сторон. Передовые посты партизан завязали перестрелку, и этого времени хватило подотряду на то, чтобы выйти из окружения через оставшуюся свободной небольшую щель. После сильной пулемётной подготовки обе наступавшие цепи ринулись в атаку на... пустой лагерь. Взрывы мин и свист пуль создали полную иллюзию сопротивления партизан. Создавалось впечатление боя как для самих «воюющих», так и со стороны. На сей раз партизаны выполняли роль зрителей. Результаты «боя»: 6 убитых немцев и полицейских, 3 контуженных, 2 тяжело раненных, не считая множества легко раненных и легко контуженных.

Не менее интересный случай имел место в ночь на 18 февраля возле местечка Гайгалава Резекненского уезда. Успешно закончив ночную операцию, группа Паэглиса на подводах тайком покинула Гайгалаву. О налёте партизан узнала мадонская полиция, в то время собравшаяся

возле лубанских лесов для облавы на партизан. Ночью полиция прибыла в Гайгалаву. Одновременно в Гайгалаву прибыли резекненские полицейские, которым также было сообщено о появлении партизан. В ночной темноте полицейские, приняв друг друга за партизан, вступили в жестокий бой. Когда «ужасное недоразумение» обнаружилось, обе стороны насчитывали уже несколько десятков убитых и раненых.

История партизанского движения в Северной Латвии знает много замечательных примеров искусного маневрирования. Благодаря неисчерпаемой энергии и смекалке, никогда не теряя надежды выбраться, казалось бы, из совершенно безвыходных положений, партизаны совершали «невероятные дела»: выдерживали наступления в десять и тридцать раз превосходящих сил и вырывались, в полном смысле этого слова, из когтей смерти, неся при этом небольшие потери.

При более близком рассмотрении оказывается, что ничего невероятного и невозможного во всех этих случаях не было. Это было обычным проявлением превосходства высококачественной тактики партизанской войны и морали советских бойцов.

Характерным примером в этом отношении является «невероятная удача» взвода разведчиков первого отряда 1 марта 1944 года.

Взвод разведчиков из 18 бойцов вместе со штабом отряда, который перебазировался в новый лесной массив, проделал в конце февраля стокилометровый марш из Зилупского района в северную часть Абренского уезда. Утром упомянутого дня противник заметил партизан прежде, чем они добрались до Тилжского массива. Через несколько часов из Карсавы и ближайших гарнизонов на грузовиках прибыло несколько рот немцев. Партизаны были полностью окружены в редком лесном кустарнике, занимавшем два квадратных километра между Рускуловой и Сальневой, который днём просматривался насквозь. Казалось, противник, располагавший тридцатикратным превосходством сил, должен был легко покончить с этой горсткой смельчаков. Более того, в распоряжении гитлеровцев для переброски подкреплений и осуществления операции был целый день, а партизаны могли использовать для маневрирования лишь ничтожную полоску леса. Гитлеровцы предчувствовали скорую и легкую «победу и не скрывали этого.

И всё же партизаны выбрались из окружения. Гитлеровцы запутались в своих же планах и не смогли вовремя расшифровать самых простых «сюрпризов» партизан. В результате партизаны продержались до самой ночи и с наступлением темноты вырвались из окружения. Противник потерял 8 человек убитыми и много раненых, а партизаны — лишь одного легко раненного.

Нет ничего удивительного в том, что среди населения начали распространяться рассказы и легенды о необъяснимой способности партизан среди бела дня ускользать из рук гитлеровцев. «Как сквозь землю провалились», — удивлялись рассказчики и слушатели.

Оккупантам не удавалось парализовать активность партизан действиями многочисленных карательных экспедиций. Партизаны использовали перерывы между экспедициями, чтобы от обороны перейти к наступлению. В эти перерывы они совершали налёты на опорные пункты и склады противника, не говоря уже о диверсиях на железных дорогах, которые осуществлялись регулярно. Таким путём в январе 4 отряд в ночных налётах уничтожил виксенский и упмалский полицейские участки вместе с 25 шуцманами — предателями и убийцами трудового народа.

В непрерывных боях с противником партизаны несли потери. После каждой боя или стычки в отрядах и подотрядах неизбежно появлялись тяжело и легко раненные, лечение и охрана которых были связаны с огромными трудностями. Это было самой тяжёлой проблемой партизанской войны в Латвии, и многие намеченные партизанами планы и операции не реализовались именно потому, что раненые связывали им руки. Особенно трудно было оказать помощь тяжело раненым.

Удивительной была самоотверженность санитаров и их умение при помощи немногочисленных медикаментов спасать раненых товарищей. Отважные медицинские сестры Густа Екабсон, Расма Осис, Ольга Кере, Анна Ташкан, фельдшеры Морозов и Соловьёв вернули в строй много десятков легко и тяжело раненных партизан.

Легко раненные лечились на месте, в лагерных условиях, тяжело раненные — на дому у сочувствовавших партизанам крестьян. Так, в марте 1944 года, во время экспедиции, жители Тилжской и Карсавской волостей спрятали у себя и спасли восьмерых раненых партизан из отряда Поча, которые не могли вместе с отрядом участвовать в переходе в Лубанские леса. Раненым оказывали помощь также некоторые местные врачи.

В конце февраля 1944 года база отряда уже располагала посадочной площадкой, и многих тяжело раненных удалось отправить по воздуху в советский тыл.

* * *

Создание I Латвийской партизанской бригады. Её структура и характер деятельности.

К февралю 1944 года в основном закончилась переброска штаба и базы 1-го отряда из Зилупского в Вилякский район. За 10 месяцев 1-й отряд выполнил свою задачу. Вся Северная Латвия была покрыта боеспособными партизанскими формированиями, все они были связаны между собою, а также с координирующим центром — штабом 1-го отряда.

В формированиях, непосредственно подчиненных руководству 1-го отряда (не считая 4-го отряда), в этот период боев насчитывалось около 550 вооружённых бойцов. К началу марта 1944 года в строю оставалось немногим больше 350 бойцов. 50 партизан погибло в боях, около 150 были переведены в соседние бригады и отряды. Силы отряда были разбиты на четыре части, которые находились в Зилупском, Карсавском, Абренском и Вилякском районах.

Политотдел отряда, вместе с Абренским уездным комитетом партии, создал широкую сеть антифашистских подпольных организаций в северных волостях Лудзенского уезда и в южной и центральной частях Абренского уезда.

За 10 месяцев боевой деятельности, 1-й отряд пустил под откос 62 воинских эшелона, в результате чего были разбиты 50 паровозов, 376 вагонов, из них 124 вагона с живой силой, 72 — с военной техникой и боеприпасами, 3 — с горючим. За это же время было уничтожено 2 гарнизона, 5 крупных шоссежных и железнодорожных мостов, 1 самолет и т. д. Выведено из строя свыше 5 700 гитлеровцев, из них уничтожено около 2 000.

4 отряд в середине марта 1944 года насчитывал в своих рядах 240 человек. Отряд создал мощный подотряд в Жигурском лесу (командир Отанькис), в Алсвикском лесу действовал отдельный взвод Матулена, в Палсманских лесах — группа Путана. Политотдел отряда,

совместно с Валкским уездным комитетом партии, создал широкую антифашистскую подпольную организацию в Валкском уезде и в северной части Абренского уезда. За 7 месяцев отряд пустил под откос 8 эшелонов (в результате чего были разбиты 8 паровозов, 56 вагонов), одну мотодрезину, разгромил 2 полицейских участка и т. д. Партизаны вывели из строя 479 гитлеровцев. Потери отряда — 20 убитых партизан.

За период зимних боёв партизанские отряды Северной Латвии значительно окрепли в военном отношении и выросли численно. В начале марта 1944 года количество вооружённых партизан в отрядах превышало уже 600 человек. Подотряды Поча, Биетага (1 отряд) и Отанькиса (4 отряд) превратились в самостоятельные отряды; они имели опытных командиров, были довольно многочисленными, имели широкую связь с населением и, что очень важно, располагали полным доверием народа. Февральские и мартовские бои явились как бы экзаменом при переходе к более высокой форме организации. Этот экзамен был выдержан с честью.

В масштабе всей Северной Латвии назрела острая необходимость в новой, более высокой форме организации партизанского движения. Такой формой была партизанская бригада.

17 марта 1944 года приказом ЛШПД была создана I Латвийская партизанская бригада (сокращенно 1 ЛПБ), в состав которой вошли 1 и 4-й партизанские отряды. Тем самым была придана соответствующая форма тем отношениям между партизанскими отрядами и подотрядами Северной Латвии, которые сложились за предыдущий период.

Командование бригады: командир Самсон, комиссар Риктер, исполняющий обязанности начальника штаба Сваринский, помощник командира по разведке Максимов, помощник комиссара по комсомолу Зеберг. В бригаду входили 5 вновь сформированных партизанских отрядов: 1 отряд, базировавшийся в Тилжских лесах (командир Поч, комиссар Кадаковский, начальник штаба Бурбо, начальник разведки А. Балодис, руководитель агентуры Потапов, комсорг Рудзиш); 2 отряд, базировавшийся в Вилякском лесу (командир Биетаг, начальник штаба и впоследствии командир отряда Анджан, комиссар Дергач, начальник разведки и впоследствии начальник штаба Н. Петров, руководитель агентуры В. Константинов, комсорг Иван Романов); 3 отряд с базой в Лиепненских лесах (командир Отанькис, комиссар Берзинь, начальник штаба Кассель, руководитель агентуры Суровцев, комсорг Вера Миронова); 4 отряд — с базой в Яунанненских лесах (командир Савицкий, комиссар Рашкевиц, начальник штаба Страутман, впоследствии Лейтис, руководитель агентуры Чакстьшь, комсорг Густавсон). В районе Зилупе сформировался самостоятельный, по более поздней нумерации 7 отряд (командир Бурцев, комиссар Липовский, начальник штаба Ришкис).

Эти отряды входили в первый состав бригады.

Подотряд Ларионова преобразовался в отдельный взвод подрывников бригады с базой в Балтинавской волости (командир Кузьмин, политрук Пименов). Отдельный взвод Матулена и группа Путана вошли в состав 4-го отряда; отдельная группа Кононова (Мердзенская волость) — в состав 7-го отряда.

Штаб бригады, штабной отряд и взвод бригадной разведки базировались в Лиепненском лесу — самом крупном массиве в центральной части Северной Латвии.

В мае и июне, в связи с наплывом новых партизан, отряды выделили новые отдельные взводы и подотряды, несколько из них впоследствии превратилось в самостоятельные отряды. Так, при



Часть штаба Первой Латвийской партизанской бригады (декабрь 1944 года)

4-м отряде в Палсманских лесах вырос 5-й отряд (командир Страутман, комиссар Биетаг, начальник штаба Чакстынь, командир разведки Матулен, комсорг Лизинь), а при 3-м отряде в Каценской и Бейской волостях — 6-й отряд (командир Сидоров, комиссар Д. Каупуж, командир разведки Громов).

1-й отряд выделил подотряд для деятельности в районе Ругай-Берзпиле (командир Юргенсон, комиссар Рудзиш) и отдельный отряд для действий в Наутренской волости (командир Волан), 2-й отряд — взвод Грибоченка для Литенского района. В ходе боёв при 5-м отряде были созданы подотряд, которым командовал Леинь (в районе Гауиены), взвод Гайлиса (южнее Валки) и группа А. Барановского (севернее Вецпиебалги); при 6-м отряде — отдельный взвод в Бейской волости (командир Калинов, политрук Нора Мелналкснис). Таким образом, Северная Латвия была покрыта густой сетью партизанских формирований, руководимых из одного центра.

Задача бригады заключалась в том, чтобы разрушать ближайшие тылы немецкого фронта, предупреждать ограбление Северной Латвии оккупантами, спасать население от угона в Германию.

Тактику бригады определили условия, в которых протекала её деятельность — борьба с отступающими частями второго эшелона немецкого фронта. Весной и летом в Северной Латвии дислоцировались тыловые части, резервы и штабы 16 немецкой армии. Время от времени в имении Малнава размещался штаб 16-й армии. В распоряжении противника поэтому всегда имелись значительные силы, которые могли быть брошены на борьбу с северолатвийскими партизанами.

В тактике партизанской борьбы в это время существенных изменений не произошло. Деятельность отрядов бригады носила тот же характер, что и предыдущим летом, а именно: отряды наносили удары врагу одновременно на всей территории. Эта тактика давала партизанам лучшие результаты как в оборонительных, так и в наступательных операциях. Противник, опираясь на огромное превосходство сил, упорно придерживался старой тактики — сперва нащупать места сосредоточения партизанских сил, затем окружить их и уничтожить.

Упомянутая тактика партизанской борьбы в свою очередь оказала влияние, более того, определила формы управления бригадой и территориальное размещение ее сил. Отряды бригады действовали самостоятельно, личный состав бригады для проведения общих операций никогда не собирался в одном месте. Такие операции проводились отдельными отрядами по общему плану бригады. В каждом массиве — за исключением Лиепненских лесов, где при штабе бригады временами находилось по 2—3 отряда, — обычно располагался только один отряд. Во время больших карательных экспедиций отряды маневрировали в своем районе, иногда на время покидали его. Партизанские районы, будучи одной из наиболее распространенных форм партизанской борьбы в соседних советских республиках, в Северной Латвии не получили распространения в связи с особыми географическими условиями и огромной концентрацией сил противника, появившейся к тому времени, когда партизанское движение приняло массовый характер.

Всё это учитывая, штаб бригады планировал и координировал действия отрядов с таким расчётом, чтобы противник подвергался непрерывным ударам одновременно на всей территории. Штаб организовывал централизованное снабжение отрядов боеприпасами и оружием; активизировал партизанское движение в западных волостях Северной Латвии.

Для руководства и координирования деятельности отрядов штаб бригады располагал хорошо разработанной и развернутой системой связи. Помимо штаба бригады радиосвязь с советским тылом поддерживали также некоторые отряды.

Служба радиосвязи является одним из важнейших звеньев современного партизанского движения. Отсутствие её неизбежно влечёт за собой ряд недостатков или на одном из участков партизанского движения, или же в партизанском движении в целом. В случае нарушения радиосвязи партизаны теряли возможность получения из советского тыла оружия, боеприпасов и пополнения, прекращалась также передача руководящих директив из центра. Бессменные радисты северолатвийских партизанских отрядов Мацулевич, Покидов, Рушко, Кибиш и др. с честью выполнили возложенные на них обязанности. В чрезвычайно тяжёлых условиях они обеспечили почти непрерывную радиосвязь с советским тылом.

При помощи своих портативных радиопередатчиков партизанские разведчасти передавали штабу фронта очень важные сведения о передвижениях войсковых частей и техники противника, о строительстве укреплений, об аэродромах, гарнизонах, складах противника и т. д. и т. п. Такими сведениями партизаны располагали всегда и в большом количестве.

* * *

Партизанская бригада Северной Латвии не представляла собою изолированного островка в оккупированной немцами Прибалтике. По соседству с нею действовали многие другие формирования отважных народных мстителей. Чувство локтя необходимо не только на фронте, но и в тылу противника. Оно не даёт развиться опасному чувству одиночества, которое может возникнуть в случае соприкосновения с превосходящими силами противника.

Активных соседей партизаны Северной Латвии имели со всех сторон.

В восточном направлении установилось тесное сотрудничество с крупными партизанскими бригадами Ленинградской и Калининской областей, начавшееся ещё в 1942 году. На севере был установлен контакт с отдельными группами эстонских партизан. На юге и юго-западе действовали латышские партизанские формирования: в Мадонских—Лубанских лесах действовала руководимая Ратынем и Блюмом II Латвийская партизанская бригада; за Двиной в лесах Земгалии — III Латвийская партизанская бригада под командованием Ошкална. В той части Латгалии, которая расположена южнее Резекне, действовали несколько отдельных партизанских отрядов и групп: в районе Истра—Пилда действовал насчитывавший несколько сотен бойцов отряд Кравченко-Черковского; в окрестностях Малты и Прейлей — партизанский отряд, который образовался из нескольких местных партизанских групп, объединившихся под командованием бывшего командира роты Латышского партизанского полка Богданова. В самой южной части Латгалии летом 1944 года из подпольных групп, работавших под руководством Мейкшана, Рекшни и Рудена, вырос ещё один новый партизанский отряд.

К этому времени партизанское движение охватило и западные уезды Латвии — Курземе, несмотря на то, что они были расположены довольно далеко от основных районов латышского партизанского движения. Своей высшей точки партизанская борьба достигла здесь зимою 1944—45 гг., когда Советская Армия окружила в так называемом «Курляндском мешке» 30 фашистских дивизий.

В Лиепайском и Айзпутском уездах руководящим центром движения сопротивления являлся отряд Мацпана, который базировался в Циравских лесах с осени 1943 года. В больших Усмских лесах в это время начало формироваться ядро будущего партизанского отряда «Красная стрела», из которого в начале 1945 года выросло крупное и сильное партизанское формирование, громившее коммуникации оккупантов в Вентспилсском, Кулдигском и Талсинском уездах.

* * *

Борьба в районе дислокации второго эшелона немецкого фронта (весна — лето 1944 года)

Период партизанских боёв в зоне второго эшелона немецкого фронта был одним из наиболее успешных периодов во всей истории партизанской борьбы, причем этот период изобилует большими боями.

Сравнительно более спокойным был только апрель. Весенняя оттепель и бурный паводок значительно затрудняли действия как партизан, так и немецких карательных экспедиций. Этот период сравнительного затишья командование использовало для укрепления отрядов, для подготовки бойцов и командиров к предстоящим боям. В течение четырёх месяцев численность бойцов бригады, несмотря на значительные потери, увеличилась вдвое.

В мае положение заметно изменилось. Возросшая активность партизан не могла не вызвать новой волны карательных экспедиций. Партизаны действовали в непосредственной близости от мест расположения немецких войсковых частей, так сказать, на глазах у командования немецкого фронта. В нескольких километрах от штаба 16-й армии, находившегося в имении Малнава, взлетали на воздух воинские эшелоны и автомашины.

На этот раз карательные экспедиции готовились особенно тщательно. Планы экспедиций разрабатывались штабом 16-й армии гитлеровцев, а командование ими было поручено немецким генералам.

Согласно отчёту бригады только за последний год на базы партизан Северной Латвии было брошено 82 экспедиции⁴⁶ в которых участвовало свыше 90 000 гитлеровцев. Таковы были те силы, которые партизаны Северной Латвии сковывали своими действиями и отвлекали с восточного фронта.

Большая часть упомянутых экспедиций против партизан состоялась именно в весенне-летний период 1944 года. Каждое партизанское формирование подвергалось нападению по крайней мере четырех-пяти экспедиций. По численности все они были очень большими и насчитывали обычно по несколько тысяч человек.

⁴⁶ Здесь не учтены бесчисленные экспедиции, которые противник направлял после каждой успешной партизанской операции на те лесные массивы, в которых не было баз. Более того, партизаны планировали свои операции именно так, чтобы направить экспедицию противника в ложном направлении — на те массивы, в которых не было партизанских штабов и баз. Преследуя по ложному следу, оккупанты разбрасывали свои силы и теряли дорогое время для прочесывания «пустых» лесов. Особенно ловко в этом отношении действовали подрывники 2-го отряда в районе станций Вецуми — Вавере. Экспедиции непрерывно обыскивали близлежащие леса, но безрезультатно: им не удавалось обнаружить ни самих исполнителей операций, ни их исходную базу, которая находилась в другом месте, в Вилякском лесу. Не помогли ни усиленная охрана железнодорожных линий, ни бесконечные прочесывания лесов. Тогда немцы возложили ответственность за происшедшие катастрофы на железнодорожную охрану — солдат из батальонов РОА и латышских полицейских. Во многих случаях охрану в полном составе арестовывали и подвергали наказанию, а, начиная с весны 1944 года, латышским полицейским вообще больше не доверяли охрану важнейших объектов. Вместо них назначали немцев, что, конечно, не спасало положения.

Самые тяжелые карательные экспедиции вынес отряд под командованием Поча. Активность отряда и близость к местонахождению штаба 16-й армии были причинами непрерывных атак экспедиций на Тилжский массив. В начале июня (с 31 мая по 6 июня) против 1-го отряда оккупанты бросили огромные силы — одну из отступавших с фронта дивизий 16-й армии, бригаду легиона «СС», отдельные моторизированные войсковые части, два латышских полицейских батальона, пограничников и айзсаргов, собранных со всей Латгалии, — всего свыше 20 000 гитлеровцев. Они окружили Тилжские и окрестные леса, подвезли артиллерию и миномёты. Партизан было всего лишь несколько сотен бойцов, причем многие были очень плохо вооружены или вовсе безоружны. Резерв боеприпасов, имевшийся в распоряжении отряда, был очень невелик.

Окружив массив, немецкие батальоны развернулись в цепи и начали прочесывать лес. Храбрость и боевые манёвры партизан были поистине беспредельны. В течение недели отряд под командованием Поча дал три жестоких боя, трижды прорывался из окружения и, наконец, атаковал из засады колонну фашистов. Несколько раз по ошибке разгорались бои между немцами и полицейскими.

По показаниям полицейских, которые принимали участие в боях, фашисты потеряли за время экспедиции около 700 человек убитыми и ранеными. Боевые взводы 1-го отряда и две боевые группы 7-го отряда, которые во время экспедиции находились в Тилжском массиве, потеряли 21 убитого, 5 пропавших без вести и 2 раненых. Смертью храбрых пали командиры Балодис и Сцепуро. Будучи тяжело ранеными и окружёнными со всех сторон, они до последнего дыхания не выпускали из рук оружия и отстреливались. Разведывательные группы фронта, находившиеся в это время также в Тилжском массиве, потеряли около 20 бойцов.

Невиданная храбрость партизан и их решимость бороться с любыми превосходящими силами противника стали легендарными и вызвали восхищение народа. Трудящиеся неоднократно имели возможность убедиться в том, что никакие силы оккупантов — будь они даже в сто раз большими — не могут уничтожить партизан. Несмотря на то, что вот уже десятки раз официально сообщалось об уничтожении партизан, партизанская борьба продолжалась.

Подобные неудачи экспедиции терпели и в других районах. Нигде им не удавалось хотя бы сколько-нибудь серьезно ослабить партизанские отряды.

За волной экспедиций последовало новое мероприятие оккупантов — «голодная блокада» — так его называли партизаны.

Такая перемена тактики противника очень характерна. Каждый раз, когда разрекламированные операции по «окончательному уничтожению партизан» проваливались, оккупанты старались незаметно перейти к обороне. Противник вынужден был молчаливо признать победу партизан, их превосходство. Замалчивая победу партизан, оккупанты тем самым замалчивали свое поражение.

«Голодная блокада» также была своего рода признанием превосходства партизан. Видя, что огромные карательные экспедиции не дают положительных результатов, оккупанты перешли к обороне. Они надеялись «закупорить» партизан в лесных массивах и не выпускать из лесу с тем, чтобы оставить их без продовольствия. Завязывая бои на опушке леса, оккупанты рассчитывали не допускать партизан до важнейших военных объектов. Остаться без продуктов было реальной

и серьезной угрозой, ибо большие партизанские отряды (число вооруженных бойцов бригады превышало уже тысячу) требовали регулярного и четко организованного снабжения.

Чтобы осуществить блокаду лесных массивов, оккупанты в несколько раз усилили и пополнили уже и так густую сеть гарнизонов. Все лесные массивы, в которых господствовали партизаны, были окружены тесным кольцом гарнизонов. В качестве иллюстрации покажем, какими силами блокировали немцы 4 отряд в конце мая 1944 года. На станции Виксна находился гарнизон в 200 гитлеровцев, в Пакалниеши — 80, в Свилте — 50, на станции Балви — 200, в Литене — 500, в Сите — 200, в окрестностях станции Малупе разместились на отдых части поредевшей на фронте немецкой дивизии, в Алуksне и Гулбене — крупные гарнизоны и проходящие войсковые немецкие части и вдобавок ко всему этому — опорные пункты шуцманов и полицейские участки в каждой волости вокруг Анненского лесного массива.

Все удобные для партизан подступы, выходы и переходы из массива в массив немцы блокировали засадами, патрулирующими взводами и постами.

Выходя на операции или на заготовку продовольствия, партизаны должны были в каком-либо месте прорывать это кольцо. Несмотря на то, что и в этих случаях инициатива была на стороне партизан, стычки с находившимся в засаде противником были не всегда успешными. Противник, подготовившийся к нападению и занимавший более выгодные огневые позиции, всегда был опасен для партизан. Так, например, в ночь на 3 июня 3-й отряд в стычке с засадой противника потерял 4 убитых и 3 раненых. Зато в ночь на 24 июня 3-й отряд в бою с засадой противника уничтожил 21 и ранил 12 гитлеровцев, потеряв при этом одного раненого.

* * *

Боевая инициатива, которую после успешного отражения карательных экспедиций завоевали партизаны, была, конечно, большим подспорьем для дальнейшей деятельности. Бригада снова была в роли нападающего, и эту свою позицию она использовала эффективно. Подрывные группы бригады до середины июля уничтожили 56 воинских эшелонов оккупантов. При помощи мин и налетами из засад партизаны уничтожили за это время 25 машин противника с живой силой и военным грузом, среди них — одну штабную машину, которую разведчики бригады подстрелили 15 мая на дороге Лиепна—Куправа. Среди убитых и тяжело раненных в этой операции шести офицеров были 2 немецких полковника. Саперы 2-го отряда на шоссе Виляки—Вецуми взорвали одну танкетку, а 3 отряд повредил у Манухново немецкий средний танк.

Отряды бригады проводили операции не только на коммуникациях противника. Они были уже достаточно сильны для того, чтобы осуществлять нападения на укрепленные гарнизоны, опорные пункты, железнодорожные станции и охраняемые склады противника. Остановимся на наиболее характерных из этих операций.

Ночью 4 мая 2 отряд разогнал шуцманов опорного пункта «Плоскене» (Балвская волость), выведя из строя 10 гитлеровцев. 25 мая взвод Кононова внезапным налётом среди бела дня уничтожил опорный пункт в деревне Баты Мердзенской волости. В бою были убиты 9 фашистов — ненавистных палачей трудящихся. 7 июня и 10 июля в ночных налётах на расположенные около Виляки склады боеприпасов партизаны 2-го отряда взорвали 3 склада с сорока тоннами тола, снарядами, минами и патронами. В качестве трофеев были захвачены 120 кг тола, 500 гранат, много мин и патронов. 7 июля подрывники 3-го отряда уничтожили упмалский полицейский участок с 20 шуцманами.

Ночью 8 июля ударная группа 6-го отряда уничтожила у деревни Батвино штаб связи алуксненской группировки немецких войск с автомобилем-рацией и коммутатором; 6 немецких офицеров и унтер-офицеров были убиты, 6 — тяжело ранены.

12 июля взлетело на воздух заминированное 3-м отрядом здание сасницкого гарнизона, в котором была расположена посланная на борьбу с партизанами рота войск «СС». Потери противника были очень велики. Вечером того же дня 3 отряд совершил налёт на катлешский гарнизон, выведя из строя 25 солдат и офицеров противника.

Ночью 21 июля 6 отряд занял укреплённую станцию Ворожу, уничтожив при этом 15 немцев и разоружив 15 предателей. Кроме того, партизаны освободили 19 советских граждан, которые были мобилизованы для отбытия трудовой повинности.

Партизанская война в Северной Латвии разгоралась стремительными темпами.

3. ИЗГНАНИЕ ОККУПАНТОВ ИЗ СЕВЕРНОЙ ЛАТВИИ

Удары партизан по отступающему противнику

В конце июня началось наступление Советской Армии на сильно укрепленный немцами «Белорусский выступ». В июле в районе Псков—Остров перешли в наступление также войска 3-го Прибалтийского фронта. Во второй половине июля 16 немецкая армия, потеряв сильно укрепленные позиции, покатила на запад, пересекая Северную Латвию. Началось освобождение Латвии.

Партизанское движение Северной Латвии вступило в последнюю стадию своего развития. Этот период боёв был короток, но богат боевыми успехами.

Согласно приказу штаба бригады от 14 июля, отряды начали усиленно громить коммуникации противника. Каждый отряд и подотряд действовал по плану бригады на определенных путях сообщения, которые он должен был оседлать и блокировать с тем, чтобы, во-первых, воспрепятствовать переброске живой силы и техники противника на фронт и, во-вторых, нарушать планомерное отступление фронтовых частей. Чем ближе подходил фронт, тем эффективнее становились действия партизан.

Немецкое командование вынуждено было использовать для охраны своих коммуникаций в Латвии значительные силы, сняв их с фронта. Но и это не предотвратило непрерывных нападений партизан. На многих магистралях партизанам удалось полностью блокировать движение немецких войсковых частей или в большой степени нарушить его.

Особенно успешно действовал партизанский взвод Кононова на вновь построенной железнодорожной линии Абрене—Опочка. 4 июля партизаны взорвали первый эшелон которым открывалось сообщение по новой железнодорожной линии и который вез на фронт войска и боеприпасы. Последующими диверсиями (были взорваны железнодорожный мост и 2 эшелона с живой силой) партизаны Кононова полностью парализовали движение поездов по этой линии вплоть до прихода частей Советской Армии.

Вывод из строя железнодорожной линии Абрене—Опочка был большим ударом по планам оккупантов в этом секторе фронта. Строительство этой линии оккупанты поспешно закончили в последние месяцы перед наступлением частей Советской Армии на 2-м Прибалтийском фронте. Это была единственная железнодорожная линия, которая связывала Опочку — важнейший узел сопротивления немецкой оборонительной системы с тыловыми железнодорожными магистралями. Так как железнодорожная линия из-за налетов партизан фактически бездействовала, многие части немецких войск и эшелоны с боеприпасами так и не добрались до фронта вплоть до решающего наступления советских войск. С другой стороны, немцы не могли вывезти награбленные в этом районе материальные ценности.

На шоссе Балви—Виляка до 21 июля движение немецких войск успешно нарушал 2 отряд под командованием Анджана. Было повреждено 6 автомашин — это были главным образом штабные машины с офицерами. Разведчики бригады на этой дороге уничтожили 2 машины.

Начиная с 21 июля, противник выставил на лесном участке Вилякского шоссе невиданную охрану: через каждые 150 метров пулеметное гнездо, через каждые 50 метров удвоенный пост, по шоссе непрерывно патрулировали броневики, миномётные батареи методически обстреливали лес по обе стороны дороги. Автомшины двигались только колоннами и в сопровождении танкеток. Поэтому 2 отряд с 21 по 24 июля перебросил свои подразделения на параллельную магистраль — на Дорогу Виляки—Куправа—Лиепна. Здесь отряд вывел из строя 4 грузовика, несколько подвод и около 50 оккупантов. Полностью заблокировать дорогу не удалось, тем не менее она находилась под постоянным огнём партизанских пулемётов и миномётов. На Балвском шоссе (южнее железнодорожной станции Сита) действовал взвод Грибочёнка, который провел несколько успешных налётов из засад на колонны пехоты. На дороге Балви—Лубана подотряд Юргенсона произвёл 27 июля нападение из засады на колонну автотранспорта противника. Партизаны повредили 2 машины, а один мотоцикл захватили в качестве трофея. 28 июля подотряд пулемётным и автоматным огнём нанёс большие потери транспортной колонне противника из 100 подвод.

1-й отряд препятствовал движению противника по дорогам Карсава—Тилжа и Карсава—Балтинава. Отряд неоднократно нападал на колонны противника, повредил при этом 7 автомашин с живой силой (уничтожено 20, ранено 25 оккупантов), уничтожил двух мотоциклистов — офицеров связи штаба немецкой дивизии. Противник был не в состоянии использовать прямую дорогу из Карсавы в Тилжу.

С 22 июля до вечера 24 июля, т. е. до прихода частей Советской Армии, разведчики бригады и штабной отряд полностью оседлали дорогу Лиепна—Жигури. В ночь на 22 июля партизаны преградили дорогу колонне противника, которая хотела прорваться из Жигури в Лиепну. Партизаны разбили 5 грузовиков с живой силой и одну легковую штабную машину, остальная часть колонны была вынуждена возвратиться обратно в Жигури. 23 июля, когда противник на 6 грузовиках подбросил из Лиепны дополнительные силы и снова двинулся по этой дороге, партизаны сожгли 2 машины, 2 повредили, уничтожили 45 немцев, а 5 взяли в плен.

3 отряд уничтожил в районе Катлеши один грузовик, одну подводу, 17 гитлеровцев и захватил трофеи — 5 немецких штабных машин и 4 мотоцикла.

6 отряд уничтожил у Манухова 2 грузовика с немцами.

4 отряд успешно блокировал дорогу Балви—Яунанна и совершил ряд налётов на части немецких войск, отступавшие по шоссе Литене—Алуксне. С 24 по 30 июля отряд уничтожил 4 легковых и 3 тяжёлых автомашины с немцами и 2 подводы.

* * *

Партизаны спасают население от ограбления и угона в Германию

Советские партизаны всегда были тесно связаны с трудящимися. Эта связь укрепилась в особенности тогда, когда движение сопротивления приобрело массовый характер, и она не прерывалась ни на минуту. Во время борьбы за освобождение Латвии ярче всего проявилось единство трудящихся Латвии и партизан. Партизаны с оружием в руках защищали население от угона в Германию, и жители полностью доверялись своим защитникам.

В конце июня разведывательная служба бригады обнаружила, что в связи с приближением фронта фашисты начали подготовку к эвакуации населения Восточной Латвии в глубь Латвии, а оттуда — дальше, в Германию. Это было последней отчаянной попыткой оккупантов покончить с партизанами и как-нибудь обеспечить ближайший тыл фронта.

С другой стороны, так называемая операция по «эвакуации населения» давала возможность оккупантам провести в жизнь планировавшееся ими ограбление латышского народа, обеспечить рабочей силой немецкие военные заводы, а также расправиться на месте с «нежелательными элементами».

И, наконец, после угона населения оккупантам было бы легче реализовать свои злодейские планы — превратить оставляемую территорию в безжизненную пустыню.

Однако избранный оккупантами метод борьбы характеризовал ограниченность руководства гитлеровцев. Потерпев неудачу непосредственно в борьбе с партизанами, противник поставил перед собой цель уничтожить весь народ. Но и этому плану суждено было провалиться, ибо народ невозможно ни вывезти, ни уничтожить.

6 июля командование I ЛПБ получило телеграмму товарища Калнберзина с руководящими указаниями на последний период деятельности. Спасать жителей от угона, защитить крестьянские хутора от ограбления и разрушения, не допускать вывоза народных богатств в Германию — такова была директива ЦК КП (б) Латвии.

Отряды бригады немедленно приступили к выполнению этих указаний партии. Прежде всего была проведена широкая разъяснительная работа среди населения. Партизаны рассказывали о грозной опасности, указывали, как и где скрываться, как прятать имущество, разъясняли, каким образом партизаны будут помогать населению.

Благодаря быстрому наступлению Советской Армии фашисты не успели организовать угон жителей Советской Латвии в более или менее широких масштабах, и только лишь при отступлении немецкие войсковые части выделяли специальные отряды, сохранившиеся в памяти народа, как «команды поджигателей», которые сгоняли жителей в одно место, заставляли их увозить в глубокий тыл своё имущество — всё оставшееся сжигали. Скрывавшихся по лесам разыскивали и расстреливали. Особенно зверски расправлялись с населением немецкие жандармы и латышские полицейские.

Но в эти страшные дни крестьяне Северной Латвии не были оставлены на произвол судьбы. Им помогали красные партизаны. Под непосредственной охраной 1, 2, 3, 4 и 6-го отрядов скрывались 1120 крестьянских семейств. 5-й отряд несколькими месяцами позже спас в Палсманском районе 186 семейств.

Ещё большим было число семейств, которые, не испугавшись угроз оккупантов расстрелять каждого, кто попадется им в лесу, последовали советам партизан и прятались в лесах самостоятельно. Ведя бои на коммуникациях противника, партизаны отвлекали силы противника и мешали ему прочесывать леса. Нередко, когда жандармы пытались проникнуть в лесные массивы, партизаны вступали с ними в бой и рассеивали их. Приведем несколько примеров. 2 раза — 25 и 27 июля — взвод Грибочёнка вступил в бой с жандармами и рассеял их, когда они со стороны станции Сита пытались прочесать лес.

24 июля разведчики бригады и штабной отряд, заметив в районе усадьбы Пердава (возле Лиепны), что несколько рот оккупантов начали грабить крестьянские дома и обыскивать ближайший лес, вступили с немцами в бой. В результате стычки противник отступил с потерями, и все крестьянские хозяйства в этом районе остались нетронутыми.

Были случаи, когда партизанам удавалось освободить уже угоняемых немцами жителей. Так, 12 июля на дороге Наутрели—Рускулова взвод 1-го отряда рассеял немецкую охрану и освободил 15 крестьянских семейств с подводами и стадом. 25 июля на дороге Тилжа—Карсава 1-й отряд освободил 50 крестьянских семейств.

Так в трудную минуту партизаны помогали трудовому народу — народу, который их породил и вырастил.

* * *

Непосредственная помощь партизан наступающим частям Советской Армии

Характерно, что после освобождения частями Советской Армии города Абрене противнику не удалось хоть сколько-нибудь закрепиться в районе Виляка—Лиепна—Балви, хотя командование немецкого фронта с отчаянной решимостью пыталось сохранить здесь разваливавшуюся линию обороны, перебросив из Эстонии несколько свежих дивизий и среди них одну дивизию «смертников». Стремительное продвижение частей 3-го Прибалтийского фронта создало в этом районе угрозу для всей северной группировки противника. Наступающие части Советской Армии неудержимо рвались к Рижскому заливу чтобы отрезать эстонскую группировку гитлеровцев. Противник всеми силами старался приостановить это грозное наступление. Однако противнику не помогла даже сравнительно выгодная для оборонительных боёв местность, затруднявшая из-за обилия лесов и болот развертывание и маневрирование танковых колонн Советской Армии, которые поэтому могли продвигаться лишь по дорогам. Несколько стабилизировать положение на фронте немецкому командованию удалось только возле Гулбене.

Несомненно, что основной причиной быстрого продвижения частей Советской Армии через Абренский уезд был грандиозный прорыв фронта противника в районе Острова, после которого противнику уже было трудно перегруппировать свои силы. Однако этим успехам в некоторой степени способствовала и I Латвийская партизанская бригада. Постоянные налеты её отрядов на коммуникации противника и блокирование дорог (как раз в этом районе были расположены основные силы бригады) мешали перегруппировке и маневрированию сил противника. С другой

стороны, партизаны господствовали в лесах и на пересекающих их коммуникациях. В таких условиях противник не мог создать непрерывную линию фронта. Свою оборону он был вынужден строить поэтому на отдельных укрепленных пунктах, создававшихся обычно на перекрестках дорог. И здесь своей непосредственной помощью советским дивизиям партизаны ускоряли окружение и уничтожение многих сильно укрепленных немецких узлов сопротивления, способствовали таким образом быстрому продвижению частей Советской Армии.

Так, 24 июля взвод 3-го отряда под командованием Дорофеева провёл через лес в тыл противника полк одной из советских дивизий, разведка месторасположение противника и принял участие в наступлении на деревню Горнасти. В результате успешного наступления была перерезана дорога Лиепна—Кацены, отрезан и изолирован сильный артиллерийский заслон противника, который фронтальным ударом невозможно было бы ликвидировать без больших потерь. Командование дивизии объявило партизанам благодарность.

В ночь на 25 июля разведчики бригады провели по партизанским тропам и лесным дорогам станции Жигури в тыл противнику два батальона пехоты с артиллерией. На утро бойцы форсировали реку Лиепна и внезапным ударом заняли населенный пункт Калуги, отрезав, таким образом, от Лиепны первую линию обороны немцев. Партизан-проводников командование дивизии представило к награде.

Точно так же был занят сильно укрепленный Лиепненский дорожный узел, который защищала немецкая дивизия «смертников». В ночь на 26 июля разведчики бригады провели через болото к западной окраине Лиепны батальон советской дивизии. Этим была решена судьба дивизии «смертников»: её окружили со всех сторон, выскользнуло лишь несколько разрозненных групп.

Большую службу командованию советских соединений сослужили также данные партизанской разведки.

6 отряд охранял от немецких подрывников мост через реку Ворожу до тех пор, пока не подошли части советской гвардейской дивизии. Один из проводников этого отряда вывел артиллерийскую колонну через болото к станции Кудупе, что помешало переброске дополнительных сил из Эстонии на помощь лиепненской группировке.

4 отряд уберёг от немецких подрывников и передал частям Советской Армии мост через реку Болупе у Рамуксты. 30 июля партизаны отряда помогли одной из советских дивизий построить южнее Малупе прифронтную дорогу через заболоченный лесной массив, по которой была доставлена необходимая для наступления дивизии артиллерия и боеприпасы. Эту же дивизию партизаны вывели 31 июля в тыл малупской немецкой группировки и помогли форсировать реку Педедзе в районе деревни Мишки. В результате были окружены и разгромлены крупные немецкие силы, а волость была спасена от сожжения, к которому уже приступили жандармские команды. Командование дивизии объявило отряду благодарность. Разведчики 4-го отряда в районе Яунанны оказали серьезную помощь разведчикам дивизии и корпуса. Подобных случаев было очень много, и всех их здесь невозможно перечислить.

В августе линия фронта на время остановилась в районе Гулбене. В это время в тылу немецкого фронта, подвергаясь частым нападениям карательных экспедиций, действовали ещё 5-й отряд (в Палсманских лесах), подотряд Леиня (в Гауиене), взвод Гайлиса (возле города Валки), группа А. Барановского (северо-восточнее Яунпиебалги). В боях 5-й отряд уничтожил полроты немцев, 5

тяжёлых и одну легковую автомашину, подотряд Леиня — 5 автомашин и один мотоцикл, взвод Гайлиса — несколько десятков оккупантов.

В сентябре началось решающее наступление 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов в Латвии. В эти осенние дни были освобождены последние волости Северной Латвии, и её население после 3 лет фашистского террора и рабства приветствовало свою спасительницу, освободительницу народов — Советскую Армию.

Вышла из лесу и I Латвийская партизанская бригада. Расформирование её основных отрядов произошло в Абрене и Лудзе. Часть бойцов бригады вступила в Советскую Армию и продолжала борьбу на фронте, остальные по распоряжению СНК ЛССР и ЦК КП (б) Латвии приступили к восстановлению народного хозяйства в разрушенных немцами волостях и городах Латвии.

Правительство Советского Союза высоко оценило борьбу партизан Северной Латвии с оккупантами. Указами Президиума Верховного Совета СССР свыше 200 северолатвийских партизан были награждены орденами и медалями, причем шестеро из них удостоены высшей награды — ордена Ленина, а 25 — ордена Красного Знамени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как оценить возглавлявшееся коммунистами партизанское движение в Северной Латвии?

О работе судят по её результатам. Деятельность северолатвийских партизан надо оценивать тоже с точки зрения её результатов.

Чем же могут гордиться партизаны Северной Латвии?

Во-первых, значение партизанского движения в Северной Латвии состоит в том, что оно было верным помощником Советской Армии, той могучей армии, которая освободила оккупированные фашистами советские области и привела к разгрому гитлеризма в Европе. В этой связи имели значение и результаты боевой деятельности северолатвийских партизан.

Итоги боевых действий партизан Северной Латвии за последние 15 месяцев, т. е. с тех пор, когда под руководством 1-го латвийского партизанского отряда началась централизация партизанского движения в Северной Латвии, таковы: из строя выведено свыше 15 000 солдат и офицеров противника, пущено под откос 126 воинских эшелонов, 2 мотодрезины, уничтожено или повреждено 277 автомашин, 7 танков, 1 самолет и т. д.

Но оценивая партизанское движение в Северной Латвии, нельзя считать единственным критерием лишь результаты боевых действий партизанских отрядов. Они характеризуют собою лишь одну сторону дела.

Всесторонняя оценка должна включить также и ту идеологическую и организационную работу, которую северолатвийские партизаны, будучи наиболее сплоченным антифашистским ядром трудового народа, проводили в массах под руководством коммунистов.

В годы тяжёлых испытаний трудящиеся Латвии не были повергнуты жестоким террором оккупантов в пассивное бездействие, а самоотверженно боролись против гитлеровцев. Когда же наступил конец этому трудному времени, латышский народ в новых условиях продолжал борьбу за великие завоевания Октября и активно включился в послевоенное социалистическое строительство.

Таково историческое значение партизанского движения в Северной Латвии и таковы его итоги.